

627986 Акимова, ^{Т.М.} Ардабазская, А.М.

Очерки
истории
Саратова.

Саратов
1940

(47) 39

Т. М. АКИМОВА и А. М. Ардабацкая

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ САРАТОВА

(XVII и XVIII век)

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
при С. Г. У.
III отд. учебн.

160764
1980 40

О
Г
В
Л
О

САРАТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

О Г Л А В Л Е Н И Е

Крепость на Волге	
Саратов 300 лет назад	
Разин на Волге	
Торговое значение Саратова	
Саратов Петровских времен	
Накануне движения Пугачева	
Пугачев в Саратове	
Примечания	

627986.

КРЕПОСТЬ НА ВОЛГЕ

Саратов основан в 1590 году вместе с рядом других крепостей, которые ставило русское правительство на Нижней Волге в конце XVI века. В 1589 году боярин Григорий Осипович Засекин был послан строить крепость Царицын (нынешний Сталинград), а в 1590 году этот же Григорий Засекин был уже воеводою в городе Саратове, который в документе от этого года называется „новым“.

О стройке Саратова не сохранилось ни одного документа, и год его основания вызывал у некоторых историков сомнения и споры. В 1891 г. на выставку, которую устраивала Саратовская Архивная Комиссия, в связи с 300-летним юбилеем города, было представлено рукописное евангелие конца XVI века, в конце которого переписчик этой книги поп Денис Иванов сделал приписку: „Лето 7098 месяца июля во 2 день в память положения пояса пречистыя богородицы приехал князь Григорий Осипович Засекин да Федор Михайлович Туров на заклад города Саратова ставити“. К сожалению, книга эта, за недостатком средств, Архивной Комиссией не была приобретена и исчезла. Но с надписи о постройке Саратова была сделана копия. Эта надпись дает возможность считать годом основания Саратова бесспорно 1590-ый¹.

Место же Саратовской крепости 1590 года неизвестно до настоящего времени. Не найдено и городище Саратова. Высказывались предположения, что Саратов стоял выше современного города в районе села Пристанного, другие считали, что он находился значительно ниже, на Увекке, третьи предполагали, что город был поставлен в северной части современной его территории на южной стороне устья Глебучева оврага. Некоторые даже утверждали, что город был первоначально на левом берегу Волги. Однако большинство историков считает несомненным то, что город был поставлен в 1590 году на правом берегу Волги. На правом же берегу показывают его и карты самого начала XVII века².

Название города Саратова татарского происхождения. Слово Саратов произошло, повидимому, от татарских слов „Сарытау“, что значит „желтая (или красивая) гора“. Возможно, что

Соколовая гора, возвышающаяся над Волгой, послужила для названия города.

До постройки Саратовской крепости наше Поволжье было далекой окраиной Московского государства. В начале XVI века вся Средняя и Нижняя Волга была в руках татарских ханств Казанского и Астраханского, образовавшихся в результате распада некогда могущественного государства татар — Золотой Орды. Эти ханства уже не имели былого могущества Золотой Орды, и все время ослабляли себя междоусобными распрями и войнами.

А между тем Русское государство, прежде тяжело страдавшее от татарского ига, сбросив его еще в конце XV века, выросло в сильное централизованное объединенное национальное государство. Казанское ханство затрудняло процесс централизации Московского государства, мешало сосредоточить силы на борьбе с остатками феодальной раздробленности. Татары сильно вредили окраинам Русского государства, производя постоянные набеги и увозя население в плен. Кроме этого, татарские ханства на Волге, особенно Казанское, мешали русской торговле с Востоком. Казань сама вела обширную торговлю с восточными странами, а стояла она как раз на пути Москвы в эти страны. Борьба Москвы с Казанью завершилась полной победой Русского государства в 1552 году. А через 4 года пала и Астрахань.

Завоеванием Казанского и Астраханского ханств и всех тех народов, которые входили в их состав, было положено начало превращения Московского государства в многонациональное государство.

„На востоке Европы... образование централизованных государств, ускоренное потребностями самообороны (нашествие турок, монголов и пр.), произошло раньше ликвидации феодализма, стало быть, раньше образования наций. Ввиду этого нации не развились здесь и не могли развиться в национальные государства, а образовали несколько смешанных, многонациональных буржуазных государств, состоящих обычно из одной сильной, господствующей нации и нескольких слабых, подчиненных. Таковы: Австрия, Венгрия, Россия“. (И. Сталин. Сб. „Марксизм и национально-колониальный вопрос“. Стр. 65. Госполитиздат. 1938 г.).

Русское государство завладело Волгой на всем ее протяжении. Это был важнейший торговый путь.

Волгой спускались в Каспийское море, а морем пробирались в страны Закавказья, в Персию, а через нее в далекую „Богатую Индию“. Эти страны славились своими шелковыми тканями, парчей, коврами, драгоценными камнями, красками, оружием. Но путь по Волге был полон опасностей. Татары кочевавшие по Волге ногайцы * нападали на торговые караваны, грабили их, убивали или увозили в рабство купцов и их слуг. До завоевания Поволжья купцы, отправляясь торговать, стар

* Ногайцы — родственник татарам народ, тюркского племени.

лись присоединиться к какому-нибудь посольству — или к русскому, или астраханскому, или персидскому, охранявшимся сильными вооруженными отрядами.

Плавание по Волге на гребных судах было очень медленным. Поэтому посольства, с примкнувшими к ним русскими, персидскими, армянскими и другими купцами, отправлялись наше сухим путем, по берегу Волги.

Большой караван, далеко растянувшийся по дороге, держался все время настороже. Днем путники зорко всматривались в дикую, пустынную степь. А на ночь караван останавливался. Повозки и громоздкие тюки ставили кругом, а в середине укладывали самые дорогие товары и помещались люди. Всю ночь по очереди дежурила стража. Больше двух месяцев продолжалось это опасное путешествие по чужим землям.

Волга славилась своими рыбными богатствами. Низовья Поволжья изобиловали соляными озерами, из которых добывалась дорогая в то время соль. Все это сразу же по завоевании Поволжья стало привлекать туда торговцев и промышленников из русских городов.

Однако опасность постоянных набегов кочевников оставалась грозной преградой для русских предпринимателей. Уже Иван IV, завоеватель Поволжья, предпринимает ряд мер к укреплению и охране завоеванных границ. На лето в Нижнее Поволжье присылались разъезды и ставились станицы для пограничной охраны.

На правом берегу Волги против устья реки Караман „под Караманским лесом“ была организована Караманская станица. Это было первое постоянное поселение Саратовского Поволжья — предшественница Саратова. Сюда присылалось 50 человек казаков; да татар, мордвы и чуваш 50 человек и 35 человек с ними „детей боярских“. В 1571 г. была разработана специальная инструкция „боярский приговор“ о том, как должны выполнять станичники пограничную службу. Приговор отмечал, что станицы ставятся для того, „чтобы государеву делу было прибыльнее и бережнее от воинских людей“. Этот боярский приговор давал станищикам подробное наставление.

„Стояти сторожам на сторожах, с коня не сседаая, перемываясь. И ездить по урочищам... направо и налево по два человека по наказам, каковые наказы дадут им воеводы“. Приговор наказывал станищикам лучше выслеживать кочевников, держаться как можно осторожнее: не делать постоянных станов, и огни класть не в одном месте. „В коем месте кто полдневал и в том не ночевать, и кто где ночевал, в том месте не полднеть“.³

Станицы все больше теснили кочевников. В октябре и ноябре, когда подсыхала трава, станичники должны были зажигать степь, чтобы ногайцы не двинулись на север. В ясный день, когда ветер дул не на „государеву“, а на степную сторону, станичники поджигали траву. Сухая трава сразу загоралась, пламя быстро охватывало громадные пространства. Оголив пожаром степь, станичники не давали возможности кочевникам продвигаться

на север, т. к. на оголенном пепелище негде было укрыться от русских сторожевых дозоров, а главное, нечем кормить коней.

Нелегка была служба станичников. С началом весны в поволжские степи прикочевывали из зимовок от Каспийского моря ногайцы,—сильный, закаленный и воинственный народ. Мужчины-ногайцы всегда были на лошадях, вооружены луками и стрелами. Их небольшие поджарые лошади были очень выносливы. Как ни скрывали станичники места своих станиц и разездов, кочевники разузнавали о них.

Наезжали также отряды крымских татар. Вместе с ногайцами они внезапно нападали на сторожевые русские станы и нередко захватывали их. Больше же всего боялись станичники встретиться с ногайцами в открытой степи. Ногайцы на всем скаку легко выбивали из седел русских, которые по сравнению с ними были плохими наездниками, и, спешив их, легко с ними расправлялись.

Ногайцы входили некогда в состав Золотой Орды. Их центр — город Сарайчик стоял на реке Яике. Там жили купцы, ремесленники. Около Сарайчика были поселки оседлого населения — земледельцев. Но большинство ногайцев вело кочевую жизнь, занималось скотоводством. По летам часть их кочевала по берегам Волги, — их любимой реки. „А мы с братиею на Волге стоим, — писал один ногайский мурза (князь), — на этом свете нам Волги не можно оставить“⁴.

С Москвой ногайцы вели давнюю торговлю, сбывая туда свой скот, особенно лошадей, а сами получали от нее товары бытового значения. В связи с этим ногайцы от Москвы сильно зависели. После падения Астрахани часть ногайцев во главе с князем Измаилом попала в вассальную зависимость от Москвы. Эта часть ногайцев кочевала в прикаспийских и поволжских степях и носила название Большие Ногаи. Другая же часть, так называемые Малые Ногаи, отошла к Крымскому ханству.

Не только татар и ногайцев теснили разезды и станицы московского царя. На окраинах Русского государства, в мало заселенных местах, скрывались крестьяне, бежавшие от невыносимого гнета бояр, помещиков и монастырей. Здесь эти беглые организовывались в казацки круги и жили вольною жизнью, не платя государевых податей. За ними также зорко следили станичники.

Скоро пограничная охрана в виде сторожей и станиц становится недостаточной. Правительство предпринимает постройку крепостей вдоль Волги. В 1586 г. построена Самара, в 1589 г. на важнейшем месте переволоки* с Дона на Волгу — Царицын, в 1590 г. — Саратов. С постройкой крепостей русское правительство получает возможность полностью использовать не только Волгу, но и приволжские земли.

Это хорошо понимали соседи Московского государства. Ногайский князь Урус, услышав о постройке русских городов,

* Переволока — место, где Волга наиболее близко подходит к Дону, где обычно суда перетаскивали посуху с одной реки на другую.

писал московскому царю: „Ты на четырех местах хочешь города ставить, на Уфе, да на Увеке, да на Белой Воложке. А теми местами твои деды и отцы владели ли? Поставил те города для лиха и недружбы“⁵.

Первоначально город Саратов был небольшой крепостью, населенной исключительно войсковым гарнизоном. Летом отряды гарнизона находились в постоянных разъездах и военных экспедициях. Начиная же с осени, жизнь в крепости замирала: движение по Волге прекращалось, мимо города не проходил ни конный, ни пеший; на далекое расстояние не было никаких русских поселений.

Поздней осенью, в октябре 1600 года, темным бурным вечером, когда Волга бушевала, колотясь волнами о крутой берег, недалеко от Саратова, против Курдюма-острова, разбились суда русского посольства, направлявшегося в Персию⁶. Послы везли в подарок от царя Бориса персидскому шаху кречетов и живого соболя. С русским посольством ехал персидский посол, возвращавшийся из Москвы. Путники все спаслись, выбрались в шлюпках на берег, но суда были разбиты. Пришлось послам остаться в Саратове зимовать. В маленькой крепости не было такого запаса пищи, чтобы прокормить 90 человек послов и 114 чел. стрельцов, их проважавших. Кое-как разместил воевода всех гостей, выдал стрельцам рожь из государственных амбаров по обычной норме. С послами же пришлось очень трудно. Воевода Елизаров описал у жителей всех кур, овец, свиней, коров и постепенно их забирал для послов. Когда же и этого нехватило, он послал стрельцов по займищам „стрелять зверялося“. Только весной вздохнули саратовские стрельцы свободно. Починили посольские суда и отправили их вниз до Царицына.

* * *

Положение народных масс в конце XVI в. было очень тяжело. Хозяйство страны было истощено Ливонской войной и опричниной. Нуждаясь в средствах, помещики увеличивали оброки с крестьян, усиливали эксплуатацию, а царские указы все больше и больше закрепощали крестьян.

В 1592 г. была произведена всеобщая перепись крестьян, явившаяся средством для их дальнейшего закрепощения. А в 1597 году был издан указ, который давал право помещикам искать и возвращать бежавших от них крепостных. Закрепощено было большое количество таких, прежде свободных крестьян, которые, разорившись в своем хозяйстве, уходили на время в добровольную кабалу к помещикам. Они сохраняли раньше право свободного выхода. Указ же 1597 года закрепощил этих „добровольных холопов“.

Много беглых собиралось на юго-восточных границах государства, по реке Дону и его притокам, в низовьях Волги. Здесь они жили вольною жизнью и назывались казаками (что значит вольные люди). Казаки не платили податей и налогов, не под-

чинялись московским властям, а сами выбирали своих начальников и должностных лиц — атаманов, сотников, есаулов.

Московское правительство использовало казаков в своих интересах, держа их как заслон от татарских набегов. Оно поддерживало их, снабжая время от времени хлебом, сукнами, военными припасами и деньгами. Однако, вместе с тем правительство боялось казаков, т. к. они питали постоянную ненависть к господствующим классам. Казаки не прочь были иногда пограбить торговые караваны на Волге, порастрасти боярскую и купеческую мощь. В „боярском приговоре“ — инструкции, данной станичникам пограничной южной окраины, правительство строго наказывало следить не только за кочевниками, но и за казаками, представлявшими для него постоянную угрозу. Саратовский воевода Засекин с первых же дней повел с казаками жестокую борьбу. Он рассылал военные отряды вниз по Волге и на реку Медведицу разорять казачьи становища.

Основание постоянных крепостей на Волге заставило казаков уходить вниз по реке Дону и Донцу подальше от властей, от бояр, помещиков.

Начало XVII века ознаменовалось для русского народа ухудшением его и до этого бедственного положения. Три года подряд 1601, 1602 и 1603 был неурожай. Начались страшный голод и жестокие эпидемии. Голод, по описаниям путешественников, был так ужасен, что крестьяне ели мякину, дубовую кору, кошек, собак, пожирали трупы. Умирали от голода на улицах и дорогах. Трупы валялись необранными. Бояре, купцы, монастыри использовали голод для своего обогащения. Невероятно выросли цены на хлеб и другие съестные припасы, которых в боярских и купеческих дворах было запасено большое количество. Народные массы, изнуренные разорением своего хозяйства в конце XVI в., теперь были доведены до крайности. В разных местах вспыхивали восстания. Крестьяне громили боярские усадьбы, жгли и разоряли помещиков. Начались волнения и в городах.

Страшный голод постиг и Поволжье. Здесь не было своего хлеба. А правительство задерживало и не высылало хлебного жалованья стрельцам.

Начавшаяся крестьянская война проходила в чрезвычайно сложной и напряженной политической обстановке. Крупное боярство, отстраненное от власти еще Иваном IV, продолжало вести борьбу с мелким дворянством, выдвинутым Грозным и поддерживаемым также Годуновым. Но они объединялись общими экономическими интересами и страхом переддвигающимся крестьянским восстанием. А за плечами Московского государства стояли сильные враги — Польша и Швеция, косявшие на его растущее могущество и на его западные земли.

Польша воспользовалась обострившейся классовой борьбой внутри Русского государства. Она снабдила средствами и войсками появившегося в ее пределах самозванца, который под именем Дмитрия (сына Грозного, убитого в Угличе) вошел в пределы Московского государства. Слухи о появлении царевича

Димитрия, будто бы спасшегося от смерти, быстро распространились. Волновавшееся казачество и крестьянство Северной Украины стало примыкать к его войскам. Когда стало известно, что умер царь Борис, то к войскам Лжедимитрия примкнули и многие бояре, надеясь с его помощью вернуться к власти. Лжедимитрий занял царский престол, в Москву понаехали поляки, бесчинствовали и грабили население. В народе росло глухое недовольство против польского ставленника. Настроением масс воспользовались бояре, Лжедимитрий был убит. Престол захватил крупный боярин князь Василий Шуйский.

Против боярского правительства восстала московская городская беднота. Одновременно поднялось восстание на Северной Украине, где скопилось много казаков и беглой бедноты. Руководителем движения был Иван Болотников, бывший холоп князя Телятевского. Около него собрались крестьяне, боярские люди, стрельцы и посадские. Целью восставших было не только свержение Василия Шуйского, но и уничтожение крепостного права. Армия Болотникова двинулась на Москву и разбила по дороге правительственные отряды. К ним примыкали новые группы восставших. Восстание охватило все районы к югу от Москвы. К Болотникову присоединились и отряды мелких дворян под руководством Пашкова и Ляпунова, однако, когда повстанцы подошли к Москве и окружили ее, дворяне перекинулись на сторону Шуйского. Болотников был отброшен от Москвы и отступил в Калугу.

Тем временем все Нижнее Поволжье было охвачено восстанием, которое поднялось еще в 1606 году. Волновались и терские казаки, не получая хлебного жалованья. „Государь де нас хотел пожаловать, да лихи бояре, переводят де жалование бояре, да не дадут жалования. И стали де казаки 300 человек опроче всего войска тайно приговаривать, чтобы итти на Волгу, громить судов торговых, а выбрать де и назвать царевичем Илейку“⁷.

Казаки выбрали своим руководителем Илью, по прозвищу Муромец. Был он родом из города Мурома. Многие ему в жизни пришлось повидать и перетерпеть. Жил он и в Астрахани, где работал кормовым рабочим на торговых судах, был и на Дону у казаков. Он назвал себя царевичем Петром, якобы сыном царя Федора Ивановича.

Терские казаки с присоединившимися отрядами донских и волжских казаков направились вверх по Волге.

В это время против Шуйского восстал гарнизон астраханских стрельцов вместе с воеводой Хворостинным. Поднялось восстание и в Царицыне. Царицынцы отправили своего арестованного воеводу Акинфова в Астрахань, где он и был казнен. На усмирение астраханцев правительство направило отряды войск с боярином Шереметевым во главе. Астраханцы так стойко держались, что Шереметев два года простоял безрезультатно на острове Бальчике в 15 верстах от Астрахани, и в 1608 году вместе со своим отрядом был отозван в Москву.

Казачьи отряды, дойдя до Казани, повернули обратно по Волге на соединение с Болотниковым „и едучи Волгой на

встрече всяких служивых людей и торговых и на ватагах* промышленных людей побивали до смерти и грабили. И Самару и Саратов проехали и, не доехав до Царицына, рекою Камышинкою проехали в Украинные города на Воронеж“.⁸ Отряды войск Илейки Муромца с присоединившимися заворожцами захватили Тулу. После нескольких сражений с царскими войсками, пытавшимися воспрепятствовать соединению Болотникова с отрядами Илейки, войска Болотникова разбили царские отряды и прошли в Тулу. Почти полгода осаждали царские войска лагерь повстанцев. И только затопив город водою из Упы,— сумели его взять. Жестоко расправилось правительство с повстанцами. Болотников и казак Илья были сосланы, а затем казнены.]

Но восстание не утихло. Оно вспыхивало то тут, то там по всему государству. В 1608 году вновь поднялись волжские казаки и двинулись по Волге. Они выдвинули трех самозванцев. Августа, якобы сына Грозного, и Осиновика и Лавра, якобы его внуков. Подойдя к Саратову, казаки осадили крепость, но воевода города Замятня Сабуров с детьми боярскими в засаде „отсиделся и на приступах и на вылазках астраханских воров многих побили“. Впоследствии войсковое начальство Саратовского гарнизона получило награды „за саратовскую службу и за осадное сидение при царе Василии с Замятнею Сабуровым“.⁹ Однако, далеко не все население маленькой Саратовской крепости оставалось на стороне боярского царя Василия Шуйского. Рядовой состав гарнизона—стрельцы уже в 1609 году отказались признавать В. Шуйского царем. Значительная же часть Саратовского гарнизона присоединилась к восставшим казакам, в городе оставалось очень небольшое количество стрельцов.

Крестьянское восстание не могло одержать победы. „Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета“,—так говорит товарищ Сталин о крестьянских восстаниях в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом. Тов. Сталин объясняет причину поражения крестьян: „Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями“. (И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Изд. 1933 г., стр. 8-9).

Что происходило в Саратовской крепости с 1609 г. по 1613 год, когда русский народ поднялся на польских и шведских интервентов, вторгшихся в Русское государство, когда русские ополчения героически боролись с интервентами, наконец, изгнали их, где был в это время саратовский гарнизон,—совершенно неизвестно. В 1613 году зимой маленькая Саратовская крепость выгорела до основания. Стрельцы, бывшие в городе, оставив пепелище, в 1614 г. пришли лешком за 350 верст в Самару, „душою и телом“, как говорит документ, т. е. без всякого имущества.

* Ватаги—рыбные промыслы.

САРАТОВ 300 ЛЕТ НАЗАД

Правительство Михаила Романова после жестокого подавления крестьянского восстания отстраивает разрушенные города и крепости. В Нижнем Поволжье были не только восстановлены старые крепости, но и построены новые. Временный острожек был поставлен на важнейшем в военном отношении месте Камышинской переволоки. Здесь Камышинкою рекою переправлялись донские казаки с Дона на Волгу и обратно. На лето в этом остроге* стали ставить сильный отряд стрельцов в 700 человек. „А ходу Камышинкою рекою 3 версты в степь, а там волоку 20 верст — казаки струги волочат. А там река Иловля потекла в степь и впала в Дон. Ту де ходят казаки на Волгу. А стрельцы стоят для воровских казаков и их имают, а иных побивают“. Так говорит о Камышинском остроге проезжавший Волгою торговый гость Котов¹⁰.

Саратов был заново отстроен в 1616 г. на левом берегу Волги. Следы этого Саратова видны и сейчас в километре вверх от города Энгельса, на мысу, образуемом впадением речки Саратовки в Волгу. Там кое-где сохранились остатки рва, вала и жилищ в виде правильно расположенных ям.

Это была такая же, как и раньше, небольшая деревянная крепость, окруженная бревенчатым тыном, с тремя воротами и несколькими бревенчатыми боевыми башнями. В тыну были устроены бойницы. Вооружена была крепость „огненным снарядам“ — артиллерией из литых чугунных пушек и пищалей**. Московский купец Котов, проезжавший Волгой еще в 1623 г., писал¹¹: „На Саратове город стоит на луговой стороне, башни рубленые, круглые, двор и ряды в городе. А за городом стрельецкие дворы и рыбные лавки и амбары, где кладут с судов запасы. А стоит над Волгою на ровном месте. А по нижнюю сторону речка Саратовка вышла из степи. А около пошла степь во все стороны“.

Сама крепость города была очень невелика. Основное население, и военное и посадское, жило внутри города, за стенами.

* Острог — крепость.

** Пищаль — тип ружья, укрепленного в стене, с дулом в несколько метров.

В 1634 г. взрослых мужчин в Саратове было 511 человек. Сколько женщин и детей — неизвестно, так как статистика того времени их не учитывала. Гарнизон крепости состоял из 427 человек, т. е. 84% всех жителей¹². Это пограничное войско состояло из мелких служилых людей — стрельцов, пушкарей, ворóтников* и др., которые попадали в новую далекую пограничную крепость не по своей воле. Царское правительство посылало их насильно, набирая большею частью из верховых поволжских крепостей: Самары, Нижнего Новгорода, Казани, а также из покоренных народов бывшего Казанского царства: мордвы, чуваш и татар. Правительство обращало многих из этих народов в „служилых людей“ и платило им денежное и хлебное жалованье, стремясь создать послушное себе войско.

В 30-х годах XVII в. постоянный гарнизон в Саратове состоял из 200 человек пеших стрельцов, 100 человек конных стрельцов, 100 человек „годовальщиков“, т. е. присланных только на время, 4 человек пушкарей и 2 ворóтников. Войсковое начальство состояло из 18 человек „детей боярских“ — младшего командного состава, 3 человек сотников, стрелецкого головы и воеводы.

Кроме этого постоянного войска в Саратове часто было еще дополнительное войско, выполнявшее разные специальные работы. В 1630 г. было прислано на время „покамест острог делают“ 57 человек детей боярских, 114 „новокрещенов“ и „бусурман“, т. е. недавно крещеных и некрещеных народов Поволжья — мордвы, чуваш, татар, а также еще 215 человек стрельцов и 50 плотников.

Стрельцы города Саратова редко сидели на месте в городе. Тяжелая пограничная служба в том и состояла, что их то и дело посылали отрядами в разные стороны, то посмотреть, нет ли где поблизости кочевников и не намереваются ли они произвести набега на русское пограничное население, то узнать о казаках, которых все больше и больше собиралось на Дону и на Волге и по отношению которых правительство всегда держалось настороже, а то и по своим личным делам куда-нибудь отправлял стрелецкий голова или сам воевода.

Но не только военные поручения выполняли стрельцы. Их посылали до следующей крепости провожать и охранять от нападений караваны купеческих судов, проезжавших по Волге, посылали с караванами судов и просто в качестве гребцов. Стрельцы же работали и на стройках крепостей. Они рыли рвы, насыпали валы, рубили лес, работали и плотниками. С 1631 г., несколько лет подряд, сто саратовских стрельцов (80 пеших и 20 конных) с одним сотником посылались ежемесячно на реку Ахтубу и под Царицын „для кирпичныя и каменные ломки к Астраханскому городовому делу“. „Там велено кирпич брать на Ахтубе и ханскую мечеть и дом сломать, чтобы было на построение довольно как белого камня, так и железа“¹³.

Весь этот строительный материал из старых татарских городов

* Ворóтники — часовые у ворот.

велено было сплавлять на судах в Астрахань для постройки каменного кремля. В важнейшем пункте, в устье Волги, правительство ставило мощную крепость.

За пограничную службу стрельцы получали „государево жалованье“ — денежное — 3 рубля в год и хлебное — две четверти ржи и 2 четверти* овса на лошадь. Денежное жалованье выдавалось нерегулярно, а выдача хлебного жалованья очень часто задерживалась. И тогда приходилось особенно туго. Своего хлеба стрельцы Низового Поволжья засеять не могли: набегали кочевники и вытаптывали посеы. В течение всего XVII века Саратов пользовался почти исключительно привозным хлебом. Стрельцы разводили коров и коз, кормились тем, что ловили рыбу в богатых волжских водах.

Хорошо жили в Саратове только войсковые начальники: сотники стрелецкие, стрелецкий голова да воевода. Они получали жалованье по 60 и по 100 рублей в год, да за военные походы царь жаловал их дорогими подарками. В 1629 г.¹⁴ стрелецкий голова города Саратова Микифор Михайлов сын Кошелев получил от царя 10 аршин „камки**“, куфтеру*** червленого**** по 1 рублю по 6 алтын по 4 деньги аршин“. „А пожаловал (говорит грамота) государь его за казачью за волжскую службу, что будучи он на Саратове у стрельцов в головах, послан был с Саратова на Волгу на воровских казаков. И в той посылке шед на Волге, воровских казаков на голову побил и, языков***** взяв, на Саратов привел“. Подарок был дорогой. Он стоил 12 рублей 20 копеек, т. е. больше 4-х годового жалованья стрельца. Рядовым же стрельцам, в случае военных отличий, правительство „жаловало“ не больше как кусок сукна на шапку.

16% населения в Саратове было невоенных, живущих в посадской „черной слободе“ в черте города. Жители этой слободы, в противоположность стрельцам, были добровольными пришельцами в новый город из разных мест Русского государства.

Население Нижнего Поволжья увеличивалось главным образом за счет бежавшего сюда крестьянства. Разоренное длительными войнами, польско - шведской интервенцией и карательными отрядами после крестьянской войны, крестьянское хозяйство было в жалком состоянии. Во многих местах хлеб не сеяли в течение нескольких лет, а где и был посеян, там его вытаптывали проходившие войска или он оставался необраным.

Правительство царя Михаила Федоровича для пополнения царской казны, для содержания войска и других нужд увеличивает подати и налоги с крестьян и с горожан.

Обнищавшие крестьяне и городская беднота убегали от тяжелых податей и повинностей на окраины государства. Много

* Четверть в XVII в. равнялась пяти пудам, или 80 килограммам.

** Камка—шелковая ткань.

*** Куфтера—особый вид шелка с царчевым узором.

**** Червленный—золоченый.

***** Языков—пленных.

беглых собиралось в Саратовском Поволжье, немало их было и в самом Саратове.

Саратовский „посад“ состоял из мелких торговцев и ремесленников, собравшихся сюда отовсюду. Занимались эти люди преимущественно промыслом, иные—ремеслами: сапожным, калачным, плотничным и другими. Они обслуживали военное население крепости. Несколько человек торговали. В среднем капитал каждого из 17 саратовских торговцев равнялся 22,7 рублям (т. е. приблизительно 314 руб. по ценам конца XIX века).

Большая же часть саратовского невоенного населения была значительно беднее. Из 83 человек этого невоенного населения только 32 человека посадских людей, прочно обосновавшиеся в городе, имели свои дворы и дома и занимались промыслом. Большинство же, 51 человек—„соседи“ и „подсоседники“—не имели своих дворов и ютились по углам в чужих домах. Они обычно не платили податей. Это были пришлые из разных мест „вольные люди“, искавшие лучшей жизни в новых местах Низового Поволжья. Один из них был вятчанин, другой сузалец, третий гороховец и т. д. Часть из них занималась мелкой торговлей, но „капитал“ таких „купцов“ вместе со всем имуществом был не больше 2—5 рублей. Остальные были еще беднее, либо ремесленичали, либо батрачили у посадских¹⁵.

Время от времени воевода города созывал всю эту пришлую бедноту в съезжую избу, допрашивал, кто из них откуда родом, а потом записывал на работы в какие-либо казенные промыслы, чаще всего в рыбный промысел дворцовой рыбной слободки, стоявшей на Волге против Саратова. И снова их закабалили.

От тяжелых царских налогов не избавлялись беглые и здесь. Неудачная война с Польшей 1632—1634 годов, предпринятая в целях возвращения Смоленских земель, тяжело отразилась на хозяйстве страны и опустошила казну. Почти каждый год, кроме постоянных налогов, государство накладывало на посадских людей разные чрезвычайные сборы, равнявшиеся то десятой, то пятой части всего их имущества. В 1634 г. правительство собирало со всего городского населения „пятинную деньгу“—чрезвычайный денежный налог в 20% всего имущества. Саратовский воевода получил приказ: „с Саратовских с посадских и со всяких с торговых людей, и сосед и с подсоседников, и с их животов (имущества) и с торгов собрати государевым ратным людям на жалованье пятинные деньги“.

Получив грамоту, воевода Феофилачев собрал посадских людей в съезжую избу, прочитал им указ и велел выбрать из своей среды сборщиков—„окладчиков“—„людей добрых, сколько человек пригоже, которые б были душою прямы и своих животов (имущества) и промыслов не таили и всяких торговых и промышленных людей животы и торги знали“. Окладчик должен был определить доход и имущество каждого посадского человека и назначить размер налога с него „пятинных денег“. И пришлось саратовским жителям—сапожнику Фролке Максиму платить 10 алтын с его капитала в полтора рубля, а са-

мому крупному торговцу Ивашке Филиппьеву, имевшему капитал в 60 рублей, — целых 12 рублей пятинных денег — громадную сумму по тому времени.

Саратов. Рис. А. Олсария 1636 г.

В августе 1636 года по Волге проезжало голштинское* посольство, отправлявшееся в Персию. После длительных переговоров в Москве голштинцы получили разрешение проехать Волгой сначала для заключения торгового договора с Персией, а потом за товарами. Правительство царя Михаила Федоровича, скрепя сердце, дало это разрешение — не хотелось создавать конкурентов русским купцам. Но Голштиния по договору обещала хорошо оплачивать это право проезда через Московское государство, а царская казна была пуста. И 600 тысяч „ефимков“, или 300 тысяч русских рублей в год, выговоренные Москвой с Голштинии, казались царю важным подспорьем.

Торговать голштинские купцы могли только такими товарами, которыми не торговали русские. В договоре было все точно указано: „А торговати нам в Персиде и покупати тех земель всякие товары, которыми русские торговые люди не торгуют. А в краску нам в Персиде сырого шелку не давати и крашеными шелками нам русским торговым людям в их торговле в Персиде не мешати. А иных нам товаров, которые его царского величества торговые люди у персидских людей торгуют, не покупати“. Голштинцы обязались не покупать тех товаров, которыми торговали русские купцы: крашеного шелка, бархата, атласа, парчевых тканей, разнообразных крашенных бумажных тканей, разных красок, а также риса, оружия, дорогих ковров и некоторых других вещей, имевших спрос в Московском государстве.

В Нижнем Новгороде для голштинского посольства был выстроен специальный парусный корабль „Фридрих“. Он был в 120 фут.** длины с тремя мачтами и 24 веслами на случай безветрия и имел небольшую шлюпку. Кроме того, за кораблем шли баржи с провизией.

* Голштиния — маленькое германское государство в южной части Ютландского полуострова.

** Фут — мера длины, несколько больше 30 сантиметров.

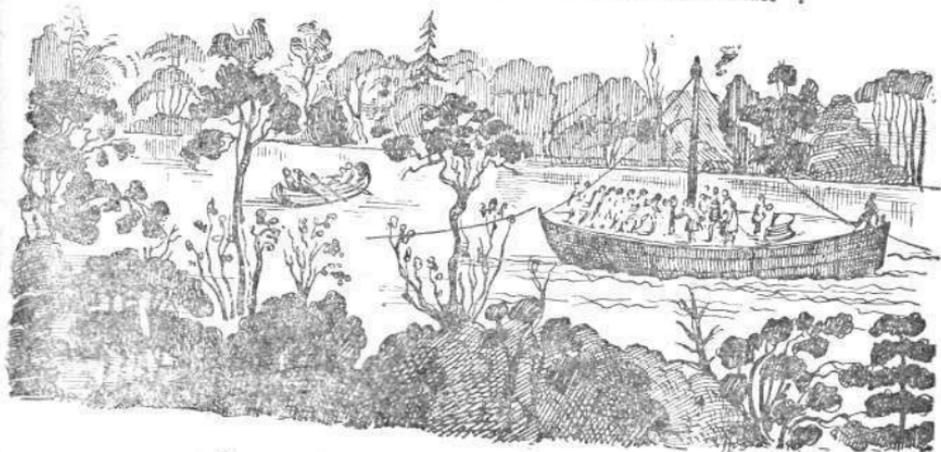
Экспедиция выезжала в длительное плавание с большою предосторожностью. В Москве и в Нижнем Новгороде голштинцы наслышались о частых нападениях разбойников на торговые суда и ехали в постоянном ожидании нападения. Корабль голштинцев был вооружен пушками, ружьями и всякими военными припасами. На нем имелось 30 человек военной охраны и 40 человек охраны из стрельцов. Кроме того, экспедиция набирала еще стрельцов в поволжских городах. Все эти предосторожности были обычны для путешественников того времени. Чтобы проверить боевую готовность судна, голштинцы устроили перед отъездом ложную тревогу. Неожиданно был дан сигнал, все бросились к оружию, пушкари зарядили пушки, стрельцы стреляли из ружей, пищалей. В пути посольство все время получало вести о казаках, и одно время было очень напугано тем, будто казаки уже ожидают это богатое судно с сильным отрядом.

1 сентября „Фридрих“ прошел мимо Саратова. Секретарь посольства Адам Олеарий зарисовал эту крепость и записал о ней в своем дневнике¹⁶: „До полудня около 9 часов мы проехали мимо города Саратова. Этот город лежит в 4-х верстах от главной реки в ровном поле, на рукаве, который Волга кидает от себя по левую руку. Здесь живут одни лишь стрельцы, находящиеся под управлением воеводы и полковника“.

Олеарий оставил интересное описание своего путешествия. Много места в его книге занимает Волга и жизнь на ней: судоходство, рыбная ловля и т. д. Способы рыбной ловли были в те времена довольно примитивны. Олеарий описывает один из способов волжского рыболовства: „Рыболовы опускают на дно длинную веревку с большим камнем и привязывают верхний конец к нескольким связанным вместе толстым деревяшкам, лежащим в воде; к деревяшкам прикрепляют удочки, нацепив на них довольно больших рыб. Так ловятся белуги длиной до 4, 5 и 6 локтей... Русские путешественники по Волге обыкновенно тащат за собой на тонком канате удочку, к которой прикреплена железная, покрытая толстым слоем пластинка в форме рыбы, длиной в ладонь, а то и короче. Когда удочка эта тащится по воде, то ввиду ширины своей пластинка по временам поворачивается и бывает похожа на игравшую рыбу. На такую удочку удается за время поездки наловить больше, чем они могут съесть, так как Волга очень богата всякого рода рыбами. Таким образом, русские, если только у них имеется при себе хлеб, находят по пути достаточно провизии для путешествия. Ввиду многих своих постных дней, они привыкли питаться скорее рыбою, чем мясом“. Экспедиция голштинцев встречала в пути много рыболовов и хорошо снабжалась рыбою. Иные из рыболовов отказывались брать деньги, говоря, что они посланы торговцами, арендующими часть Волги, и что, если узнают про продажу, то их жестоко накажут. И голштинцы отдаривали тогда рыбаков водкой.

Кроме рыболовства Волга привлекала русских предпринимателей — купцов и монастыри — близостью Астраханских соля-

ных озер. Олеарий описывает в своем путешествии соляные богатства Астраханских степей. „Эта пустыня доставляет великолепнейшую соль, встречающуюся в различных ямах, лужах и стоячих озерах... Под влиянием солнечной жары соль выпаривается на поверхность в виде ледяных глыб кристальной чистоты и толщиною с палец; у нее приятный запах фиалки. Каждый желающий может собрать эту соль, платя лишь великому князю за 2 пуда 1 копейку пошлины. Русские ведут обширную торговлю солью, свозят ее на берег Волги, насыпают большими кучами и развозят по всей России“.

Большой струг. Рис. А. Олеария 1636 г.

Уже в 30-х годах XVII века Волга была оживленной рекой. Голштинское посольство встречало много судов с солью, рыбой, фруктами. У Саратова им попались 3 больших струга* и несколько мелких лодок Троице-Сергиева монастыря. Под Царицыном голштинцы встретили караван, который расположился на берегу в палатках, ожидая нового конвоя. У Камышинки они нагнали персидский и татарский караваны из 16 больших и 6 малых лодок. К этому каравану присоединились и голштинцы.

Маленькие лодочки были необходимы во время плавания по Волге. На них перекладывали груз, как только большое судно — „насада“** садилось на мель. Тогда лодочки завозили вперед якорь, а рабочие наматывали якорный канат и на судне только слышалось: „Тяни, тяни да тяни. Гребни. Назад.“ и т. д. Рабочих на больших насадах было до 100 человек. Судно шло обычно только на веслах; на эту тяжелую судовую работу шли самые бедные крестьяне. Купцы нанимали их за самую маленькую плату, нередко зачитывая всю ее за питание в пути. И поэтому случалось, что при нападении казаков гребцы —

* Струг — гребное судно, главным образом пассажирское, но употреблялось и для перевозки грузов.

** Насада — тяжелое грузовое гребное судно, широкое, с небольшой осадкой.

„ярыжки“ —присоединялись к казакам и, разграбив судно, уходили вместе с ними.

* * *

Население Поволжья несколько увеличилось в XVII веке. Правда, это были исключительно небольшие поселки, слободки, временные селения, главным образом, рыболовов по берегу Волги. Правительство сдавало в оброк волжские воды крупным купцам-рыбопромышленникам и лишь изредка мелким посадским людям и крестьянам. Больше всего волжскими водами владели монастыри. Крупные московские и другие монастыри один за другим выпрашивали у правительства в безоборочное и беспошлинное пользование волжские воды. В начале XVII века¹⁷ архимандрит Казанского монастыря Макарий подал челобитную царю Михаилу Федоровичу, в которой просил пропустить на низ Волгою до Девичьих гор на рыбную ловлю „на оханном стругу* старца Корнилия, а с ним 10 человек ярыжных“ (рабочих). В самом городе Саратове стояли рыбные амбары Макарьевского Желтоводского монастыря. Монастыри переселяли на Волгу своих крестьян, которые должны были ловить здесь рыбу, заготовлять ее впрок и отправлять затем в монастырь для продажи. Так появилось на Волге много слободок московских, казанских, нижегородских монастырей и патриарха. Были здесь рыбные промыслы и дворцового ведомства, т. е. самого царя. Дворцовый рыбный городок Новоспасского монастыря стоял как раз на правом берегу Волги против Саратова.

В самом городе Саратове выстроились два монастыря — мужской Богородицкий и женский Воздвиженский, который стоял за стенами города, образуя Воздвиженскую слободку. Оба эти монастыря владели значительными волжскими водами. В 1658 г. правительство подтверждает право Саратовского Богородицкого монастыря на ахматские, бородинские и багаевские рыбные ловли „ими владеть попрежнему, как они им даны на свечи и ладан“. Правительство всячески поддерживало и снабжало эти монастыри, то высылало им денежную ругу (жалованье), то хлеб „старицам“ Воздвиженского женского монастыря и т. д.¹⁸.

Самым крупным владельцем рыбных промыслов был Троице-Сергиевский монастырь. Ему принадлежали волжские воды по всему среднему течению Волги „в Казани и ниже Тетюш до Самары и ниже Саратова“. На всем этом громадном пространстве по берегам ютились маленькие рыбные слободки этого монастыря. Этих охраняемых правительством собственников не трогали даже и воеводы. В 1616 году монастырь жаловался царю: „Ныне де наши самарские воеводы с тех их рыбных оброчных ловцов емлют месячный оброк, а им де рыбы ловити не дадут, и в монастыре братья рыбою скудны, и нам бы их пожаловать, не велети самарским воеводам в Троицкие ловцы вступатися, и велети им рыбу ловити попрежнему ниже Самары и Сара

* Оханый струг—особый вид рыболовного судна.

това безоброчно и беспошлинно". И сейчас же монастырь получил от царя заверительную охранную грамоту на все эти громадные воды¹⁹.

Вглубь от Волги край был совсем пустынный. Только по правому берегу Волги, по берегам рек — Суры, Кадады, Узы на севере края и в западной части по Хопру и Медведице — появлялись на лето бортники* и охотники из русских крестьян и мордвы. Правительство за большие оброки, натурой — медом и воском — сдавало им „ухожаи“ — участки леса с дикими пчелами, промысловым зверем и берега рек. И на новые пустынные земли, в девственные леса шли на промысел крестьяне с северных мест от Пензы, с запада от Шацка и Тамбова. В самотканной холщевой одежде, войлочной шляпе, в лаптях, с краюхой хлеба в котомке за плечами, уходили бортники за сотни верст в леса, разыскивая дикие ульи и удобные места для охоты. Уже в 1619—20 гг. (судя по сохранившимся документам) смелые предприниматели из Темниковской мордвы отваживались на далекие походы в Саратовское Поволжье²⁰. Инструмент бортника очень несложен: на поясе он прикреплял в аккуратных берестяных чехлах топор, нож и огниво, а за спиной в мешке у него бывало тесло с полукруглым лезвием для выдалбливания искусственных дупел, скобель для выстругивания внутренней стенки борти** и сетка из конского волоса для защиты лица от пчел. Кроме этого, у бортника всегда при себе была мочальная веревка с небольшой дощечкой — подножкой на конце. С помощью этой веревки бортник влезал на дерево. Каждый хозяин борти вырубал на дереве свою мету, какой-нибудь несложный знак, который указывал на владельца, чтобы никто другой этой борти не тронул. Права собственности строго охранялись всеми бортниками. Да и мало кто заходил в леса, где находились чужие „бортные ухожаи“ (промышленные районы). Они были разбросаны на огромные пространства друг от друга. Только летом и осенью приходили бортники в далекие Сурские, Узинские и Кададанские леса. Собрав мед и воск, они быстро уходили обратно, зайдя по дороге в село, где бывал устроен „слив“ меда, где собирали царские приказные с бортников оброк.

С середины XVII века в Саратовских лесах появляются „зимницы“ — небольшие бревенчатые хижины, сколоченные на скорую руку, с печью без трубы и с небольшими окошками из пузыря, в которых бортники оставались иногда зимовать. Кроме бортничества, мордва начинала в Присурских, Узинских и в Хоперских лесах заниматься охотой, а иногда рыболовством в небольших речках. В 1668 г. мордва с. Морши (теперь город Моршанск) просила открыть у них в селе торги и в челобитной говорила: „И в том селе Морше есть, государь, проезжие Кашмоцкие ворота. И к тем, государь, Кашмоцким воротам проле-

* Бортник — добывающий мед из ульев диких пчел.

** Бортъ — дупло в дереве, естественное или искусственное, которое устраивается в качестве пчелиного улья.

гли многие разные дороги с большой с Саратовской и с Хоперской степи с рек Хопра и с Вороны и с Медведицы выводят земцы и вольные люди с вольных рек из вотчин, вывозят мед и рыбу и всякие звери... и бывают товарам выходы большие⁴²¹. Значит было что продать на базарах Саратовским бортникам. Но не только в Моршу, несомненно, что и на север в Пензу и базары других городов везли отходники и бортники на продажу добычу своих промыслов: воск, мед, всякую дичь, меха и др.

Многие из промышлявшей в саратовских лесах мордвы скоро начали переселяться всей семьей и заниматься на расчищенных лесных полянах сельским хозяйством. Скрытые в лесах от набегов кочевников, предприимчивые переселенцы жили в маленьких хуторах—„зимницах“, промышляя летом бортничеством и сельским хозяйством, зимой—охотой на пушного зверя и дичь и рыбной ловлей.

Однако в пустынных лесах и степях Саратовского Поволжья жизнь все еще была полна опасностей. Ногайцы производили опустошительные набеги на пограничное русское население, угоняли скот, уводили в плен жителей и продавали их в рабство. Опасности попасть в плен подвергались постоянно и стрельцы пограничных крепостей, когда они выезжали небольшими отрядами или в одиночку с какими-либо поручениями.

В 1638 году из лесу в село Лопаш, Брянского уезда, прибежал полонянин, оказавшийся саратовским стрельцом. Он рассказал обычную для того времени историю своего пленения. „Нынешнего 146 года (1638) о покрове... богородицы послал с Саратова к государю в Москву воевода Григорий Феофилатьев Тимофея Борибина с отписками, а его Стенку послал с ним же. И были они на Москве 2 недели. И с Москвы тот Тимофей отпущен на Саратов же с государевыми грамотами, а он поехал с Тимофеем же..., да в Темниковском уезде съехались терский же гонец Василий, да Царицынский стрелец Федорко, да Астраханский толмач Ивашка, а все ехали с государевыми грамотами... Да из Темникова послано с теми стрельцами в провожатах 10 человек стрельцов, да с ними же были мужики краснослободцы, всех их было с 30 человек. А как они будут до Саратова 90 верст, не доезжая реки Медведицы, и к той реке шли пеши, боясь казаков... и у той реки Медведицы нашло на них ногайских татар с 400 человек, и их всех поймали в полон и государевы грамоты у них поймали же“. Ногайцы отвезли своих пленных сначала в Крым. Там крымский хан казнил астраханского толмача и грамоты у него отнял, „а те грамоты о большом деле“. Саратовского же стрельца Степана Карташева продали в рабство сначала в Кафу, потом в Царьград. Там он сказался боярским сыном, так как „казаков и стрельцов турчане побивают до смерти“. Степан Карташев обещал за себя большой выкуп и упросил отвезти его в Литву. Там его водили по ярмаркам, но никто его не хотел откупить, так как турки просили слишком большую сумму. А в Брянском уезде саратовский стрелец от турок ушел.

Хорошо, когда дело кончалось так удачно, как со Степаном Карташевым, который пробыл в плену так недолго, что на родине его многие знали и подтвердили правильность его показаний: кто он и откуда, так что он смог вернуться к своим прежним занятиям. Но не всегда дело кончалось так благополучно. Если пленному и удавалось как-нибудь вырваться из плена, он должен был документально подтвердить свое свободное состояние. Иначе кто-нибудь из бояр или воевод его закрепощал²².

В 1630 году в юго-восточные степи прикочевало 57 тысяч кибиток калмыков (монгольская народность). Они пришли из Центральной Азии под предводительством нойона* Хо Урлюка, заняли свободные прикаспийские степи. Главные свои кочевья Хо Урлюк расположил за Уралом, но калмыки наведывались и на Волгу. Когда весной 1634 года ногайские мурзы отправились по обыкновению со своими улусными** людьми из прикаспийских зимовок на север по Уралу и Волге, в свои летние кочевья, то совершенно неожиданно наткнулись они на калмыков. Началась война. В первых же столкновениях калмыки взяли верх. Ногайцы пытались найти помощь у астраханского воеводы, но в конце концов, разбитые калмыками, вынуждены были частью покориться, частью уйти дальше на юг, к Каспийскому морю и в Приазовские степи.

С 1640 года калмыки перекочевали в приволжские степи и заняли их вплоть до Самары. Русское правительство пыталось было воспрепятствовать продвижению их в Поволжье. Оно высылало на них отряды из поволжских крепостей, отряды нападали на отдельные части калмыков, отбирали у них скот, забирали в плен, особенно детей, а взрослых, вооруженных только луками и стрелами, массами побивали из ружей и пищалей.

В свою очередь калмыцкие феодалы—нойоны—стали производить набеги на русские города. В 1639 году они разорили Самару, в 1640 году зашли далеко на север и разгромили русские поселки на Каме. В 1643 году они напали на Саратов.

Как ни зорко выслеживали в поволжских крепостях кочевников, калмыки сумели подкрасться совсем незаметно и напали неожиданно. Часть войск подскочила к Саратову по степи на быстрых поджарых лошадях, часть переплыла Волгу на лошадях же. С гиканьем и криком бросились они на город, перелезли через стены, раскрыли ворота и толпой проскакали в крепость, наполнив все ужасом. Не успели пушкари зарядить пушки, а стрельцы взяться за оружие, как город в разных местах запылал в огне. Жители в суматохе прятались

* Нойон—крупный калмыцкий феодал.

** Улусные люди—калмыки, находящиеся в феодальной зависимости от нойона.

куда попало, а калмыки, забрав добро и выгнав из крепости скот, ускакали в степь.

* * *

К 50-м годам XVII века Саратов несколько увеличивается²³. Он вырастает за стены крепости, рядом с городом возникает несколько слободок. За „кабацкими“ воротами построена „богадельная изба“, в другой стороне раскинулась Воздвиженская слободка женского монастыря. Около города был основан мужской Богородицкий монастырь.

Закинутые поневоле в Саратовское Поволжье служилые люди мало-помалу обживаются на новых местах. В 1658 году „саратовским служилым и жилецким людям“ правительство дало разрешение „ловить про себя рыбу в реке Волге под городом и от города вверх и вниз на пять верст безоброчно“²⁴. Таким образом, жители города получили возможность ловить рыбу для личного пользования.

В пятидесятых годах XVII века некоторые служилые люди города Саратова начинают получать от правительства земельные участки около города. В 1657 году служилый саратовец Яковлев получает 200 четей земли, т. е. около 100 десятин, причем Яковлева велено было записать в поместный оклад. В дальнейшем получение земель становится все более частым. Некоторые служилые саратовцы берут земли на откуп. В 1668 году конный стрелец Артюшка Маланьин получил Саратовский, Бородинский, Чардынский и Карманский юрты* на откуп²⁵.

Получаемые от правительства в поместье земли саратовские служилые люди в те годы еще не засевали. Хлеба под Саратовом в середине XVII в. еще не сеялось. Владельцы использовали эти земли, как сенокосные угодья, а также как места для охоты и рыбной ловли. Некоторые этими пожалованиями даже спекулировали, сдавали их в свою очередь другим охотникам и рыболовам. Так группа саратовских стрельцов и с ним один посадский человек сняли в оброк „у саратовского стрельца у Афоньки Лебедчика бородинский юрт, Мечетную луку... и с Зауморную Волошкою и с затоны, и с зауморы и с рыбными ловли и со всякими зверны угодьи, и капканы класть, и кучелябу** метать, и калева (ловушки) ставить и за всяким толстым и поземным зверем ходить и жерлицы ставить и неводом рыбу ловить“—за шесть с полтиною в год „да по лисице зимней“. Повидимому, охота и рыбный промысел в этих юртах были доходным делом, так как „Андрюшка с товарищи теми рыбными ловлями и звериными угодьи владеючи, рыбу ловят и привозят на Саратов на исады, и продают в мир всяких чивов градским людям“,—как отмечает документ²⁶.

Но больше всего земель получали саратовские монастыри. В 1662 году саратовскому мужскому Богородицкому монастырю дана была грамота правительством, по которой ему „велено

* Юрт—участок земли, который можно использовать и с сельскохозяйственными целями.

** Кучеляба—охотничьи снасти.

сыскать про пустые земли". То есть монастырь повидимому, сам выбирал себе подходящие ему земли под городом.

Крупные служилые люди — сотники и стрелецкое начальство неплохо чувствовали себя в далеком пограничном городе. Они пользовались разными льготами от воеводы, и по ходатайству его получали надбавки к жалованью от правительства, награды или подарки. То за „за калмыцкую посылку“ велено саратовскому сотнику дать надбавки к жалованью 2 рубля, то воеводе со служилым саратовцем Климовым надбавки по 1 рублю да хлеба по пуду, то 20 пудов соли в награду за поход или разведку и т. д. и т. д. Служилая верхушка держала в своих руках все „выгодные“ должности в городе. Около Саратова над Волгой стояли сторожевые вышки — заставы, на которых дежурили караульные. Летом застава стояла над Волгой — на Стрелке реке, а зимой на Увеке. Заставы ставились „для бережения проезжих людей, летом на пропуске проезжих людей, а зимним путем на проезде“. „Береженье“ это заключалось в том, что начальник заставы должен был строго выслеживать все проходившие и проезжавшие торговые караваны и брать с торговых людей таможенные пошлины. При той системе взяток, которая существовала в русском быту XVII века, можно себе представить как использовали начальники заставы эту „выгодную“ должность. В 1673 г. правительство решило сдать сбор таможенных пошлин на откуп за 1000 рублей в год, — громадная сумма по тому времени.

В Саратове имелся штат правительственных чиновников, существовавших, главным образом, за счет населения. В съезжей избе сидели подьячие, был там и „хлебный стол“, ведавший, повидимому, выплатой хлебного жалованья, и „денежный стол“. Для сбора казенных доходов в городе стояла таможенная изба. Были в Саратове и „площадные подьячие“ (должность вроде нотариуса), не получавшие жалованья и жившие на сборы за услуги населения.

Много было в Саратове разного духовенства — попов, дьячков, монахов. Все они жили за счет основного населения города, всячески его обирая и деньгами, и продуктами.

Иногда навевались в далекий Саратов крупные купцы, но они здесь еще не оседали, а только снимали на откуп волжские воды для рыбной ловли. В 1651 году посадский гороховлянин взял под Саратовом на откуп Чирлатские и Курдюмские воды за 83 рубля 10 денег в год, да Столбовские воды за 75 рублей 30 алтын 2 деньги в год. В следующем году кашашевец Оська Степанов снял в Саратове на откуп городскую „торговую баню, и сусло, и квас, и уксус и морс, и зимою пролуби, а летом портомойные плоты, и перевоз через реку Саратовку, и перевоз же, что под городом через Волгу реку, на 2 года по 132 рубля по 9 алтын по полутри деньги в год“ (т. е. по 132 рубля 29,5 копеек). Среди таких откупщиков появлялись в Саратове торговые люди и среднего и крупного купечества. Они наезжали ненадолго в поисках прибыльных дел, обирая не тронутые природные богатства края и выколачивая прибыли

с местного населения. Местное же купечество было очень небогато.

Соборное Уложение 1649 года закрепило за посадом право монопольной торговли и целый ряд других прав, которые были полностью использованы посадской верхушкой—крупными купцами. Низы же посада сильно пострадали от нового законодательства. Основная масса посада, мелкие торговцы и ремесленники по новому законодательству, прикреплялись к посадскому тяглу. Они в дальнейшем не имели права переходить из того посада, в котором тянули тягло, т. е. где они уплачивали подати и налоги, и таким образом закрепощались.

Трудно жилось стрельцам—людям Саратовского гарнизона. Жалованья им нехватало, в середине XVII в. маленькое стрелецкое жалованье было еще уменьшено. Стрельцы жили тем, что зарабатывали мелкой торговлей, ремеслами, извозом, но за работы брал большие пошлины воевода. Тяжело жилось и посаду саратовскому. С каждого заработка также брал деньги воевода. Кроме этого, приходилось платить пошлины и сборы за пользование банями, плотами, мостками для стирки белья, прорубями зимой или перевозами через реку летом. Тяжесть жизни особенно усугублялась тем, что в Саратове была дороговизна, как на всякой окраине, не производившей еще своей продукции. Иногда правительство было даже вынуждено платить особую надбавку к жалованию стрельцам „на дороговль“. Не сладко жилось в Саратове и пришлой бедноте, городским бобылям, состоявшим в большинстве из беглых крестьян и горожан. Они не имели возможности записаться в посад, так как были не в состоянии нести посадского тягла, платили обычно половину, и поэтому лишались прав, которыми пользовались посадские. Они занимались мелкими ремеслами, всякими случайными заработками или батрачили. За городом выросла целая слободка таких бобылей в 42 двора. В 1673 году из дворцового ведомства пришел приказ. Велено было всех жителей слободки допросить: „кто откуда и сколь давно на Саратов жить пришли и дворами поселились и с которых городов и сел, и которые по сказкам объявятся Ломовского и Темниковского уездов... дворцовых сел крестьяне и тем велено жить около дворцового рыбного городка и ведать их того промысла промышленникам и быть им в том городке для береженья неприятельских людей вместо... дворцовых солдат, которые прежде посланы с Москвы“. После этого приказа воевода переписал пришлых людей и перевел их в дворцовой рыбный городок, стоявший напротив Саратова.

Много беглого крестьянства собралось в Низовом Поволжье. В середине XVII в. крепостные крестьяне были окончательно прикреплены к помещикам. По Уложению 1649 года помещики получили право не только на личность крестьянина и всех членов его семьи, но и на имущество крестьянина. Одновременно с этим выросли и государственные повинности крестьян. Прежняя „посошная“ подать (подать с величины обрабатываемого участка земли) была заменена подворной и легла еще более тяжелым бременем на крестьянские плечи.

Многие из беглой бедноты, уходя от крепостной неволи, шли в казаки на Волгу, а часть в разбойники, промышляя случайной добычей с богатых купеческих караванов. В народных песнях и преданиях поется и рассказывается о судьбе таких удалцов. Саратовское Поволжье особенно богато старыми, так называемыми разбойничьими, песнями, сложенными беглой беднотой в давние времена на вольных волжских берегах²⁷. Песни эти выражали тяжесть бедственного положения и протест против общественного порядка, заставившего бедняка пойти на опасный промысел.

„Сиротка, ты сироточка, сиротинушка горькая,
Сиротинушка ты горькая, горемычная.

Запойка-ты, сиротка, с горя песенку“.

„Хорошо вам, братцы, петь,—вы пообедали,

А я, сирота, лег не ужинавши,

Лег не ужинавши, встал не завтракавши.

У меня ли, у сироты, нет ни хлеба, ни соли,

Нет ни хлеба, ни соли, нет ни кислых шей;

Одна корочка-засушенка и та летошняя“.

„Ты скажи, скажи, сиротка, кто тебя воскородил?“

„Воскородила меня, сиротину, родна матушка;

Воспоила, воскормила меня—Волга-матушка,

Возлеяла меня няньки-мамки волны быстрые;

Взрастила меня чужа дальняя сторона Астраханская,

Я со этой со сторонушки на разбой пошел“.

„Ты скажи, скажи, сирота, с кем разбой держал?“

„Не один я разбой держал,—с тремя товарищами:

Первый мой товарищ—ночь темная;

Другой мой товарищ—конь добра лошадь;

Третий мой товарищ—стально ружье“.

Саратовское население—стрельцы, бобыли и другая городская беднота, да и небогатый саратовский посад сочувствовали беглым и казакам, находившим себе приют в Низовом Поволжье. В 1650. году саратовский воевода Феофилаьев поймал волжского атамана Соколова с отрядом казаков. Атамана Соколова он повесил, хотел перевешать и всех казаков; но саратовские посадские люди за них вступились и не дали воеводе их повесить. Тогда воевода посадил их в тюрьму, а саратовцы послали к царю в Москву просьбу, чтобы „государь пожаловал их велел тем вольским* казакам вину отдать“²⁸. Мы не знаем, какова была „вина“ этих казаков, и „отдал“ ли эту вину в конце концов царь. Самый же факт заступничества посадских за казаков очень характерен. И не раз саратовские жители и посадские, и стрельцы становились на сторону казаков. И тех и других объединяла общая судьба—тяжелый гнет феодального государства.

* Вольским—волжским.

РАЗИН НА ВОЛГЕ

На правом берегу Волги, километрах в 30 выше Дубовки крутые и высокие горы, спускающиеся к Волге утесом, нося название Разинских. Предание рассказывает, что отсюда Разин высматривал плывущие суда. А километрах в 20 повыше Камышина, на так называемой Ураковой горе, был по преданию старшина Разина. Еще выше Ураковой горы, между двумя оврагами, возвышается „Бугор Стеньки Разина“. Говорят, что на нем было жилище знаменитого атамана²⁹. Много урочищ* на Волге названо именем Разина, много преданий рассказывается, много песен поется о нем на Волге.

Степан батюшка
Ходит бережком,
Зовет дегушек
Голых, бедных:
„Вы слетайтесь ко мне,
Собирайтесь скорей
Кто в нужде, в труде.

Слеза горькая.
Слеза горькая
Глаза выела,
На Руси уж давно
Правды нетути,
Одна кривдушка
Ходит по свету³⁰.

Зимой 1667 года писали из Москвы воеводам астраханскому, царичинскому и саратовскому, чтобы жили они „с великим бережением“, потому что на Дону собираются многие казаки и хотят идти на Волгу.

Чем туже стягивался узел крепостной неволи на крестьянской шее, тем все чаще покидали крестьяне родные деревни и бежали на окраины на Дон—к донским казакам. Дон не выдавал беглецов. Здесь не было ни бояр, ни воевод. Казаки собирались на круг (собрание), где и решали все дела. Казаки вели борьбу с крымскими татарами, с турками. За это Московское правительство платило им хлебное и денежное жалование, снабжало их порохом, оружием. Казаки совершали набеги на побережья Черного и Азовского морей, захватывали богатую добычу.

Но не все казаки на Дону в XVII веке жили одинаково. В нижнем течении Дона жило зажиточное „домовитое“ казачество, „дюжие“—как их называли. В их руках были рыбные ловли в низовьях Дона (они владели неводами, сетями), пастбища,

* Урочища—места.

где паслись табуны лошадей и стада скота, они занимались торговлей. В их руках был выход из Дона—они и снаряжали военные походы. Центром домовитого казачества был город Черкасск.

Севернее по Донцу, Дону и его притокам Хопру и Медведице, там, где Дикое Поле подходило к самым границам Московского государства, жило беднейшее голутвенное казачество—голытьба. Их ряды постоянно пополнялись беглыми. Их было много, но они зависели от домовитых казаков. Они участвовали в военных походах на морские побережья, а домовитые казаки снабжали их оружием, продовольствием и за это отбирали большую часть добычи в свою пользу.

Из домовитых казаков выбирались атаманы, есаулы, сотники—казачья старшина, выбирался и атаман всего войска Донского. Домовитые казаки заправляли казачьим кругом, собиравшимся в Черкасске, они же распределяли московское жалование. Богатей, старшина (казачья верхушка) все больше держала руку правительства, все более враждебно смотрела на беглых, не прочь была от них избавиться. В 60-х годах XVII века на Дону скопилось особенно много беглых. Голытьба жаловалась, что на Дону жить им нечем: „государева жалованья в дуване досталось по кусу на человека, а иным и двоим кус, денег по 30 алтын, сукна по 2 аршина человеку, а иным по аршину, и этим прокормиться нечем, а тут еще на море путь заперт и зидуна достать стало негде“³¹.

Путь в Азовское море был закрыт голытьбе, не пускали сами зажиточные казаки—не хотели ссориться с турками*. Голытьба говорила, что осталось ей итти на Волгу воровать. Домовитые казаки радовались этому походу—вся голытьба уходила с Дона. Во главе голытьбы встал Степан Тимофеевич Разин. Разин—„высокий, степенный мужчина крепкого сложения с высокомерным прямым лицом“³² был известным человеком в Войске. По поручению Войска он ходил к калмыкам уговаривать их итти вместе с донцами против крымского хана, был в Москве, ходил на богомолье в Соловецкий монастырь. Разин не принадлежал к казачьей старшине, он был не из домовитых казаков. Старинная русская песня так поет о Разине:

На тихом Дону, во Черкасском городе
Породился удалый добрый молодец
По имени Степан Разин Тимофеевич.
Во казачий круг Степанушка не хаживал,
С казаками во кругу дум горьких не думывал,
Ходил, гулял Степанушка во царев кабак,
Он думал крепку думушку с голытьбою.
„Сударь мой братцы, голь кабацкая,
Поедем мы, братцы, во сине море гулять,
Разобьемте, братцы, басурманские корабли,
Возьмем мы, братцы, казны сколь надобно!“

Так рисует песня призыв Разина в поход на Волгу³³. С Дона на Волгу было два пути: один—переволокой на Царицын, а другой—речкой Камышинкой.

* В это время турки владели Азовом.

Ранней весной 1667 года пришли в Царицын слухи, что Разин с тысячным отрядом уже стоит на буграх выше городка Паншина против Царицына. Прислали из Царицына попа да монаха уговаривать Разина не идти на Волгу, но они до разинского лагеря не добрались.

Ранней же весной показались на реке Камышинке четыре больших струга с тысячью казаков.

„А по славной было матушке Камышинке-реке
Какплыли то, выплывали все нарядные стружки,
Уж на тех ли на стружках удалые молодцы,
Удалые молодцы, воровские казаки...“

поет песня³⁴.

Вот казаки выплыли на Волгу, вот подплыли они к урочищу „Каравайные горы“. По Волге вниз, на Астрахань, шел большой караван с товарами. Были здесь товары московского патриарха и богатого купца Шорина, был здесь и струг со ссыльными, которых везли в Астрахань. Отряд стрельцов сопровождал караван. Быстро подлетели казаки к каравану. Короткой была расправа со стрелецкими начальниками да с приказчиками. Ярыжным же сказал Разин: „Вам всем воля; идите себе куда хотите; силой не стану принуждать быть у себя, а кто хочет идти со мной, будет вольный казак. Я пришел бить только бояр, да богатых господ, а с бедными и простыми готов, как брат всем поделиться“³⁵.

Все стрельцы, бурлаки и ярыжки сами перешли к Разину. Ссыльных тоже взяли в казаки. Все товары достались казакам. С выросшим отрядом, ружьями, запасами двинулся Разин к Царицыну. Царицынский воевода распорядился стрелять в казаков из пушек. Но пушки молчали, стрельцы отказались стрелять, и Разин беспрепятственно вошел в город. Из Царицына казаки пошли вниз по Волге. Мимо Черного Яра плыл Разин на 35 стругах, с полсотрудысячным отрядом. Казаки поплыли дальше по Бузану (рукаву Волги). Навстречу им шел воевода Беклемишев для уговоров. Беклемишев воротился в Астрахань с пробитой рукой. Три астраханские струга пристали здесь к Разину. Из Бузана мелкими протоками и побережьем Каспийского моря поплыли казаки на Яик. Когда Разин еще стоял в Паншине, яицкие казаки прислали сказать ему: „Соберайся к нам, атаман, возьми Яик-город“³⁶. Казаки захватили Яицкий городок, расправились с начальниками. Здесь они и зимовали. Весной 1668 года слышно было на Волге, что казаки воюют с персами, в Каспийском море, что от Дербента до Баку разорили они берега. Разин пограбил Решти Фарабад, освободил русских пленных, захватил с собой добычу—много оружия и товаров. В Каспийском море Разин разбил высланный шахом флот.

В начале августа 1669 года появились казаки в устье Волги. Астраханские воеводы давно готовились к встрече казаков. Еще в 1667 году было прислано в Астрахань 4 отряда московских стрельцов и один полк „Астраханского строя“. Было мобилизовано местное дворянство. С симбирской черты, из Сам-

ры и из Саратова направлены были в Астрахань отряды пеших служилых людей.

На 36 стругах с четырехтысячным отрядом стрельцов, с пушками воевода князь Львов вышел навстречу Разину. Казаки, усталые от похода, многие больные лихорадкой, повернули в море. Тогда за ними поплыл гонец, обещая прощение от царя. Богатая добыча искупала в глазах Московского правительства вину казаков, а астраханские власти, в надежде поживиться, обещали Разину заступничество перед царем.

Казакам было предложено сдать все оружие, все товары и пленников. Разин сдал бунчук*, знамена, пять пушек медных, шестнадцать железных, 13 стругов морских, пленных персидских офицеров, оставив себе, однако, 95 человек пленных, 4 медных пушечки меньшие, 16 железных, и все товары³⁷. Казаки щедро наделяли астраханскую бедноту дорогими персидскими товарами, деньгами. Астраханские воеводы хотели переписать казаков, но это им не удалось. Не отдали казаки и оставшееся у них оружие.

Тогда астраханские воеводы поспешили отпустить беспокойных казаков на Дон, отправили с ними 50 стрельцов в конвой, да наказывали, чтобы „дорóгой никаких людей с собой не подговаривали, а которые сами будут приставать, тех бы не принимали“.

Скоро узнали в Астрахани, что Разин в Царицыне освобождает из тюрем колодников, а гонца, везшего в Астрахань царские грамоты, бросил в воду. Воевода Прозоровский послал вслед казакам посла с увещаниями „отстать от воровства“. Рассердился Разин на посла и дал ему таков ответ:

„Скажи воеводе, что я его не боюсь, не боюсь и того, кто повыше его, я увижусь и рассчитаюсь с воеводою. Он дурак, трус!—хочет обращаться со мной, как с холопом, но я прирожденный вольный человек, я расплачусь с этими негодьями“³⁸.

Разин ушел на Дон. Недалеко от станицы Кагальницкой устроили ему казаки земляной городок. Здесь он зимовал и сюда с Хопра, с Дона, с Волги и с Украины стекались к нему казаки, крестьяне, бурлаки. Со всеми Разин был щедр и приветлив, оделял бедных и голодных.

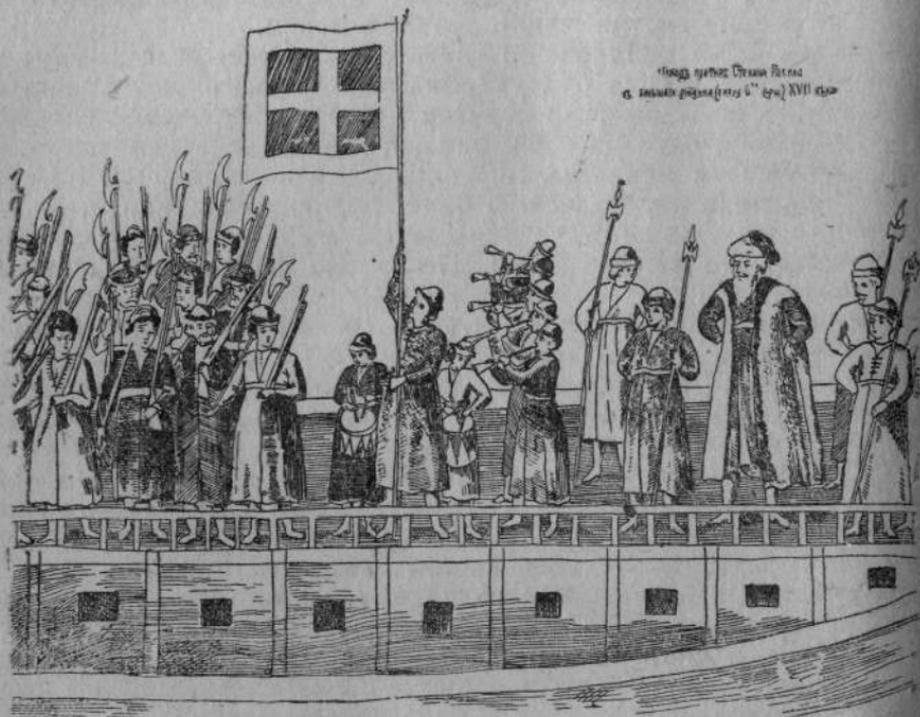
Прошла зима. Наступила весна 1670 года. Снова разлилась Волга, снова собирались в путь весенние караваны. Казаки снова двинулись на Волгу. Но теперь хотел Разин овладеть городами и прогнать воевод.

Опять, как три года назад, повел Разин на Паншин свой, теперь многотысячный, отряд. В Паншине присоединился к нему атаман Василий Ус с казаками.

Не дойдя до Царицына с версту, спустил Разин струги и поручил начальство над ними Василию Усу, а сам командовал конницей и пехотой. Во главе семитысячного* войска подошел

* Бунчук—значок казачьего войска в виде длинной трости, с шаром на верхнем конце, под которым к трости привязывалось несколько конских хвостов.

Разин к Царицыну. В городе ударили в набат. Загрохотали пушки. Разин велел поставить знамена у города к надолбам*. Воеводе царицынскому послал он сказать, что, если не отпрут ворота, он велит сбить замок. Но вот застучали засовы, растворились городские ворота. Жители сами впустили Разина. Воевода с несколькими стрелецкими начальниками заперся в башне, но казаки захватили башню и расправились с ними.

Поход против Степана Разина. С рисунка XVII века.

Между тем, тысячный отряд стрельцов шел из Москвы вниз по Волге на подкрепление царицынскому гарнизону. У Денежного острова (километрах в 7 выше Царицына) напал на них Разин с пятью тысячами казаков. Стрелецкий отряд был застигнут врасплох: с одной стороны стреляли в него с берега, с другой—со стругов. Стрельцы налегали на весла, чтобы скорее добраться до Царицына, ожидая в городе выручки, а из города посыпались на них пули и ядра. 300 человек стрельцов, оставшихся от тысячи, перешли к казакам.

В Царицыне введено было казачье устройство. Жителей разделили, как казаков, на сотни, десятки, вместо воеводы—поставили атамана. Разин собрал круг, чтобы решить, идти ли к Москве против бояр, или идти по Волге выводить воевод.

* Надолбы—бревенчатые площадки у стен города на толстых высоких бревнах, с которых отражали нападение.

Но пришли вести в Царицын, что из Астрахани выслана против казаков рать и стоит в Черном Яру, хочет ударить в тыл казакам. Казаки и царицынцы решили собраться в поход на Астрахань.

Из Царицына Разин послал московских стрельцов, что к нему перешли, на Камышинку, где в 1668 году была поставлена постоянная крепость (теперь Камышин). Подъехали стрельцы к крепости, послали сказать, что будто это из Москвы пришла помощь. Воевода и приказные с радостью их встретили. Стали стрельцы службу нести, и ночной караул держать. Однажды, в полночь все ворота и сторожевые посты были заняты стрельцами, посланными Разиным. Пушечный выстрел прорезал ночную тишину. Это был сигнал. Казаки вышли из засады и завладели городом.

Из Царицына слал Разин гонцов в верховые города и села. Везли гонцы „прелестные“ грамоты, в них призывались все-народные низы на борьбу „с мирскими кровопийцами“— боярами и воеводами.

„Пишет вам Степан Тимофеевич всей черни. Кто хочет богу да царю послужить, да великому войску, да и Степану Тимофеевичу, я выслал казаков и вам бы заодно изменников выводить и мирских кровопивцев выводить и мои казаки, како промысел станут чинить, и вы бы иттить к ним во совет, и кабальные и опальные шли бы в полк к моим казакам“³⁹.

Поднимались крестьяне с вилами, косами, топорами, кистенями*. Пылали помещичьи усадьбы. Росла армия Разина. От Симбирска и до Нижнего шла расправа крестьян с помещиками. Поднялись крестьяне—мордва, чувяши и татары. В начале июня башкиры в 130 верстах от Саратова заградили путь московским стрельцам, напав на них с горной и луговой стороны „большими людьми в бударех (лодках) во 100 и больше“⁴⁰. Вся беднота этих народностей, все, кому приходилось терпеть от бояр, воевод да от своих мурз, шли к Степану Тимофеевичу. Татарские же мурзы, башкирские тарханы (феодалы), как и калмыцкий хан Аюка, против Разина сражались. В конце мая двинулись казаки в поход на Астрахань.

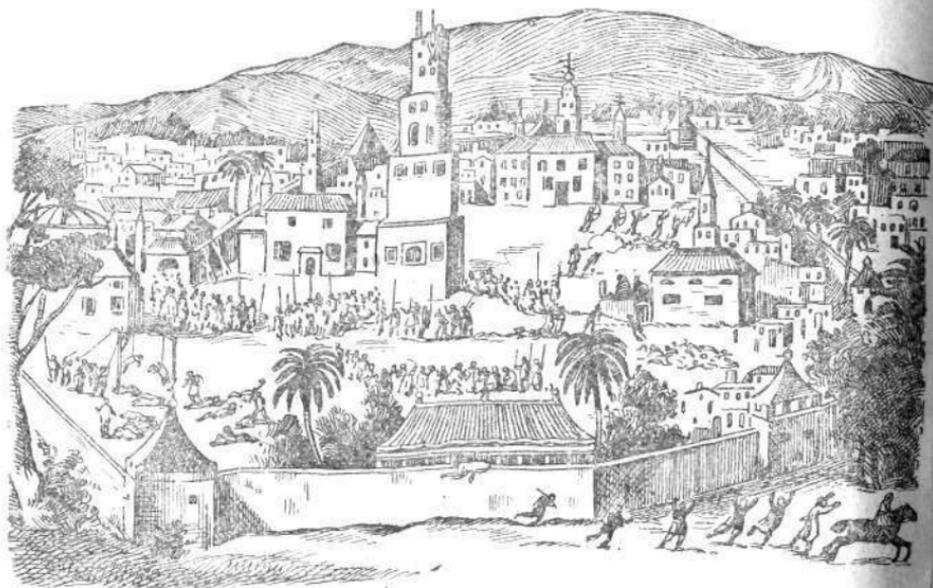
У Черного Яра встретили казаки трехтысячный отряд стрельцов на 40 стругах под начальством князя Львова. Стрельцы стали браться с казаками, а начальников вязать да бить. Взял Разин Черный Яр и с десяти тысячным отрядом приблизился к Астрахани. Крепко готовился к осаде воевода астраханский. Починили валы и раскаты, по стенам и башням пушки выставили. Приведен был в боевую готовность корабль „Орел“, стоявший на якоре в Астрахани. Иностранцам офицерам раздавали богатые подарки. Вооружили иноземных торговых людей. Астраханский митрополит отслужил торжественный молебен. Городские ворота заложили кирпичом. Из прудов выпустили воду на солончак, окружавший город. Астрахань каза-

* Кистень—металлический шар (или гиря) на ремне (или веревке), которым производится удар.

лась неприступной. Но заволновались стрельцы, погребовали воеводы жалованье за прошлый год. Занял воевода 2600 рубле у митрополита, но и это не помогло. Не забыла астраханская беднота щедрого атамана, защитника голытьбы.

Днем 23 июня* у речки Кривуши, под виноградными садами пристали к городу разинские отряды. Двое нищих перебежал к Разину и возвратились с поручением от него заечь город во время приступа.

С вечера воевода астраханский одел панцырь, сел на боевого коня и выступил в поход со всеми своими людьми. Переним вели коней под пононами, били в тулумбасы**, трубили трубы. Прозоровский встал у Вознесенских ворот, где ждали самого сильного напора врагов. Здесь же собрались стрелецкие головы, дворяне и приказные люди. Ночь проходила. В предрассветной тишине гулко прозвучал звон колоколов. То была тревога—казаки шли на приступ. Но напрасно ждали воеводу и приказные казаков у Вознесенских ворот. У боковых ворот подставляли астраханцы казакам лестницы. Здесь не летели на них камни, никто не обливал их варом, не стреляли из пищалей. Астраханцы подавали им руки и пересаживали через стены.

Взятие Астрахани войсками Разина в июле 1670 г.
С рисунка XVII века.

Казаки вошли в город. Началась расправа с боярами и воеводами.

Принесли астраханцы присягу, поклялись: „за великого государя стоять, атаману Степану Тимофеевичу и всему войску служить, изменников выводить“.

* Даты везде даны по старому стилю.

** Тулумбас—большой персидский барабан, в который бьют одной палкой.

Так же, как и в Царицыне, ввел здесь Разин казачье устройство. Сгорела приказная изба, а с ней и все бумаги о крепостной неволе. Разгромили гостинный двор русских и иностранных купцов: и от тех и от других много натерпелась астраханская беднота⁴¹.

Собирался Разин в поход на Москву, говоря, что сожжет он все дела вверху, т. е. во дворце государевом.

* * *

Летом 1670 года саратовцы жадно ловили вести, приходившие из Царицына и Астрахани. Собирались мелкие торговые люди, ремесленники, передавали друг другу слышанное о том, как живут в Царицыне и Астрахани, о том, что хочет Разин вести всех в поход на Москву, со всеми боярами и воеводами разделаться. Волновались стрельцы. С тревогой прислушивался воевода к приходившим известиям. В начале августа получил он новое известие, что началось волнение в улусах* калмыков, кочевавших по луговой стороне Волги. Еще задолго до начала восстания Разина калмыки вместе со своим ханом Аюкой приняли участие в восстании башкир 1662 года против притеснений царского правительства. Правда, потом Аюка перешел на сторону Москвы и действовал против башкир. Летом 1670 года он имел тайное свидание с саратовским стрелецким сотником и уговорился ждать прихода царских людей в Ураков Караул, выше Камышина. Но Аюка был хан, знатный феодал, его подкупило московское правительство, чтобы, опираясь на него, легче подчинить себе калмыков. Народ же калмыцкий, терпевший и от своих ханов, князей и дворян (нойонов и зайсангов) и от русских властей, готов был помочь русским казакам. Опасаясь, что калмыки пойдут сухим путем к Саратову и соединятся с казаками, саратовский воевода Кузьма Лутохин приказал стрелецкому голове Шахматову отогнать калмыков подалее, рассчитывая и с частью гарнизона отсидеться от казаков.

Но по-другому думала саратовская беднота. В половине августа, когда Разин с 10-тысячным войском еще был в 7 верстах от Саратова, саратовские жители приставили к воеводе Лутохину караул, чтобы он не ушел. 15 августа подступил Разин к Саратову, остановился на острове против города и послал в город с предложением сдаться. И тотчас открылись ворота Саратова. Жители вышли навстречу Разину с хлебом-солью. Захватив город, казаки утопили Лутохина, справились с детьми боярскими и с приказными, захватили имущество и государеву казну, многие дома сожгли⁴². Дожигли и саратовцы казачьего устройства. Атаманом поставили Григория Савельева. Часть саратовцев ушла вместе с Разиным, другие под начальством Василия Федорова двинулись на Пензу.

* * *

* Улус—кочевье, становище, селение.

Самара сдалась Разину без боя. Саратовцы, царицынцы, астраханцы, самарские жители двинулись с Разиным дальше на Симбирск. От Симбирска расходились отряды Разина в разные стороны помогать крестьянам в их борьбе с помещиками. Весь Тамбовский и Воронежский край, все огромное пространство между Волгой и Окой охвачено движением. На севере дошло оно до Унжи и Ветлуги, пошло на юг в слободскую Украину. „Огонь дошел даже до мест, отстоящих от Москвы всего верста на двенадцать“,—так пишет современник иностранец. 4 раза приступал Разин к Симбирску, но безуспешно. Войска Милославского и Бярятинского, московские стрельцы и полки иноземного строя отбили все приступы.

1 октября 1670 года отошел Разин на 2 версты от города и здесь встретился с войском Бярятинского. Бой был жаркий.

Много народу polegло. Но не смогли русские, мордовские, чувашские крестьяне, кто с ружьем, кто с топором, справиться с обученными и вооруженными по европейскому образцу солдатами. Упорно держались казаки. Сам Степан Тимофеевич был ранен саблей в голову, пицаль прострелила ему ногу. Ночь прекратила бой. Утром, раненный, он снова повел казаков на приступ, но безуспешно. Разбитый, с остатками казачьих отрядов ушел Разин вниз по Волге. Неудача Разина под Симбирском не могла остановить движения. Часть крестьян, решив, что все потеряно, спасалась в лесах, другие бились еще более ожесточенно. Правительство двинуло против Разина новые силы.

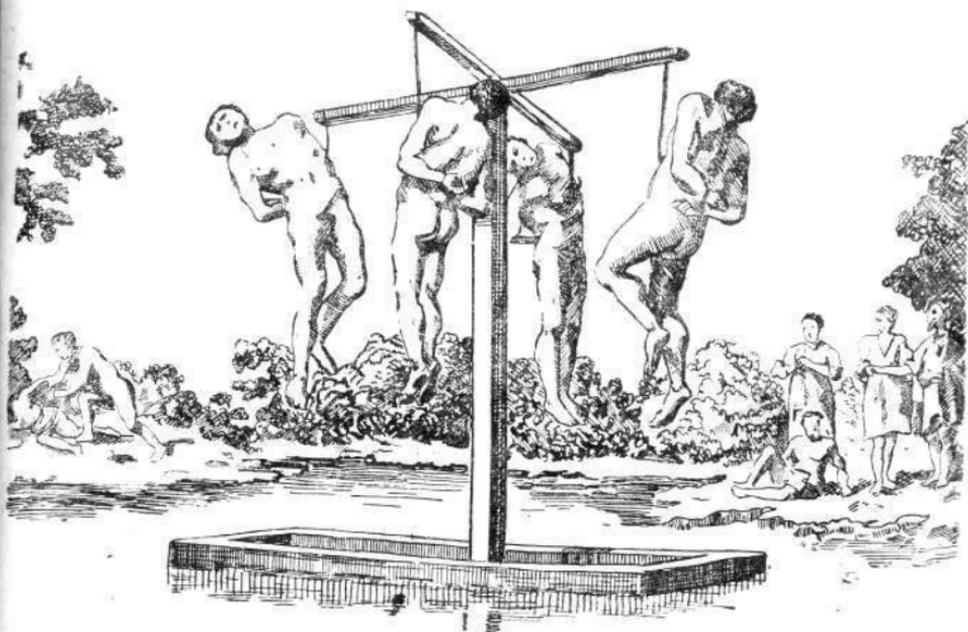
Но разбитое в одном месте, восстание с новой силой вспыхивало в другом.

* * *

Ниже Самары в тихих водах Соснового Острова (Хвалынский) остановился Разин и стал звать к себе на помощь калмыков, а оттуда спустился в Царицын. Зимой пошел он на Дон. Но не собрал Разин новых сил. Заправлял на Дону атаман из дюжих казаков Корнило Яковлев. Получил он от московского царя подарки, уговаривал казаков не идти к Разину.

А тут пришло известие, что Московское правительство запретило вывозить на Дон хлеб, пока казаки не успокоятся. На Дону начался голод. Подступил было Разин с верной ему гольтьбой к казацкой столице Черкасску, но дюжие казаки отбили его. Заперся Разин в Кагальнике. 14 апреля подступили дюжие казаки к Кагальнику, сожгли городок, схватили Степана Тимофеевича и вместе с братом Фролом, участвовавшим в восстании, в цепях и рогатках отвезли в Москву...

В районах восстания шла жестокая расправа. Под угрозой истребления всего села, жители приносили повинную, выдавали зачинщиков. Воеводы тотчас допрашивали и вешали их, иным отрубали руки и пускали на страх прочим, остальных порололи кнутом. Оставшихся в живых приводили к присяге. Многие пленных, участников восстания, бояре брали в холопы. Многие деревни, где происходило восстание, сжигались целиком со

Виселицы на Волге.

всем населением. Особенно жестокой была расправа в Арзамасе, куда свозили для следствия зачинщиков и активных участников восстания. „Страшно было смотреть на Арзамас,—говорит современник,—его предместья казались совершенным адом: повсюду стояли виселицы, на каждой висело по 40—50 трупов. Там валялись разбросанные головы и дымились свежей кровью, здесь торчали колья, на которых мучались повстанцы и часто были живы по 3 дня, испытывая невероятные страдания“⁴³.

В течение трех месяцев было казнено не менее 11 тысяч человек.

* * *

В июне 1671 года на Красной площади в Москве был казнен Степан Разин.

„За.....злые и мерзкие перед господом дела и к великому государю за измену и ко всему Московскому государству за изворение, по указу великого государя бояре приговорили: казнить злою смертью—четвертовать“.

Таков был приговор по делу Разина⁴⁴.

Летом 1671 года, в то время, когда уже шла жестокая расправа с побежденным крестьянским движением, беднота поволжских городов еще раз попыталась сбросить с себя ненавистный гнет бояр и воевод. Федор Шелудяк, оставленный Разиным в Астрахани, снова двинулся в поход вверх по Волге выводить изменников бояр. И астраханцы, и царицынцы, и саратовцы, и саратовцы пошли за ним. Беспрепятственно дошел Шелудяк до Симбирска, но от Симбирска отбили его царские войска. Но и теперь не все жители поволжских городов разош-

лись по домам, часть их двинулась вместе с Шелудяком в Астрахань.

„Живущие же в городах по Волге реке, ниже Симбирска до самой Астрахани, имеющие в сердцах своих лукавство, а на воров надежду, оставя в тех городах дома свои, побежали в Астрахань, никем же гонимы“⁴⁵. Так говорилось в правительственном сообщении. Милославский преследовал Шелудяка до Астрахани и осадил ее. 3 месяца держалась Астрахань. 27 ноября 1671 года последним сдался Шелудяк.

Весь 1671 год шла жестокая расправа с восставшими. Многие деревни и села опустели.

„Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями“. (И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилом Людвигом. Изд. 1933 г., стр. 9).

ТОРГОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ САРАТОВА

В те годы, когда Саратов стоял на левом берегу Волги (выше того места, где сейчас находится город Энгельс), почти против города располагалась построенная еще в начале XVII века рыбная слободка. Она принадлежала дворцовому ведомству, т. е. царю и московскому Новоспасскому монастырю. Эта монастырская слободка или городок, как ее иногда называли, была укреплена как настоящая крепость. Монахи— „божьи люди“—получали из Москвы постоянные уговоры „жить с великим бережением“ и выставляли на стенах слободки пушки и пищалки, страша ими кочевников, не знавших огнестрельного оружия.

По описанию 1695 года, дворцовый рыбный городок был „о четырех башнях, ворота створчатые. У ворот затвор ветхий, засов с железным замком. По обе стороны два амбара сосновых, ледник с погребицею и чуланом да два амбара без кровель. Погреб ладное перегорожен. В том же городке восемь пушек чугунных и в том числе одна весом в сорок пудов 20 гривенок*, одна двадцать шесть пудов, одна без весу. Все на станках. Одна пушечка малая в станку на колесах, две пушечки затинных**, малая без станков; 15 ядер больших и малых, полпуда пороху, 16 фунтов свинца, 42 мушкета*** в ложах и без лож. У того же промыслу в дворцовой саратовской горной слободке подьячий да нарядчик, 22 человека солдат“⁴⁶. Саратовская крепость к этому времени сильно разрушилась. Саратовский воевода Леонтьев доносил в Царицын воеводе Димитрию Свинцову, чтобы тот подавал ему без земедления всякие вести. „На Саратове от воровских людей опасение большое, потому что город худ, острог весь развалился, и саратовским служилым людям малолюдство большое, которые саратовские служилые люди зимовали в Астрахани, а достальные, посланные с Саратова на хлебных стругах в гребле до Астрахани, и те де служилые люди из Астрахани июня по 9-е число не бывали. А пороху тоже нет“ (1673 г.)⁴⁷.

* Гривенка—полфунта.

** Затинная—оборудованная так, чтобы ее укреплять в тыну (в стене).

*** Мушкет—тяжелое крупного калибра оружие с фитильным замком, которое для стрельбы устанавливалось на подставке.

В 1674 году в город Саратов был прислан из Москвы полковник „градоделец“ Шель, чтобы заново отстроить саратовскую крепость.

От царя Алексея Михайловича был прислан указ „Саратов на горах строить новый“. Город было решено поставить на новом месте, на правом берегу, более заселенном и важном для Москвы в военном отношении.

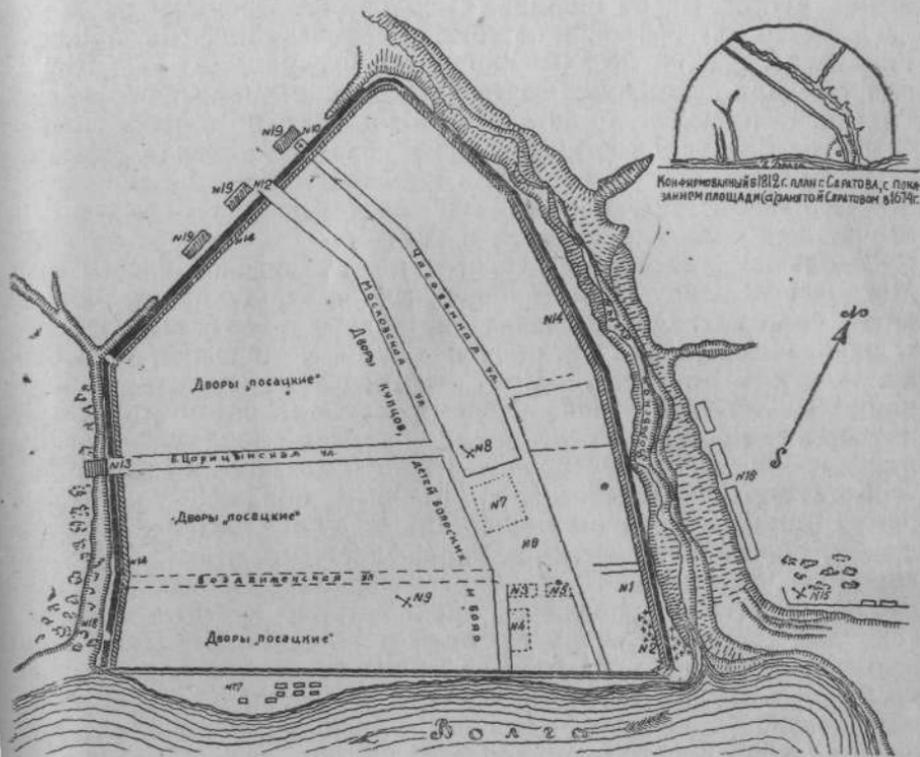
Шель наметил место для города на юге от Соколовой горы как раз там, где стоял рыбный городок. Он решил снести его совсем. Но монастырь запротестовал. Началась переписка с Москвою. Монастырь подал жалобу царю, не желая нести убытки по стройке нового города. Тогда царь прислал приказ—включить рыбный городок в стены города, перенеся его на северную сторону Воровского (теперь Глебучева) оврага. Так было и сделано ⁴⁸.

Женский монастырь построился внутри города, а мужской Богородицкий за Глебучевым оврагом, за чертою города.

Началась спешная стройка. В Саратов из верховых городов приехали для работ стрельцы, плотники и другие люди. Стучали топоры. Разбирались уцелевшие постройки левобережного Саратова, переправлялись в виде плотов Волгой на правую сторону и здесь их ставили вновь. Много народу было занято тяжелыми земляными работами. Острог—крепость нового Саратова—полковник Шель ставил из земляных укреплений. Город, площадь гораздо большею, чем Саратов левобережный, намечен был в виде неправильного треугольника. Он весь окружался земляным валом, за которым проходил глубокий ров с рогатками. Крепостной вал шел с северной стороны вдоль Воровского оврага, который тоже являлся естественным укреплением города. Теперь на этом месте проходит Валовая улица. Дальше вал заворачивал на запад и юг, пересекая Московскую дорогу; здесь были устроены в стене большие проезжие Московские ворота (на месте пересечения теперешних Ленинской и Октябрьской улиц). От Московских ворот вал шел по теперешней Октябрьской улице, спускаясь к Волге. Кроме Московских, в городе были сделаны еще Царицынские ворота (на месте пересечения вала большой Царицынской дорогой, которая шла вдоль Волги) и „кабацкие“, выходившие на Волгу. Эти ворота назывались так потому, что летом на берегу Волги собиралось много бурлаков, „ярыжек“, которых наниматели пренебрежительно называли „голью кабацкою“. Крепостные ворота были сделаны из толстых сосновых пластин и запирались большими железными засовами. Около ворот было построено несколько „надолб“.

Площадь, занимавшаяся Саратовом в конце XVII века, была невелика,—меньше одной двадцатой его современной площади.

Центром города была Гостиная площадь (теперь Музейная). Здесь стоял большой деревянный воеводский двор и воеводская изба. Тут же находилась и „губная изба“,—суд и пороховые погреба. Посередине воеводского двора стояла небольшая большая каменная постройка—„палата“ для хранения царской

План Саратова конца XVII века.
Из материалов Саратовского областного музея.

Пояснения:

- № 1—2. Казанская церковь и кладбище.
- № 3. Воеводский двор—канцелярия воеводы.
- № 4. Казенные погреба для зелья и склады.
- № 5. Губная изба—суд.
- № 6. Троицкая церковь.
- № 7. Гостинный двор.
- № 8. Никольская церковь.
- № 9. Крестовоздвиженская церковь.
- № 10. Часовня у Московских ворот.
- № 11. Казанские (кабацкие) ворота.
- № 12. Московские ворота.
- № 13. Царицынские ворота.
- № 14. Насыпной вал.
- № 15. Богородицкий монастырь с соляными складами.
- № 16. Горная слободка солдат.
- № 17. Крестовоздвиженская слободка.
- № 18. Буерак.
- № 19. Надолбы (укрепленные площадки при городской стене для отражения нападений на город).

казны, чугуна, мехов и других ценностей. Предание рассказывает, будто из этой палаты был проделан подземный ход Глебучев овраг, чтобы можно было в случае взятия города или еще при какой нужде вынести царское добро из крепости. Гостиная площадь была самым оживленным местом города. Сюда на большой гостинный двор и базар выносили саратовские торговцы всякую снедь для продажи. Сюда выводил воевода „на правож“ тех, кто не мог во-время уплатить долга, несчастных колотили палками и кнутом.

Вдоль по Московской дороге, образовавшей впоследствии Московскую улицу (теперь Ленинская), тянулись двory бояр и детей боярских. Около низких деревянных домов с небольшими слюдяными окошками располагались сараи, конюшни, коровники, клетки и погреба. Стол в „красном углу“, скамейки, покрытые кошмами или красным сукном, кованные сундуки, да дорогие иконы в серебряных окладах с жемчугами и камнями—вот все незатейливое убранство боярского дома.

Богатство бояр состояло, главным образом, из ценных одежд—шуб на дорогом меху, дорогих собольих и бобровых шапок, драгоценных женских украшений: серег, ожерелий, кокошников, перерукавий* и т. д., осыпанных драгоценными камнями и жемчугами; парчевых, шелковых и бархатных шубок, телогрей**, летников и других одежд, которые хранились в кованных сундуках и переходили в приданое дочери и дальше по наследству. Богатство, хранящееся в сундуках, никак не соответствовало бедности внутреннего убранства жилищ, состоявшего из убогой мебели, малочисленной посуды—медной, оловянной, а то и деревянной⁴⁹.

По Царицынской дороге, образовавшей потом Царицынскую улицу (теперь Чернышевская), которая шла вдоль Волги, стояли грязные занавоженные двory, посадских людей и стрельцов. Убогие избушки с окошками, затянутыми пузырем, были низки и тесны.

Зимой маленькая крепость, занесенная снежными сугробами, совсем засыпала. Стрельцы выходили из города только на охоту—стреляли лисиц, зайцев, иногда и лося, расставляли по лесу капканы. Весной, как только вскрывалась Волга, город начинал жить шумною жизнью. По Волге шли караваны судов, многие останавливались у Саратова, нанимали рабочих, принимали стражу и гребцов до следующей пристани. Тут же, на Волге, устраивали торг.

* * *

Торговое значение города постепенно возрастало. В 1674 году велено было яицким казакам приезжать в Саратов „со всякими вестями, и с языки, и с полоном“. А также здесь им разрешалось производить „платяную покупку“⁵⁰.

* Перерукавье—парчевый рукав к рукавам из тонкой материи.

** Телогрея—женская короткая теплая одежда.

В конце XVII века Саратов начал играть роль крупного перевалочного пункта. Город Саратов стоял на месте пересечения важнейших торговых путей Московского государства. Помимо Волги, которая являлась большим торговым путем, мимо Саратова проходило много сухопутных дорог. Здесь проходила из Астрахани большая Посольская дорога через Казань на Москву. От нее ответвлялась и шла через Пензу, Инсары, Саратов на Астрахань—Сурская дорога. По этой дороге везли соль, рыбу и персидские товары в Москву. Берегом же Волги шла старая восточная Ордобазарная дорога из Астрахани на Царицын, Новохоперск, Тамбов, Шацк. Этой дорогой гнали ногаи и калмыки лошадей и всякий скот в Москву.

С калмыцкими нойонами и, особенно, с тайшею Аюкою русское правительство поддерживало торговые отношения. И обе стороны были заинтересованы в этой торговле. Калмыцкие нойоны отправляли в Москву на продажу громадные табуны скота, иногда до 6000 голов лошадей. Под Саратовом обычно калмыки устраивали переправу этого скота с левого берега на правый. Вести об этих проходящих табунах разносились по степи быстро, опережая, обычно, их движение. В 1680 году саратовский стрелец доносил: „Калмыцкие табуны Чагана мурзы...идут к Москве, а лошадей де у них ста с четыре, и для провожания у них с Саратова есть провожатые“ 51.

В доставке товаров через Саратов принимали участие и посадские люди, и стрельцы города. Они нанимались к богатым проезжим купцам доставлять их товары и в центр Московского государства, и в другие места. Саратовские стрельцы извозом подрабатывали к своему скудному жалованию. В доставке товаров проезжих купцов были заинтересованы и многие крестьяне, находя себе в этом деле заработок. Нередко в Саратове в качестве возчиков заезжали крестьяне из далеких центральных районов Московского государства. Они охотно нанимались с подводами в Саратов, так как, перегрузив здесь доставленные товары, они и обратно возвращались не порожняком, а нагружали новые товары, предназначенные для отправки в центр. В Саратове обычно бывали большие склады астраханской соли. Солью торговал и саратовский мужской Четырехсвятский монастырь. И обычно извозчики нагружали здесь подводы солью. Доставка соли привлекала в Саратов многих возчиков.

Значение Саратова как крупного перевалочного пункта в транзитной торговле выросло по мере развития волжского извозства. В конце XVII в. в Саратове бывали бурлацкие бары.

В конце зимы, к марту, здесь собирались судовые рабочие „рыжки“ наниматься на суда. Сюда приезжали и наниматели, еще всего приказчики крупных купцов. Рабочие нанимались артелью. Артель вела общее хозяйство, выбирала из своей среды старших. Как правило, договоры найма предусматривали не только греблю судна, но и целый ряд других работ „во всякой волжской ходовой работе, шести, и по кана-

ту, и в гребле, как погодится". Перед выходом в путь рабочие обязаны „струг вычистить и высмолить, и лубьем настлать, и дерево поставить, и оснастить, и снасти разные по стругу развести, и нагрузить тот их хозяйский струг всякими их хозяйскими товарами полным грузом... и лубьем накрыть, и кочеты, и нашествия поделать". Если в пути судно сядет на мель, то по договору рабочие должны бережно товар выгрузить и струг с мели стащить, а потом опять „с берегу тот товар погрузить в тот струг попрежнему бережно". В случае побега или простоя судна, рабочие должны были отвечать хозяину своей „рядной" платой. Провинившихся рабочих хозяин мог наказывать по своему усмотрению телесными наказаниями: „смирять всяким смирением смотря по вине".

Только безысходная нужда заставляла городскую и крестьянскую бедноту идти на такие кабальные условия судовой работы, а такой бедноты в Саратовском Поволжье было достаточно⁵².

Летнее время было в Саратове не только более оживленным, но и более тревожным. Того и жди, что налетят кочевники. Сторожевые зорко следили, что делается в степи. Заслышав тревожный сигнал сторожевого, все жители выбегали из домов. Стрельцы вылезали с оружием на стены города, пушкари заряжали пушки и пищали, укрепленные в стенах и на бревенчатых боевых площадках — „надолбах". Загнав скот, который пасся на лугах за стенами города, люди спешили запереть тяжелые ворота и ждали все наготове. Часто тревога бывала ложной, — сторожевой принял поднявшуюся вдаль пыль за калмыцкий отряд. Все выяснялось и стрельцы расходились по домам.

В случае осады города стрельцы стреляли из ружей и пушек со стен города, а жители кидали камнями, поливали кипятком и горячей смолой, если неприятель подходил совсем близко к стенам.

Гораздо чаще, чем нападение врага, поднималась в городе не менее страшная тревога — „пожар". Город был весь деревянный, и горел он очень часто. Нередки бывали случаи, когда он выгорал „весь без остатку". Вечером дома освещались лучиной или свечами, легко западал уголек или искра, сухое дерево построек быстро вспыхивало, и огонь начинал гулять по улицам города.

В случае пожара каждый должен был бежать кто с топором, кто с ведром, кто с багром, кто с рогатиной, а кто ехать с бочкой. Но воду с Волги подавать было трудно и медленно, пламя быстро разгоралось. Жители города торопились в первую очередь спасти свое добро, вытаскивая его из домов подалее от огня. Большинство их являлось на пожарище тогда, когда бороться с огнем было уже невозможно.

Для борьбы с пожарами с наступлением теплых весенних дней по городу рассылали „бирючей" — специальных рассыльных, глашатаев, которые ходили по городу и кричали⁵³: „Заказано накрепко, чтоб изб и мылен* никто не топил, вечером

* Мыльня — баня.

поздно с огнем никто не ходил и не сидел. А для хлебного печения и где есть варить, поделайте печи в огородах и на полых местах в земле подальше от хором. От ветру печи огородите и лубьями защитите гораздо“.

* * *

Население Саратова состояло преимущественно из мелких ремесленников, рыболовов, мелких торговцев и стрельцов, которые тоже занимались ремеслами, торговлей и извозом. Крупных купцов в Саратове еще не было. Не было тогда в этом далеком маленьком городе и крупного боярства.

Жители Саратова подрабатывали рыболовством и извозом у богатых проезжих купцов. Занимались всякими промыслами и стрельцы, так как „государевым жалованьем“ прожить было трудно. Но воеводы не давали им свободно заниматься этим, то отзывая на свои личные работы, то собирая тяжелые денежные сборы с каждой подводы в свою пользу.

Воевода был полным хозяином не только города, но и всей округи. На свою должность он смотрел как на источник обогащения. Воеводы менялись в городе через каждые 2—3 года и каждый из них старался скорее нажить. Взятничество было делом обычным. Само правительство считало воеводство доходным местом и жаловало этой должностью в награду за заслуги.

Хуже государевых податей и налогов доставалось жителям от взяточничества и притеснений воевод. Идет посадский к воеводе — несет ему пирог, либо рыбу, а то и денег. С пустыми руками воевода совсем не примет.

Доведенные до крайности в 1693 году подали на воеводу жалобу солдаты Саратовской горной слободки. В жалобе они писали, что в Саратов приезжают из разных городов торговые люди, нанимают подводы, а воеводы их—солдат — с подводами не пускают. „Да кои-же де на Саратов приезжают разных городов торговые люди и нанимают до Москвы и до Нижнего. И под те товары нанимаются Саратовские городские люди, и их де под наем с подводой не пускают, кормиться де им не дают“⁵⁴. Жаловались жители Саратова и на непомерные взятки и незаконные денежные сборы воевод. „Да они же де ездят на Русь и на Инзару* и на иные города с солью и для покупки хлеба. И Саратовские де воеводы берут у них с дуги по шти (шести) денег и по десяти, а от того де им по вся дни чинятся убытки и разорение“. Но и в Москве управу на воевод было найти трудно.

С конца XVII века кое-кто из жителей города начали распахивать получаемые земли под посев⁵⁵. В 1676 году в Саратове велено было мельницу поставить „изо льготы на 10 лет“. Однако, освоенных земель было еще очень немного, и посевы часто уничтожались набегами кочевников.

* Инзара—теперь Инсар—город в Мордовской АССР.

В 1680 году калмыки присоединились к ногайским татарам, которые шли на Пензу, и вместе с ними разграбили окраинные поселки. Саратовские жители посылали в Москву грамоту на имя царей Петра и Ивана Алексеевичей с жалобой на калмыков. Саратовский стрелецкий голова Шахматов в 1688 году подал в Москву челобитную. „Калмыцкого Аюкаю и иных тайшей улусные их люди калмыки кочуют близ города Саратова по нагорной и по луговой стороне, и которые по вашему, великого государя, указу отпущены калмыки в ордобазарной станции с выгонными лошадьми к Москве и те калмыки у нас... сennie полосы, ругаясь, насильством скотиною своею потравили и потолочили все без остатку, и ссоры и задоры чинят без перестани и на сennie покосах у нас... лошадей отымают, и из луков стреляют, и многих бьют и ранят, и из города Саратова грабят топоры и платья отымают, и в огородах над женским полом неистовство чинят, и скотину из табуна угоняют и нас, холопей ваших, разоряют напрасно, и всякие наша скотинишка и конские стада, от их калмыцкого разорения и обид и налогу и грабежу мы... в конец разорены“⁵⁶.

После 1640 года, когда калмыки своими кочевьями заняли поволжские степи вплоть до Самары, и особенно после их нападения в 1643 году на Саратов, правительство увеличило войска поволжских крепостей. Начиная с весны, воеводы посылали в степь военные разведки и экспедиции на калмыков, которые прикочевывали с юга, с берега Каспийского моря.

Места для кочевий назначал своим улусам верховный феодал-нойон. Ранней весной нойоны собирались в ханской кибитке и распределяли между собой пастбищные угодия по жребью.

Бедняк-калмык, как и русский крепостной крестьянин, был подвластен своему господину нойону. Он выплачивал ему оброк до одной десятой всего своего скота ежегодно⁵⁷. Кроме того, нойон брал у своих улусных людей скот для проведения каких-либо праздников в своей семье — например, свадьбы, для проведения съездов нойонов. По своему желанию и произволу нойоны увеличивали албан — оброк — на своих улусных людей. Нойон сам распределял между своими людьми кочевья, выбирая лучшие себе. Нойон же являлся и судьей.

После прихода калмыков Русское правительство стало требовать, чтобы они ушли с „государевых“ земель в свои дальние кочевья, но калмыки на это ответили: „мы в холопстве никогда ни у кого не бывали и никого не боимся кроме бога... а прежде та земля, на которой мы теперь с ногайцами кочуем, была ногайская, а не государева, а мы пришедши сюда ногайцев сбили, а ногайцы пошли ночевать под Астрахань. А как мы под Астраханью ногайских и едисанских* мурз за саблю взяли, то и кочуем с ними пополам по этим рекам и урочищам, потому что они теперь стали наши холопы, нам в этих местах зачем не кочевать?“⁵⁸. Не имея нужды затевать с калмыками военных действий, русский царизм мирился с тем,

* Едисаны—одна из групп ногайцев.

что калмыки заняли юго-восточные степи. В военном отношении они не могли представлять серьезной опасности для сильного Московского государства. Наоборот, пребывание воинственных кочевников на юге могло оказаться выгодным Московскому государству, так как они преграждали путь вторжениям других кочевников из Азии.

Царь Алексей Михайлович повел мирные переговоры с калмыками, добиваясь от их нойонов подписания присяги в послушании русскому царю. С богатыми подарками посылает он в калмыцкую степь своих послов. Калмыки подписывают бумагу — „шерть“, которая составлялась на двух языках — русском и татарском — и была им почти непонятна. И калмыцкие нойоны не считали себя обязанными эти „шерти“ выполнять.

В 1672 году выдвинулся сильный нойон Аюка Мончак, который подчинил себе всех калмыцких нойонов. Неожиданно напал он со своим войском на своего дядю Дугара, захватил его с сыном Цереном и отправил в Москву, оклеветав перед московским царем, а сам захватил их улусы. Царь Федор Алексеевич пытался возобновить договоры с калмыками. Он отправляет в 1677 году послов к Аюке для составления новой „шерти“. Русский посол князь Щербатов приехал в Астрахань. Сюда же прибыл и Аюка со своими людьми. Встретились они под Астраханью, на Соляном протоке. Щербатов привез составленный в Москве договор, в котором русское правительство требовало установления мирных отношений калмыков с пограничным населением и полного подчинения Москве. В конце договора говорилось: „которые калмыки по своим желанием в православную веру крестятся и о тех им тайшам и улусным их людям не просить и об них не бить челом. А некрещенных калмыков и татар их улусов, которые в российские города будут уходить, таковых отдавать возвратно“.

Русские помещики и попы начали сманивать калмыков, обещая им за крещение награды, податные льготы и освобождение от власти нойонов. Правительство всячески поощряло такое сманивание и крещение калмыков. В 1677 году был издан указ, подтверждающий договор 1672 года, в котором, кроме того, говорилось, что за каждого крещенного калмыка крестивший его воевода должен уплатить 30 рублей деньгами Аюке. В 1697 году указ этот был опять подтвержден. Московское правительство старалось поддерживать с калмыцкими нойонами и тайшами, особенно с Аюкой, мирные отношения. Оно высылало ему дорогие подарки. А тем временем начало теснить калмыков с лучших приволжских кочевий. Сначала оно потребовало освободить правый берег Волги, который был теперь сильно укреплен. Гарнизоны поволжских крепостей не подпускали калмыков близко к русским городам.

Около Астрахани была построена сильная крепость Красный Яр, гарнизон которой должен был специально наблюдать за калмыками и в случае необходимости выступать против них. Русское правительство увеличило укрепления Поволжья, усилило гарнизоны крепостей. В 1680 году была построена новая

пограничная сторожевая черта значительно южнее прежней 1650 года, шедшей от Симбирска на Инсар, соединявшейся с чертой Тамбовской. Теперь сторожевая линия шла от города Пензы к вновь построенной в 1683 году крепости Сызрани. Пензенская сторожевая линия, защищавшая южные границы государства, была устроена из земляного вала и рва около него. По валу шел тын из сосновых бревен; в лесных местах вал прерывался „засекою“ — непроходимую полосой срубленного леса. Лес сваливался кучей высотой от 9 до 30 саженей. Чтобы засеку было трудней различить, деревья не отделялись от пней и ветвей. На линии стояла цепь небольших укреплений — „острогов“, которые тоже строились из круглого леса, окружены были бревенчатым тыном с башнями по углам. Каждый острожек был вооружен пушками и пищальми, укрепленными в боевых башнях. У крепости стояла высокая „каланча“ или вышка, на которой день и ночь дежурил стражник. С постройкой сторожевых линий правительство переводит в Саратовское Поволжье на постоянное жительство большое количество служилых людей. Эти служилые люди пограничных окраин состояли из низших чинов служилого класса, так называемых „приборных людей“, в состав которых входили казаки, стрельцы, рейтары*, драгуны, солдаты, копейщики**, пушкарники, затинщики, воробтники, засечные сторожа, казенные кузнецы, плотники, каменщики и др.⁵⁹

Калмыкам некуда было податься. После 70-летнего пребывания на Волге, вдали от своей родины, Джунгарии***, они стали поневоле подчиняться русскому царизму, а калмыцкие нойоны продавали свой народ, склоняясь на царскую службу. Правительство тем временем продолжало укреплять Поволжье и заселять его.

На Волге, на месте скрещения водных и сухопутных дорог, на месте переволоки с Дона, в устье речки Камышинки была поставлена сильная крепость Дмитриевск, преграда для кочевников и казаков.

Другая крепость Петровск — построена на Медведице в 1698 году⁶⁰. От Петровска была проведена линия укреплений — сторожевых слобод: на реке Сердобе — Сердоба (будущий Сердобск), на реке Еткара — слобода Еткара (будущий Аткарск), на Медведице — Вершаут и Бурацкая.

Эта линия проходила как раз на „приходных местах воровских воинских людей“ — т. е. на путях, по которым проходили кочевники и казаки. Сторожевые слободы были заселены „пахотными солдатами“ — военнообязанными людьми, занимавшимися сельским хозяйством. За пограничную службу они получали только земли. Солдаты эти были перевезены с Симбирской и Пензенской сторожевых линий. Жизнь таких земледельцев была очень тяжела. В 1702 году пахотные солдаты г. Петровска

* Рейтары — конные войска иноземного типа.

** Копейщики — войска, вооруженные копьями.

*** Джунгария — сев.-вост. часть Китая.

жаловались в Москву на тяжесть пограничной службы: „В прошлых годах перевезены они из разных городов и слобод в Петровский город с женами и детьми на вечное житье. И служат великому государю солдатскую службу ближнюю и дальнюю. И в степи для проведывания воровских воинских людей ездят почаству. И на отъезжих караулах на проходных воровских воинских людей человек по 30 и 50 с весны до осени стоят“⁶¹.

Трудно было пахотным солдатам в постоянной военной обстановке заниматься земледелием. Предания жителей Петровска рассказывают: „Бывало поедем в поле на работу. Вдруг сторожевые на башнях выставляют знак на длинных шестах, или бьют в набат, извещая, что идут кубанцы. Мы с поля опроремью домой. Запираем ворота крепости, засыпаем их землей. Стреляем с башен из пушек, ружей и луков. Враги не отваживались на штурм, поездят вокруг крепости и удалятся“⁶².

Одновременно с укреплением Поволжья правительство стремилось и заселить его, освоить, а вместе с этим и оттеснить кочевников к Каспийскому морю.

Русский царизм использовал покоренные народы бывшего Казанского царства против кочевников. Правительство расселяло на Нижней Волге мордву, чувашей, татар. Многие из них, гонимые тяжелыми оброками, трудовыми повинностями и насильственным крещением, сами охотно стремились на новые свободные земли. После завоевания Казани русское правительство обложило все эти народы „ясаком“ — податью натурой. В XVII в. она была заменена денежной податью, но хлеб с чуваш, мари и других народов Средней Волги продолжали брать. Кроме того, то и дело собирали людей Казанского Поволжья или на стройку городов в низовья, или доставлять лес. Татарских феодалов, чувашских и мордовских мурз (начинавшую выделяться феодальную верхушку) русский царизм назначал в качестве служилых людей и забирал на военную службу. Забирали в служилые люди и крестьянство этих народов — с каждых 3 дворов по одному ратнику.

Из служилых националов правительство составляло особые полки под предводительством русских начальников. То строгий полицейский надзор, то ласку и задабривание применяло правительство к этим служилым, привлекая их на свою сторону⁶³.

На рубеже XVII и XVIII веков служилые чуваша, татары и мордва заселили много сел в северной части б. Саратовской губернии: татары — Певделку, Тарлаково, Могилки, Н. Атлаш, Индерку, Кунчерово, Алеево, Адельщину, Сулеймановку; чуваша — Цняево, Белую гору, Неверкино, Алешкино, Илим-Гору; мордва — Арайкино, Рязайкино, Бегуч и др. *

Начинают переселяться на постоянное жительство те мордовские крестьяне, которые издавна снимали леса для охоты и

* В б. уездах Хвалынском, Кузнецком, Петровском и Вольском, т. е. временные районы, Хвалынский, Вольский, Широкобуеракский, Черкасский, Шатинский, Базарно-Карабулакский и другие северные районы Саратовской губернии.

бортничества по Суре, Узе и другим рекам. В конце XVII в. они просят у правительства знакомые им места для заселения и начинают селиться около прежних своих зимниц, разбросанных в саратовских лесах. По преданию, первые насельники с. Мачкас пришли на новую родину раннею весной. Уза была в полном разливе, и они не могли, как хотели, перебраться на левый берег. Пришлось переждать, когда спадет вода. Села: Чумаево, Пылково, Аряш, Армиево, Калмангай, Наскафтым и ряд других были заселены мордовскими крестьянами. За полученные земли мордва должна была платить особый оброк правительству — ясак, почему они и назывались ясачными⁶⁴.

Были среди новых поселенцев и ясачные чуваши. Они образовали села: Кулатку, Лебежайку, Еремкино и др. Чувашское село Яблонка принадлежало Звенигородскому монастырю, который закрепостил их еще в Казанском Поволжье, а теперь переселил под Саратов.

Много среди новых переселенцев было и беглых. Предание чувашского с. Казанла рассказывает: „Как русские взяли Казань, так и побежали оттуда чуваши. На новых местах селились, прячась в лесах и оврагах. Так поселились Ергуней, Ярандай, Саватька и Прдась. Жили в лесу и не знали друг друга. Как-то вдруг на охоте двое встретились.

Сначала испугались. Думали, злой человек. А как узнали, что свои, чуваши, то очень обрадовались. Нашли и других и пошли все вверх по реке. Вода в ней свежая. Тут в котловине и поселились, „Казанла“ означает „в котловине“. От Ергуня много потомства живет в Казанле. И фамилию носят Ергуневых“⁶⁵.

Разницы в положении разных групп этих народов—ясачных, служилых или монастырских было мало. Всех одинаково притесняли и эксплуатировали русские власти и помещики.

Русские помещики выманивали у первоначальников мордвы, чуваш и татар их хорошие земли, выменивали их за бесценок, а то и отнимали силой⁶⁶.

Были среди новых поселенцев и русские мелкие помещики, которые, получив в Саратовском Поволжье земли, переселяли сюда своих крепостных. Так заселились Труево (теперь Кузнецк), Степная Нееловка (помещика Неелова), Ермолаевка (Ермолаева), Зиновьевка, Кряжим, Анненково и др.

Земли, розданные мелким русским и другим служилым людям, были невелики. Зато громадные пространства земель получили в конце XVII в. четыре крупных вельможи: князья Долгорукий, Мещерский, Куракин и особенно дядя царя Петра Лев Кириллович Нарышкин⁶⁷. В 1691 г., когда Нарышкины стояли у власти, Лев Кириллович получил в Саратовском Поволжье Конобеевскую волость. Это были громадные земли по Цне, Вороне, Хопру и Медведице с их притоками. В Конобеевскую волость входило 777 угодий: рыбных ловель, бобровых гонов⁶⁸ бортных ухажав⁶⁹ и т. д. и т. д. Территория этого „пожалова-

* Бобровые гоны—участки, удобные для охоты на бобров.

** Бортные ухажав—места для собирания меда у диких пчел.

ния" составляла половину б. Саратовской губернии, часть Тамбовской, Рязанской. Все эти земли были еще мало заселены, однако, Нарышкин в конце XVII в. получал с жившего там населения 963 рубля с копейками в год оброка. Это был громадный капитал по тому времени. Уследить за такими огромными пустующими землями Нарышкину было невозможно. Он жалует-ся Петру „что в тех, пожалованных ему угоднях, в бортовых ухажьях, на реках на Цне, на Вороне, на Хопре и на иных речках на займищах, полянах и сенных покосах всяких чинов люди построили дворы и крестьян поселили, и берут себе вновь из разных приказов в поместья и вотчины; и вотчинные его угодья разоряют; займищами, поляны и сенными покосы и всякими угодья владеют, пашню пашут, и в реках рыбу и зверей и птицы ловят и всякий лес рубят...“ Впоследствии Нарышкины закрепощали себе тех крестьян, которые селились на громадных пустующих просторах Конобеевской вотчины⁶⁸.

В конце XVII в. монастыри стали переселять своих крепостных на полученные раньше земли. Так возникли монастырские села Сосновый Остров (будущий Хвалынский), Воскресенское, Березняки, Малыковка (будущий Вольск) и Терса. Тяжело приходилось, особенно первое время, на новых местах невольным переселенцам. Летом близко к поселкам подходили калмыки, особенно по левому берегу. Трудно также было обзаводиться хозяйством, поднимать целину. Крестьяне села Сосновый Остров бежали обратно в центральную Россию. Но монастырь их вернул. Тогда они построили себе маленькую крепость с воротами и сторожевой башней. А казна выделила им трех солдат и пушку. Предания рассказывают о первоначальной жизни Хвалынска. „По ту сторону острова, на коренной Волге, была у наших будка, чтобы смотреть на Волгу, не появятся ли ордынцы из степи. Заволжье тогда еще было... не наше. А ордынцы эти—калмыки—переправлялись вплавь через Волгу: лошадь впереди плывет, а он за хвост держится. Как сторожевой увидит, что орда плывет, то и зажжет смоляную бочку, чтобы своих известить об опасности. Все хватались за оружие и отбивали калмыков“⁶⁹.

Заселение Саратовского Поволжья производилось не только правительством, оно шло и стихийным путем. Стоит только на какой-нибудь речушке основать деревушку в 5—6 дворов, как сейчас же, откуда ни возмись наберется и беглых и раскольников*, и всяких пришлых людей. Срубят себе избы и дворы поставят,—лесу кругом было много. Тяжелым деревянным самодельным плугом вспашут новую землю, взборонят ее самодельной же деревянной бороной, сделанной иногда просто из нескольких хорошо подрезанных сучьев, и сеют. Около дома разделают огород, а поближе к реке конопляник. Одежду ношили самотканную, холщевую, чаще посконную—льну в наших местах сеяли мало. Все необходимое—одежду, жилище, посуду мебель—крестьяне изготовляли сами, железные вещи делали

* Раскольники—люди, отказавшиеся принять церковные реформы XVII в.

свои же деревенские кузнецы. Беглые образовали русские села Красный Яр, с. Золотое на Волге и много сел по Хопру и Медведице.

Среди беглых, скрывавшихся в Саратовском Поволжье, было много раскольников. Темные массы крестьянской бедноты, ища выхода из непосильной крепостнической кабалы, примыкали к раскольникам в их борьбе с правительством, выступая за старую веру, за старые костные русские порядки, против западно-европейских новшеств, против европейской культуры.

Помещики Тамбовской губернии, от которых много крестьян бежало к раскольникам в прихонерские леса, на Медведицу и на Дон, жаловались правительству, требуя изловить и вернуть беглецов. Правительство разрешило тамбовским помещикам действовать самостоятельно. Тамбовский воевода снарядил несколько военных экспедиций и послал их разорять новые городки на „заполянских речках“—притоках Хопра и Медведицы.

Раскольники двинулись вверх по реке Медведице и на островке посредине реки среди топей и болот в диком лесу построили себе небольшой городок, обнесли его бревенчатым тыном, вырыли снаружи ров. Подошедшие отряды не смогли взять городок. Туда начали стекаться толпы раскольников и беглых крестьян. Воеводы Саратова и Царицына, напуганные призраком новой крестьянской войны, писали в Москву письма полные тревоги. Правительство послало для осады городка ядер, пушек и пороху. Из всех ближайших крепостей были посланы военные отряды, которые начали правильную осаду Заполянского городка. Одиннадцать месяцев длилась осада. Только зимой, когда замерзли топи и болота, войска смогли взять приступом изнуренных жителей городка. Стрельцы и казаки ворвались в город и поджигали его со всех сторон, а осажденные кидались в горящие здания, бросали туда детей и сгорали, не желая сдаваться⁷⁰.

Однако суровые меры правительства не могли прекратить бегства. Во время правления Петра количество беглых увеличивается. С 1698 по 1718 г. податное население государства уменьшилось на 19%. Много из этого населения оказалось в бегах в Низовом Поволжье, население которого в начале XVIII в. сильно выросло. Заселяя Поволжье, правительство все дальше на юг оттесняло калмыков. Русское дворянство не прекращало сманивания и крещения калмыцкой бедноты, которую держало у себя в качестве своих крепостных. В 1703 г. правительство устроило новокрещенным из калмыков особое поселение на реке Терешке немного выше Саратова. Здесь же им была нарезана земля. Калмыцкие нойоны, возмущенные таким сманиванием у них их крепостных улусных людей, собрали войско и во главе с Аюкою в конце 1707 г. подошли к новостроенной слободке, сожгли ее и истребили до основания, а всех новокрещенных калмыков увели в свои улусы⁷¹.

Таким образом в конце XVII в. Саратов стоял уже не на пустынных берегах Волги. Он являлся теперь центром, правда, не очень сильно, но все же заселенного края. В административ-

ном отношении население Саратовского Поволжья подчинялось не Саратову, а Казани. После завоевания Казани в течение всего XVII в. Среднее и Нижнее Поволжье находилось в ведении приказа Казанского дворца. Саратов был не только в XVII в., но и в начале XVIII в. еще безуездным центром и управлялся, как крепость, воеводою, ведавшим только городским управлением. Но экономически все население Саратовского Поволжья тяготело к Саратову, как к торговому центру. Вместе с ростом торгового и вообще экономического значения Саратова в конце XVII века, уменьшалось, наоборот, его военное значение, особенно в связи с появлением сложной системы укреплений в виде сторожевых линий и засек, которыми было теперь защищено все Саратовское Поволжье.

САРАТОВ ПЕТРОВСКИХ ВРЕМЕН

Второго июня 1695 года в г. Саратове было необычайное оживление. К городу подплывал сверху царский караван с иностранными полководцами и войсками. Событие было необычайным. Прежние московские цари дальше соседних монастырей не выезжали из столицы. Теперь всем было любопытно посмотреть и самого молодого царя и его войско. Весь день народ толпился у берега Волги⁷².

Петр ехал Волгою с войском в 31.000 чел. походом на турецкую крепость Азов. Другая часть войска переправилась сухим путем. А тяжелая конница старого московского устройства под началом Б. П. Шереметева была отправлена в низовья Днепра, как бы угрожая походом на Крым и маскируя таким образом главную цель похода. Сам Петр выехал 30 апреля в полдень на судах из Москвы.

Начальство г. Саратова было чрезвычайно встревожено и озабочено предстоящей встречей. Воевода города стольник Григорий Андреевич Ляпунов⁷³, посоветовавшись с саратовскими дворянами и духовенством, выслал передовые посты стрельцов от Саратова до реки Терешки. Стрельцы должны были, гарцуя по берегу, встретить и проводить царский караван стрельбою из пищалей и песнями. Но караван 2 июня стал на якорь в 30 верстах от города. Суда старорусского образца, на которых плыло войско, были дурно оснащены, плохо сколочены. Недоставадо кормчих, знающих форватер Волги, и суда то и дело садились на мель. Некоторые из них доехали только до Нижнего. Только 3 июня караван в составе 117 судов подошел к Саратову.

У Казанских ворот царя ожидали власти города. Все были одеты в дорогие праздничные одежды. Палили из пушек и пищалей. Дорога была устлана красными сукнами. Народ дивился костюмам солдат, их парикам, коротким кафтанам, чулкам и башмакам на ногах. Еще большее удивление вызвали иностранцы—приближенные Петра—в длинных кудрявых париках с бритыми лицами и в нарядных камзолах с кружевными манишками.

Петр осмотрел город. Ночевал он на своем судне. А на другой день поднялся на Соколовую гору. Жители Саратова подали царю просьбу отвести им земель около города на „вы-

пуск и табунные, и сенокосные, лесные угодья". Петр обещал. И действительно в 1701 г. Саратов получил указ о пожаловании ему пригородных земель⁷⁴. 5 июня царский караван отправился вниз в Царицын, откуда суда были посуху переправлены на Дон.

Первый азовский поход окончился полной неудачей. Отсутствие единого командования, отсталость военной техники в русских войсках и невозможность взять морскую крепость только с суши были причиной неудачи. Однако, это не охладило энергии Петра. На следующий год с новыми силами он спустился к Азову по Дону на вновь отстроенном флоте. И Азов на этот раз был взят.

Крепость была заново отстроена. Также построена новая крепость Таганрог. На работы и на заселение этих крепостей войсками и рыболовами требовались люди. Их рекрутировали из городов Низового Поволжья, Петр задумал грандиозное, невыполнимое по технике того времени, предприятие — соединить каналом Волгу с Доном. Это имело цели политические, военные, а также и торговые. 35 тысяч крестьян требовалось созвать на эту работу. Довольно быстро выяснилась непосильность задачи. Тяжелый изнурительный труд, недостаток продовольствия вызывали болезни и высокую смертность среди рабочих. Многие умирали, многие бежали на Дон. Огромные земляные сооружения, да встречающиеся человеческие кости около них остались безмолвными свидетелями многих здесь погибших⁷⁵.

Первая же война поставила Петра перед необходимостью ввести постоянную, хорошо обученную армию. Петр проводит военную реформу, вводит обязательную рекрутскую повинность для всего податного населения — по одному человеку с 20 дворов. Дворяне же должны были служить поголовно. Военная реформа сразу повысила обороноспособность государства. Но рекрутирование населения проходило тогда в чрезвычайных тяжелых условиях. Тяжелая была и солдатская служба. Войска не всегда были достаточно хорошо обмундированы, их плохо кормили. За малейшую провинность применяли жестокие телесные наказания. Напуганные тяжелой царской солдатчиной, крестьяне бежали от рекрутчины, скрывались в лесах. Их ловили, заковывали в кандалы и доставляли в губернский город.

В Саратове первый рекрутский набор проводил князь Репнин в 1698 г. Народная песня, сложенная в Саратове, рассказывает об ужасах рекрутчины петровских времен.

Не поймавши добра-молодца
Как же в рекруты отдать?!
Как поймали добра-молодца,
Белы рученьки связали,
Резвы ножевки сковали,

Посадили меня, молодца,
На мирские подводы,
Повезли-то меня, молодца,
Во город Саратов⁷⁶.

Но рекрутировали население не только в армию. Много народу забирали на разные государственные работы: то на стройку крепости Таганрога, то на стройку крепости Петербурга, на рытье каналов, на корабельные работы и т. д. То и дело набирали работников, то на новые города на

вечное житье. Самого крупного саратовского купца Калашникова, торговавшего калмыцким и рыбным товаром, и тележного мастера Филата Ульянова назначили в новый город Петербург. Никто не хотел покидать насиженных мест, и правительство вынуждено было набирать жителей в далекую столицу принудительным порядком.

В 1700 г. Петр начал длительную войну с Швецией. Северная война легла целиком на плечи народных масс—крестьянства и городского посада. Росли налоги и подати. Каждый год вводились новые косвенные налоги. Крестьяне массами бежали на окраины. Бежали и солдаты от тяжелой, введенной Петром пожизненной службы. Бежали рекруты от рекрутчины.

В 1705 г. в Астрахани поднялось восстание. Здесь собралось много беглых и городской и крестьянской бедноты, которая работала на рыбных и соляных промыслах, а раньше бурлачила на торговых судах. Астраханцы перебили начальников, выбрали на „кругу“ новое начальство. К астраханцам присоединились терские казаки, Красный и Черный Яр. Все Поволжье грозило подняться восстанием. Астраханцы отправили делегатов на Дон, а также большой отряд войска для захвата Царицына. Но против них выступил задаренный правительством калмыцкий тайша Аюка со своими войсками и казачьи старшины с Дона. Правительство отправило с фронта фельдмаршала Шереметева для расправы с астраханцами. Восстание было подавлено самым жестоким образом. Много повстанцев было отвезено в Москву, где они и умерли во время пыток или были казнены¹⁷.

Но вслед за этим восстанием в 1707—1708 гг. народное восстание охватило весь Дон, громадные территории Поволжья и даже центра. Петр отправил на Дон отряд Долгорукого, чтобы выловить там беглых. Долгорукий выслал с Дона 3000 человек беглых крестьян к их помещикам или на государственные работы и в армию. Сопrotивляющихся наказывали: резали носы, били плетями, убивали и женщин и детей.

В ответ на жестокие розыски донское казачество восстало во главе с Кондратием Булавиным. Отряд Булавина напал темной осенней ночью на отряд Долгорукого и вырезал его. Это и послужило началом восстания. Поднялись казаки верховых городов, крестьяне Придонья. Булавин рассылал „прелестные письма“, где говорил, что он идет против бояр и прибыльщиков*. На общем войсковом кругу он был избран атаманом донского казачества. Беглые бурлаки и другие „гуляющие люди“ с атаманом Некрасовым направились в Поволжье. Атаман Семен Дранный пошел в Слободскую Украину, а сам Булавин отправился брать Азов. В Поволжье булавинцы взяли Камышин, Царицын и обложили осадой Саратов. В это время подкупленный правительством калмыцкий тайша Аюка отправлялся с 20-тысячным отрядом калмыков на восставших в Заволжье башкир. 10 тысяч калмыков было направлено к Саратову и они отбили

* Прибыльщики—специальные чиновники при Петре I, измышлявшие новые налоги.

осаду булавинцев. Но городская беднота и судовые рабочие произвели вылазку из осажденного города и соединились с булавинцами.

Между тем Булавин потерпел поражение под Азовом. Этим воспользовались бывшие против него в заговоре войсковые старшины, окружили его в курене* и хотели захватить и выдать правительству. Булавин отстреливался до последней возможности, и не желая сдаваться в плен, застрелился. А в это время, на Дону царские отряды жестоко расправлялись с повстанцами, разбивая их по частям. Отряды атамана Некрасова были вытеснены из Поволжья карательными войсками. Некрасов, не желая сдаваться в руки палачам, перешел с 2-тысячным отрядом казаков кубанскую границу. А потом некрасовцы ушли в Турцию, где они и остались надолго. Потомки некоторых некрасовцев вернулись в Россию только после 1917 г. Казачья песня долго хранила память о храбром атамане.

Воскрутился, возмутился наш батюшка Тихий Дон
Со вершинушки вплоть до устьяца.
Как увел, увел Некрасов сын
Много силушки, много множество.
Кроме старого, кроме малого
Все было военного.
„Как спасибо тебе, батюшка тихий Дон,
Еще много ты нас поил кормил,
Много жаловал“...⁷⁸.

Крестьянское восстание не утихло сразу после жестокого его подавления в 1709 году. Оно вспыхивало то тут, то там.

3 марта 1709 года большой отряд булавинцев появился в Петровском уезде. Казанский губернатор доносил Петру: „В нынешнем 1709 году из верхних казацких городков с Медведицы и с реки Терсы вору злодейственным своим вымыслом на Саратовской степи близ города Петровского стояли станом. И разбой и грабежи всяким проезжим людям чинили. И хотели воровство свое умножить... И в нынешнем же 1709 г. марта 21 день писал ко мне Жмакин (офицер Петровских войск), что он с петровскими служилыми людьми на тех воров ходил. И на степь, где они своим воровским собранием стояли, разбил всех их воров со многим боем и пушечною стрельбою. И умножить ворами злодейства своего не дали. И из них трех человек со многими заговорными воровскими письмами взяли живых“. Как видно, большой отряд булавинцев с верхних казацких городков, где жила голытьба, подходил к Петровску и пытался перетянуть на свою сторону петровских пахотных солдат, для чего они посылали в город свои воззвания — „заговорные письма“. Отряд этот состоял из беглых крестьян, рабочих людей и солдат правительственных войск полка Бильса, который был разбит булавинцами в октябре 1708 г., и солдаты этого полка все ушли с восставшими. Этот отряд и пытался соединиться с войсками г. Петровска. Однако, правительственные войска разбили и этот отряд булавинцев⁷⁹.

* Курень — казачьи постройки.

Булавинское восстание, как и всякое другое крестьянское восстание, потерпело поражение потому, что оно не могло быть возглавлено рабочим классом, которого не было еще в крепостной России: оно было стихийно, имело локальный и царистский характер,—крестьяне боролись за „хорошего царя“. Донское казачество потеряло всякую самостоятельность. Земли были розданы помещикам и заселены крепостными крестьянами. На Дону, как и во всей России, установилось крепостное право⁸⁰.

Петровские реформы дали централизованной Российской империи большой толчок вперед. Петр создал большую западно-европейского образца армию, создал военный флот, сильно увеличившие обороноспособность государства. Петр способствовал промышленному развитию хозяйства, создал централизованный аппарат государственного управления, однако, все это очень дорого стоило народным массам. Товарищ Сталин отмечает, что „Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев“. Но при этом товарищ Сталин подчеркивает и то, что это развитие „...происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры“. (И. Сталин. Беседа с немецким писателем Э. Людвигом. 1933 г., стр. 3).

В связи с административной реформой Петра и учреждением губерний в 1708 году Саратов вместе с большей частью Саратовского Поволжья вошел в состав Казанской губернии, оставаясь, однако, безуездным городом. Западная часть территории б. Саратовской губернии находилась в ведении Азовской, а позже Воронежской губернии. В Саратовской крепости, как безуездном городе, начальником был комендант, который, однако, по старой памяти, часто назывался воеводой. С 1717 года, после образования Астраханской губернии, Саратов с г. Петровском и Дмитриевском отошли в эту новую Астраханскую губернию⁸¹.

Сильно оживлялся Саратов в дни, когда проходили большие караваны ногайцев, гнавших табуны коней на продажу в Москву. В густом облаке пыли они медленно приближались из степи, подходили к самым стенам города и располагались на ночлег. На „татарском базаре“* начиналась бойкая торговля. Саратовские женщины предлагали свою провизию, сами спрашивали, нет ли лент, красивых шелковых платков, бумажных тканей. Здесь, на „татарском базаре“, останавливались и персидские, и армянские купцы, и бухарцы. У них бывали красивые дорогие ткани — шелковые и бумажные, жемчуга, парча, ковры и другие ценные вещи, которые они возили в Москву. Из саратовцев разве только воевода покупал что-нибудь из этих дорогих вещей в приданое своей дочери.

Всех проезжавших мимо Саратова иностранных купцов в город не впускали. Суеверные обычаи и религиозные предрассудки русских требовали держаться дальше от иностранцев „поганых“ — и в город их не пускали, чтобы не „опоганить“ город.

* Татарский базар находился за валом в степи, за Царицынскими воротами.

За городом же, на левой стороне Волге, был и „калмыцкий базар“. Калмыки на лошадях и верблюдах везли свои продукты скотоводства: кожи, сало, масло, скот и другие, и располагались со всем этим на берегу Волги против города. А сараговцы на лодках приплывали сюда же и привозили разные „верховые товары“*: холсты, хлеб, топоры, ножи, деревянную посуду и другие предметы домашнего обихода, высоко ценившиеся кочевниками. До позднего вечера стоял на берегу шум и гам, слышались гортанные звуки калмыцкой речи, крик верблюдов, скрип возов и шелканье кнута⁸².

Саратов. Рисунок де-Бруина 1707 г.

Внешний вид города мало изменился за то время, как он был перенесен на новое место с левого берега. Только стены его сильно осели. Голландский путешественник де-Бруин, проезжавший Волгой в 1707 году, так его описал⁸³: „Город лежит на северо-востоке от Волги под горой и по ее покалости, предместье же его раскинуто вдоль берега реки на полчаса ходьбы. Я нашел город на возвышенном месте без стен, но с деревянными башнями. В нем одни ворота, находящиеся в четверти часа ходьбы от Волги, налево есть еще и другие ворота, но отдельно от города и потом еще третьи со стороны Москвы, по сухому пути с частоколом между двумя последними ворота-

* Верховые товары—гл. об. деревянные изделия и другие товары с верховьев Волги.

ми. Когда подходишь к городу с той стороны, которая лежит направо от реки, то увидишь пропасть, в которой растет капуста и другая зелень*. За последними воротами взорам представляется открытая страна, а по ней пролегает убитая дорога, которую астраханские, русские и другие купцы, едущие сухим путем, отправляются в Москву. Жители там все русские и почти все солдаты, находящиеся под начальством одного правящего губернатора“.

С начала XVIII века город понемногу стал выходить из стен. Рост города шел главным образом в направлении вниз по Волге. Но одновременно население заселялось вдоль по Московской дороге. Еще в 1695 г. дворянин Т. Р. Шахматов получил место для стройки „для утиснения за городом Саратовым за Московскими воротами от ближних надолб подле буераку“⁸⁴. Вскоре за Московские же ворота были вынесены мясные ряды, кузницы и некоторые частные новые дома.

В десятых годах XVIII столетия, к которым относится описываемая картина, в далекий приволжский город стали наезжать и русские купцы: московские и астраханские. Они останавливались в большом деревянном „гостином дворе“, построенном на Гостиной площади. Гостиный двор был обнесен деревянным тыном с кровлями, воротами и навесами, выходившими на четыре стороны. На дворе стояли большие весы и несколько постоянных изб для приезжих. Помещения для торговли, лавки — выходили на Московскую улицу. Они состояли из внутренней галереи с отделениями. На Гостиной же площади торговали и мелкие торговцы саратовского посада. Они раскладывали свои товары на столах, полках и в шалашах. Остатки этого самого старого саратовского базара на Гостиной площади сохранились до настоящего времени в виде так называемого „Пешего базара“ на Музейной площади около Правления РУЖ.

Два раза в год в Саратове происходили большие ярмарки. Одна в июле, которая была приурочена ко времени прихода судов сверху по Волге. Другая — осенняя — в октябре, когда продавались главным образом восточные и астраханские товары, доставлявшиеся к этому времени снизу. В городе бывало большое оживление во время этих ярмарок. Съезжались люди из окрестных сел и деревень. Много повозок останавливалось на площади около церкви, празднику которой обычно посвящалась ярмарка и именем которой она называлась. Наживались купцы, наживалась и их союзница — церковь и ее духовенство. Ярмарка продолжалась не менее трех дней.

Город рос и застраивался. Жилые новостройки были исключительно деревянные, но было выстроено 2 каменных церкви. Первая каменная церковь была построена в центре города на Гостиной площади. Церкви обычно в русских городах были лучшими строениями. На их постройку тратились громадные деньги, которые собирались с населения.

* Повидимому Глебучев овраг.

В 1689 году на месте сгоревшего деревянного собора (главной церкви города) начал строиться новый большой, каменный⁸⁵. Больше 16 лет строилась эта церковь. Только в конце 1695 года она была вчерне закончена. Церковь была сделана в стиле московских церквей XVII века, в стиле так называемого „Нарышкинского барокко“* с мелкими украшениями, завитками, барельефами. На колокольне церкви были установлены большие башенные часы. Церковь сохранилась до наших дней на Музейной площади почти в неизменном виде (кроме крытой галереи, пристроенной значительно позже). Эта постройка конца XVII, начала XVIII века является наиболее интересным в архитектурном отношении памятником старого Саратова. (В настоящее время в этом здании находятся хранилища Областного музея.)

Несколько позже тоже каменную церковь поставил Саратовский мужской монастырь, стоявший за Глебучевым оврагом над Волгой. На крутом холме высилось это нарядное здание, которое далеко было видно с Волги, а также и со стороны города. Замащивая к себе молящихся и обирая их, монастырь постарался отделать свою церковь во вкусе времени. Пестро украшенному внешнему виду монастырской церкви вполне соответствовало и ее внутреннее убранство. Нарядные печи церкви завершались поверху красивыми цветными изразцами с красными петушками, пестрыми цветами и разными узорами. А на самой печи среди изразцов с завитками и цветами красовались фантастические птицы с женскими лицами — „райские“ птицы Сирин и Алконост, — и всякие невиданные звери. Богатые жилые и хозяйственные постройки монастыря были защищены высокими деревянными стенами, и весь он на фоне густой зелени окружавших его лесов стоял высоко над Волгой. Соляные и рыбные амбары монастыря стояли у подошвы холма за стенами. Сейчас на месте монастыря стоит недавно построенная средняя школа № 1. Материал, подобранный строителями школы летом 1937 г. во время закладки фундамента, хорошо рисует архитектуру монастыря. Весь этот материал находится сейчас в местном музее.

Несколько лучше стали выглядеть в Саратове и городские постройки. Каменных построек, кроме новых двух церквей, в городе не было. Но деревянные дома стали отделываться нарядными крыльцами, точеными воротными столбами, косячатыми** окнами.>

Сохранилось описание строений саратовского воеводы Никифора Беклемишева: „ворота створные сосновые фигурные, столбы дубовые с калиткою, по обе стороны заборы сосновые, крашены красною краскою; четыре горницы жилые бревенчатые, крытая кладовая, в передней также и в спальне печи муравленые... чердаки двойные крыты лубьями и тесом, кругом их балясы крашеные. И крашены они, хоромы, красною краскою, косячатые мерою 11 сажен на 5 сажен 2 с половиной аршина“.

* Барокко—стиль XVI-XVIII в.в., отличающийся в архитектуре массивностью, декоративностью и преобладанием кривых линий и завитков.

** Косячатые окна—с оконными рамами.

Хорошо стали убирать хоромы и внутри. В богатых дворянских и купеческих домах появились красивые печи, выложенные росписными изразцами с заморскими рисунками. Сами печи стали складывать не глинобитные, как прежде, а из обожженного кирпича с железными дверцами и железными закрышками в трубах. Окна стали вставлять стеклянные, створки окон—„вставки“—на железных петлях. В домах богатых купцов обязательно имелся кованый железный сундук, где хранилась хозяйская казна.

Во всем видны административные реформы Петра. На берегу Волги в городе выстроилось новое деревянное здание городского магистрата *, где собирались богатые купцы решать дела по управлению городом, по сбору с горожан налогов и др. Это здание впоследствии, во второй половине века, было заменено большим каменным, стоявшим тоже над Волгой как раз за Царицынскими проезжими воротами. В комендантской, прежде воеводской избе, на стене появился данный губернаторам печатный наказ, которым они должны были руководствоваться в своих действиях. Тут же висело объявление о сборе подушных денег, вексельный устав да „Регламент камер-коллегии“**. А во дворе появилась „архива каменная и в ней прошлых лет указы“. В судейской избе на судейском столе—красное сукно и зеркало*** рядом с оловянной чернильницей. А на столе подъячего—сукно зеленое.

Сильный толчок в развитии торговой и хозяйственной жизни города дало собственное управление, полученное купцами при Петре. В Саратов начали переселяться крупные купцы из старых русских городов. Выгодное положение на скрещении больших дорог привлекало их сюда, манили их также и многие природные богатства Саратовского Поволжья. Здесь они забирали в свои руки городское управление и держали в полной от себя зависимости ремесленников, цеховых и всех мелких торговцев. Все наиболее выгодные виды промышленности—соляная, рыбная—и крупная торговля „калмыцким товаром“ находилась в их руках. Они заводили за городом хутора, забирая в свои руки лучшие городские земли, данные Саратову Петром I, где откармливали купленный в калмыцкой степи скот, который отправляли потом в Москву и на крупные ярмарки.

В XX годах XVIII века Саратовской посад—торговое и ремесленное население—вырастает до 2000 человек мужского пола. Саратов обгоняет по значительности своего посада и своей торговли такие крупные города, как Астрахань и Симбирск. По 1-й ревизии⁸⁶ Саратовский посад числился в 2093 души мужского пола, а посад Астрахани—только 1660 человек. Ок

* Магистрат—здание городского управления.

** Камер-коллегия—коллегия, ведавшая сбором налогов.

*** Зерцало—трехсторонняя рама в виде призмы с царским гербом и тремя петровскими указами: „о хранении прав гражданских“, „о поступках в судебных местах“ и „о государственных уставах“. Зерцало служило эмблемой закона и законности феодального государства.

тысячи человек Саратовского посада записали себя купца-ми, столько же было цеховых, т. е. всяких ремесленников. Большое значение в городе имела соляная торговля, значительную часть которой держал в своих руках мужской монастырь. Монастырь этот назывался Четырехсвятским (впоследствии он был переименован в Спасопреображенский), но гораздо больше он был известен под названием Дубенского. Так он назывался по имени его игумена Паисия Дубенского, широко известного своим ростовщическою деятельностью. Не только саратовские, но и многие окрестные жители находились у него в тяжелой кабале. Паисий известен был тем, что он отстроил этот монастырь после пожара 1695 г. на высоком холме за Глебучевым врагом. Богатый монастырь вел огромную торговлю,—он владел и ранее крупными рыбными промыслами на Волге, а кроме того, он несколько раз получал от правительства земельные пожалования вверх и вниз по Волге. В 1682 году саратовский монастырь получил жалованную грамоту на сенные покосы по нижнему течению Увековской росоши*. В 1694 г. он получил еще земли за Волгою, в этом же году выпросил земель в урочищах в Курдюмских лугах и огородные места, принадлежавшие посадским людям. И в дальнейшем он продолжал выпрашивать земли и заселял их своими крепостными, заводил под городом хутора.

Выросло в городе и дворянское население. Это были главным образом чиновники. Их вместе с детьми было в 20-х годах XVIII в. 126 человек.

Основное население Саратова попрежнему составляло войско и городская беднота. 321 человек мужского пола было в городе бобылей, 256 человек дворовых людей—крестьян, принадлежавших дворянам, а также купцам, подьячим и духовенству, которые тоже понемногу владели крепостными. У саратовского купечества были крепостные из крещенных калмыков. В качестве крепостных купцы и духовенство часто держали у себя беспаспортных, беглых и др. людей, скрывающихся от властей⁸⁷. Откуда только ни бежала в Саратов городская и сельская беднота. Были среди них бурлаки, и батраки, и рыбаковы, кое-кто занимался даже мелкой торговлей, но не мог записаться в посад за недостатком капитала. Ревизия показала, что один пришел сюда батрачить после смерти своего хозяина—Петровского воеводы, которым он был закабален, другой застрял здесь, возвращаясь из Азова после отдачи его туркам и куда он раньше насильно был перевезен вместе с другими рыбаками, а сейчас у него нехватило денег вернуться на родину в Симбирск. Кто застрял здесь ребенком, будучи завезен отцом, которому он помогал в рыбной ловле, у того отца забрали в плен татары, а тот и совсем не помнил родства⁸⁸.

Многие из саратовской бедноты занимались крестьянством. Пахали земли под городом. Многие работали на судах бурлаками. Судоходство на Волге росло с развитием торговли. Кро-

* Росоша—долина между холмами, размытая весенней водой.

Волжские бурлаки. Гравюра 1-й половины XIX в.

ме гребных судов—тяжелых насад—и легких пассажирских стругов появились в XVIII веке крупные расшивы. Расшивы только при попутном ветре шли под парусом. В тихую же погоду их тянули лямкой бурлаки. На каждое судно требовалось до сотни, а то и больше человек. Жители Поволжья говорят, что бурлаков так много ходило на Волге, что по всему берегу попадались их старые лапти.

Ранней весной чуть стает снег, торопилась крестьянская беднота из разных губерний, особенно из малоземельных, бурлачить на Волгу. В плохонькой одежонке, с котомкой и запасными лаптями за плечами тянулись они в поволжские города и крупные села, где происходили „бурлацкие базары“. Так назывались места, где производился наем бурлаков. Сюда же спешили и волжские купцы-судовладельцы и их приказчики, торопясь поскорее захватить первые партии рабочих, пока еще не установилась цена на них и можно выторговать подешевле. Приезжали на бурлацкие базары и помещицы приказчики из больших имений, а то и сами „господа“. Они отдавали в наем крепостных крестьян, получали за них половину платы или даже три четверти вперед, зачитывая им это за оброк, так что крестьяне-бурлаки получали от хозяина за каторжный труд только „харчи“. Много шло бурлачить и беглых крестьян, и раскольников, и других беспаспортных. Купцы не отказывались

принимать и таких, хотя беспаспортных правительством запрещалось брать на суда. Но судовладельцы нанимали беглых, так как можно было платить еще меньше, они были полностью в руках нанятеля. Все низовые города у бурлаков слыли „вольными“.

Кому плыть в Камыши,
Тот и паспорт не пиши,

Кто захочет в Разгулий,
И билет не выправляй...

делось в бурлацкой песне, в которой Астрахань называлась Разгуляем⁸⁹.

К Астрахани судно сплывало по течению. А снизу, от Астрахани, его тянули лямкой. Тяжело навалившись грудью на конную лямку, шли бурлаки под унылую ритмичную песню, что ровнее был шаг.

Эх, пошел, да и пошел,
Вст пошел, да и пошел,

Он и ходом, ходом, ходом,
Ходом на ходу пошел.

Тащить было тяжело. Прибрежные камни резали ноги. Большинство шло босиком, так как берегли последнюю оставшуюся пару лаптей на обратный путь домой. Когда порывы встречного ветра тянули судно на низ и тащить его было невозможно, то разом все поворачивались спиной и, перекинув лямку на спину, наваливались на нее всем корпусом и жалобно шули:

Эх, матушка Волга,
Широкая долга.

Укачала, уваяла,
У нас силушки не стало“.

А то наскочит расшива на мель или пережат, тогда надо перегружать все товары на маленькие подчалки* и толкать судно. Или буря разобьет или повредит расшиву,—бурлаки должны ее чинить, поправлять, как этого требовал договор, который они подписали при найме.

С трудом двигались бурлаки, таща судно. Не больше 14 километров делали они в сутки. Только при попутном ветре могли они отдохнуть. Расшива бежала вперед, раздув свой большой парус, а бурлаки растягивались на палубе, подстелив войлок или старый мешок.

Позднее осенью кончались „путины“ бурлаков, и они получили расчет. Много их в это время собиралось в Саратове. Они жили здесь прямо на улице и спали часто под открытым небом. Бурлаки держались на самой нижней к Волге набережной улице, которую внасмешку зажиточные горожане называли „миллионной“.

* * *

В 1717 году ногайские и кубанские татары произвели опустошительный набег на окраинные поселения русского государства. Они дошли до самой Пензы, напали на многие села и города Саратовского Поволжья, разграбили их и выжгли, а домашний скот увели с собой.

Больше всего пострадало от этого набега заселившееся в Саратовском Поволжье чувашское, мордовское и татарское на-

* Подчалки—маленькие лодочки.

селение. После этого набега совсем исчезла маленькая чувашская деревня Казанья, основанная в 1717 году на речке Казанле. Повидимому, жители ее частью были уведены в плен, частью разбежались. Об ужасе ногайского набега поют мордовские старые песни⁹⁰.

Царь Петр начал укреплять южные окраины Поволжья. С 1718 года до 1722 года продолжалась стройка новой сторожевой линии. Линия шла от Царицына на Паншин и имела в длину 60 верст. Она состояла из земляного вала и рва, а по валу шел деревянный палисад. На линии были построены 4 крепости: Мечетная, Грачевская, Сокорская и Колдыбанская. Пятая крепость—Донская стояла на Дону. Между крепостями было расположено 23 форпоста. Так были прочно загорожены ворота, в которые проходили кочевники с юга в Поволжье. Для постоянных караулов и разъездов на Царицынскую линию были переведены служилые люди со старых линий,—Пензенской и Петровской, т. к. с постройкой более южной черты они теряли свое значение. Кроме того, сюда были взяты части войск из Саратова, Петровска и Камышина. Но этого оказалось мало. В 1731 году Петр велел собрать на Дону 1000 чел. желающих поселиться на Царицынской линии, а также от Царицына вверх по Волге, Иловле, Медведице и Хопру. Велено было селиться и жившим на Дону украинцам и не только на указанных реках, но и по Терсе. А в 1732 г. была переведена сюда группа донских казаков, которых правительство организовало в „Волжское казачье войско“. Так выросли на Волге казачьи станицы: Дубовская, Антиповская, Балыклейская и Водянская, населенные казачьими войсками, жившими на царское жалованье.

Переведенное на новую линию, население должно было нести военную службу и заниматься сельским хозяйством. В 1720 году Петр дал указ „для содержания линии перевести к оной солдатские слободы из тех городов, также и из Петровского половину, и поселить их в удобных местах, которые недалеко от линии были, и где возможно—им учредить пашню вместо денежного и хлебного жалованья“⁹¹.

Среди пахотных солдат, заселенных на Царицынской линии, появилось немало украинских крестьян⁹². В 20-х годах XVIII века они основали село Красный Яр и южнее по реке Иловле—хутора Петрунины, Костаревы, Саламатины, Барановские. С великим трудом и лишениями обживали поселенцы новые пустынные земли. Первые переселенцы показали дорогу украинскому крестьянству и в Поволжье хлынула новая волна переселенцев с Украины. Украинское крестьянство было крайне изнурено войнами, разорено гнетом польских панов-помещиков и казацкой старшиной. Угнеталось оно и русскими помещиками, которым русское правительство щедро раздавало украинские земли. „Деда наши,—говорят старики с. Самойловки,—вышли сюда из-под Киева и по этой самой причине, как притесняли паны и разоряли наши пажити. Бежали от барина Самойлова, который мучил крестьян жестоким обращением. Бежали тайком, ночью. А дома затопили печи, чтобы не сразу да

дались барские слуги и не бросились бы в погоню за ними. ежали долго. Остановились на Хопре. Но тут уже были русские, акие же беглецы. Двинулись дальше "... Так дошли беглецы до еки Терсы и образовали здесь села Елань, Самойловку (Три острова) и Песчанку⁹³.

Впоследствии внуки Л. К. Нарышкина „доказали“, что украинские крестьяне сидят на их старинной вотчине и потребовали, чтобы они или ушли с их земель или платили им оброк, как крепостные. Оброк был небольшой. Украинцы согласились. После, когда Нарышкины записали их за собой в ревизские сказки*, они попали в настоящую кабалу. Нарышкины увеличили оброк, а некоторые села были переведены на тяжелую барщину. С калмыками Петр продолжал поддерживать дружеские отношения. Он часто посылал подарки их тайше Аюке, за что требовал войска для своих многочисленных походов. Когда в 1722 году Петр проезжал Волгой в Персидский поход, во время его остановки в Саратове было устроено его свидание с Аюкою. Власти города Саратова подготовили царю пышную встречу. Царская флотилия подъезжала к городу ночью. По берегу Волги, на горах и на острове против города была устроена иллюминация из зажженных смоляных бочек. Для приема царя и царицы на берегу Волги был отстроен специальный небольшой домик.

Утром комендант города Беклемишев угощал царя и царицу завтраком у себя дома. Дворянство глубокой провинции приняло все меры, чтобы не отстать от западной моды, введенной Петром в центре. Беклемишев был одет по-европейски в коричневый шелковый камзол с галунами и пуговицами, на ногах ботфорты**, на голове парик и шляпа. Царю был подан завтрак по старому русскому обычаю из множества мясных и мучных блюд, но вино было подано дорогое иноземное. За завтраком царь имел разговор с Аюкою и назначил ему свидание у себя в галере. В этот приезд Петр подарил Беклемишеву остров против города. До последнего времени этот остров назывался Беклемишевским (теперь зовется Зеленым).

Аюка прибыл на другой день на царскую галерею со свитою с женою Дарма Бала. Царь и царица богато одарили своих гостей. Екатерина поднесла ханше усыпанные бриллиантами золотые часы с „репетициею“*** и несколько кусков дорогих арчевых и шелковых тканей. Аюке был подарен золоченый экипаж. Здесь же Петр потребовал от Аюки 10 тысяч войска Персидского похода⁹⁴.

В 1722 году Аюка умер. После его смерти оказалось несколько претендентов на ханский престол. Петр решил активно вмешаться во внутренние дела Калмыкии. Он поручил астраханскому губернатору Волинскому добиться того, чтобы русский ставленник бесхарактерный Дорджи Назаров занял хан-

* Ревизские сказки—списки населения, составленные во время статистической переписи — ревизии.

** Ботфорты—высокие сапоги.

*** Часы с репетициею—часы с боем.

ское место. Было велено действовать „ласками и подарками, а ежели ничто не поможет, то с ними поступать действием воинским, как с неприятелем“. Волинский ввел в Калмыкию казачьи отряды. Вражда нойонов, претендовавших на престол, ослабила силу калмыков. Дорджи, испугавшись, отказался от престола. Пришлось согласиться на другого претендента. Самый же сильный нойон, внук Аюки, Дондок Омбо, откочевал с 28.000 кибиток к югу и отдался в подданство Турции. Однако, в приазовских степях не хватало кочевий, и Дондок Омбо вынужден был обратиться к русскому правительству, ища мировой. Правительство воспользовалось этим, чтобы и его подчинить своему влиянию.

Задабривая одних нойонов, стравливая между собою других, правительство постепенно подчиняло их себе.

Разрознив и ослабив калмыцких нойонов, борясь с ними по одиночке, правительство прибрало в то же время к рукам калмыцкие массы насильственным крещением. В Калмыкию посылались миссионеры, переводились на калмыцкий язык священные книги, крестившихся награждали крестом, деньгами и одеждой. После крещения калмыков посылали на службу. Правительство поощряло русских помещиков брать калмыков, особенно подростков и крестить их.

У дворян была даже мода держать себя в услужении калмыков. Саратовское дворянство, пользуясь своим соседством с калмыцкими степями, всякими способами захватывало и закабаляло калмыков из бедноты, то сманивая их обещаниями, то просто захватывая насильно. В 1707 году в Саратове в комендантской избе воевода Никифор Беклемишев разбирал жалобу калмыков Яменя, Септеня и Домтина Мазановых на стрелецкого голову Луку Шахматова, который завладел принадлежавшей им девицей Сок. Но Шахматов показал, что девица калмыцкая им крещена, выдал Мазановым 20 рублей, а на девицу, которая после крещения была названа Анной, выправил у коменданта Н. Беклемишева владенную запись. Бесплезны были дальнейшие челобитья Мазановых даже самому царю⁹⁵.

Таким же образом закрепощали себе калмыков не только другие саратовские дворяне, но и богатые саратовские купцы.

В 1737 году был издан специальный указ о том, что крещеных калмыков помещики могут держать у себя в качестве рабов. „Калмыков и других наций, которые, как известно, крещены бывают и хозяевам достаются больше малолетние... в подушный оклад не писать. И для того дозволяется всякому таких покупать, крестить и у себя держать без всякого платежа подушных денег, только с одной запискою в губернских и воеводских канцеляриях, чтобы ведомо было, сколько ныне находится и впредь будет...“⁹⁶.

Бесплатная рабочая сила, за которую не требовалось к тому же уплаты подушной, пришлась очень по вкусу русским помещикам. Началась открытая торговля калмыками, как рабами, на рынках Астраханского края. Попытались крещеные кал-

мыки бежать от русских помещиков в свои улусы, но их ловили и возвращали.

Порабощенные царизмом, изгнанные с берегов Волги в солончаковые степи к Каспийскому морю и Манычу, калмыки тосковали о привольных кочевьях на волжских берегах. Живя на Кубани, калмыцкий владеец Башкура часто говорил, что лучше ему на Волге есть мелкую рыбу, нежели на Кубани баранину; при Волге их место природное и спокойное. На Кубани же простые калмыки руки свои поднимали на небо, прося бурханов*, чтобы дозволили опять перейти на Волгу⁹⁷. Не сбылись мечты калмыков вернуться на Волгу. Притеснения, грабеж, закрепощение калмыцких масс русскими помещиками довели их до того, что громадное количество кибиток спустя тридцать пять лет в 1771 году откочезало из России обратно в Джунгарию.

Насильственному крещению подвергались и другие народы Поволжья: мордва, чуваша, татары. В XVIII веке служилые группы народов Поволжья были постепенно переведены на положение крестьян. С началом грандиозной стройки флота, предпринятой Петром I, служилые из народов Поволжья были приписаны к корабельному делу. Они должны были рубить корабельный лес и доставлять его к корабельным верфям. Саратовские служилые чуваша и татары были приписаны к Казани. Повинность была очень тяжелой. Служилые много раз просили заметить ее обычной подушной податью. В XVII в. служилые никаких податей не платили. Теперь же корабельная служба им зачитывалась вместо подушной подати⁹⁸.

В связи с насильственным закрепощением, проведенным в 40-х годах XVIII в., все группы крещеных мордвы и чуваш приводились в общее положение государственных крестьян. После крещения они на 3 года записывались в „новокрещены“ и освобождались от подушных податей и рекрутчины. По истечении же льготного срока они должны были выполнять все повинности наравне с государственными крестьянами.

* Бурхан—скульптурное изображение божества у калмыков.

НАКАНУНЕ ДВИЖЕНИЯ ПУГАЧЕВА

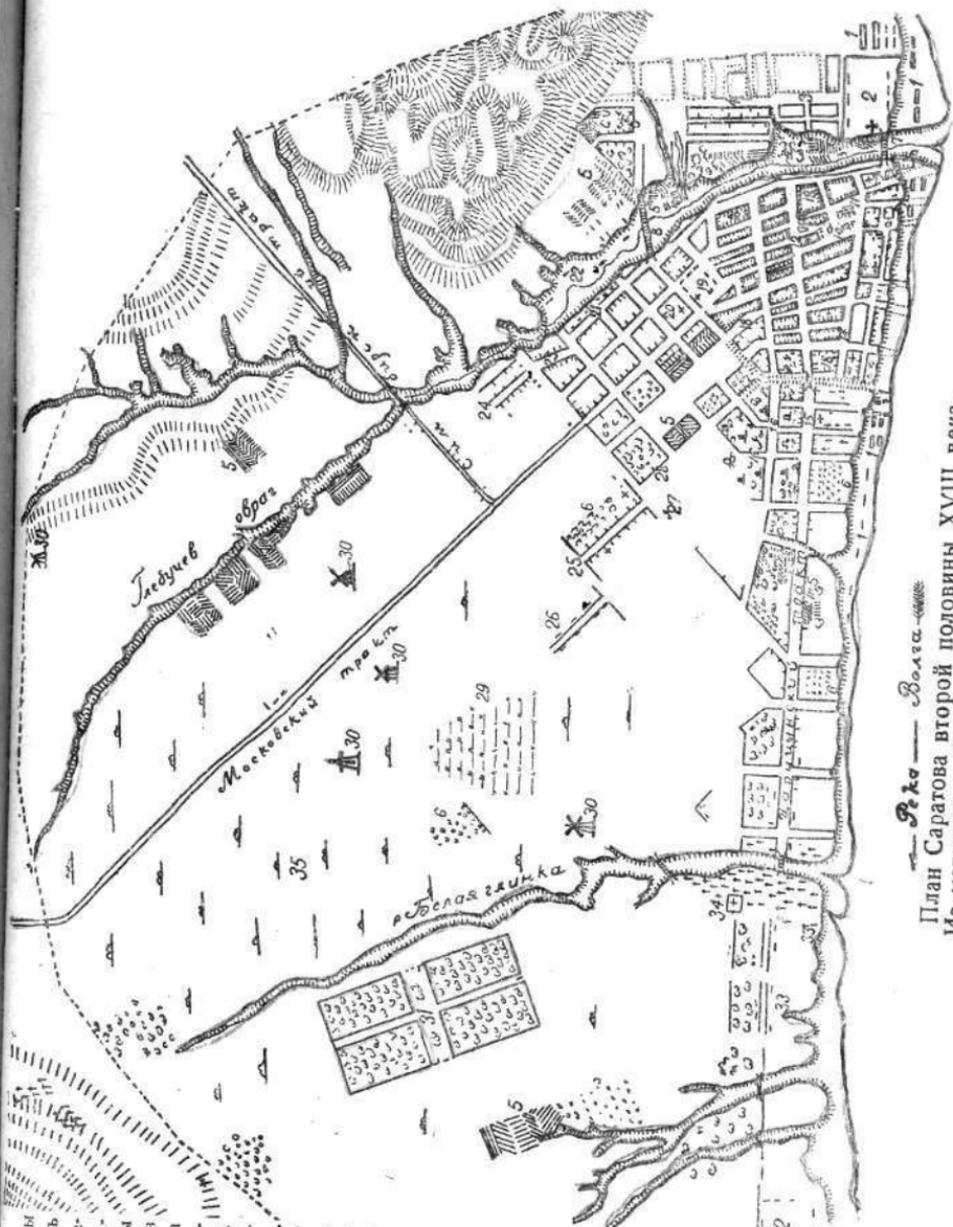
„Город Саратов издавна, а особливо по нонешнему его состоянию, вывозом с Эльтонского озера и отпуском в разные Российской империи города и места казенной соли, не меньше же рыбным и прочими торгами, а при том селением в лежащих близ оного города местах выходящих в Россию иностранцев довольное о себе известие заключает“⁹⁹.

Так характеризуют саратовские купцы в своем Наказе Екатерининской Комиссии значение Саратова во второй половине XVIII века.

Еще до того, как Саратов превратился в губернский центр (1780 г.) в период, предшествовавший восстанию Пугачева, в жизни его заметно было большое оживление. Целый ряд мероприятий правительства в Поволжье способствовал росту его значения. В 1747 году в связи с предпринятой правительством разработкой Эльтонского соляного озера Саратов стал центром вывоза эльтонской соли. В 1749 году здесь было открыто (переведено из Самары) Соляное комиссарство, переименованное позднее в Низовую Соляную контору. С 1766 года, в связи с предпринятой правительством колонизацией Поволжья, вывозом и поселением на берегах Волги иностранцев, Саратов стал центром иностранной колонизации Поволжья. В этом году учреждена была в Саратове контора Опекунства Иностранных. С 1769 года Саратов, входивший в то время в состав Астраханской губернии, впервые стал административным центром вновь образованной Саратовской провинции¹⁰⁰.

В эти годы значительно выросло население Саратова. По данным 3-ей ревизии, в Саратове было более 6000 человек населения. Это купцы, цеховые, бобыли, пахотные солдаты, казаки, крепостные крестьяне. Учитывая, однако, что в ревизские души вошло только мужское население и что в эту цифру не включены неподатные группы—духовенство, дворяне, приказные, немцы ремесленники (100 человек), военные команды и большое число укрывавшихся в Саратове на судах и на хуторах беглых, можно заключить, что действительное население Саратова едва ли не вдвое превышало эти официальные данные.

Рост значения Саратова и увеличение населения выгодно отразились и на внешнем виде Саратова, выделяя его из других провинциальных городов.

- 1 Солиные и рыбные склады
- 2 Преображенский монастырь
- 3 Солдатская слободка 4. Немецкая слободка (пероначальня) 5—6. Огороды и сады 7—8 Казанский и Привалов мосты 9. Казанская улица 10. Троицкий собор 11. Торговые ряды 12. Фидольская ул.
- 13. Женский Крестовоздвиженский монастырь 14. Старопрокопьевская ул. 15. Сергиевская ул. 16. «Пенька» 17. Овраг по Подицкой улице 18. Заселенные кварталы города 19. Михаило-архангельская церковь 20. Монастырская часовня 21. Кузницы 22. Кирпичные сараи в Гасбучевом овраге 23. Татарская слободка 24. Цыганские станы 25. Немецкая слободка 26. Канатные фабрики 27. Новые присутственные места 28. Дом губернатора 29. Болога (впоследствии на этом месте Митрофаньевская площадь)
- 30. Мельница ветряные и крупорушки 31. Тутовая плантация 32. Салотопенные заводы 33. Кожвенные заводы 32 и дегтярные склады 34. Ильинская ул. и кладбища 35. Стень

План Саратова второй половины XVIII века.
Из материалов Саратовского областного музея.

Саратов во 2-й половине XVIII века, по отзыву посетившего его в 1769 году академика Лепехина, был одним из лучших провинциальных городов с прямыми улицами и хорошими торговыми рядами¹⁰¹. Другой посетивший его в том же году академик Фальк тоже дает хороший отзыв о внешнем виде Саратова: „сей город хотя и невелик, но выстроен правильно и хорошо. В нем есть довольно каменных домов, 7 церквей, 2 монастыря и несколько лавок также каменных“¹⁰². О широких, прямых улицах в нижней части города и прекрасных домах зажиточных граждан, „между коими выстраиваются мало-помалу каменные“—говорит и Паллас, посетивший Саратов почти одновременно с Лепехиным и Фальком¹⁰³. Восстановить топографию Саратова 2-й половины XVIII века чрезвычайно трудно, в силу того, что из-за частых пожаров, производивших страшные опустошения в городе, он много раз перестраивался. На основе отдельных данных из разных источников можно составить только приблизительное представление о Саратове пугачевских времен.

Центром города попрежнему (как и в начале XVIII века) была Гостиная (теперь Музейная) площадь, застроенная жилыми и торговыми помещениями. На том месте, где теперь расположен сквер, против собора, находился гостинный двор, представлявший 2 ряда лавочек не более 3 сажений каждая. Каменные лавки были сосредоточены около собора в линии, называемой Щепетильным рядом*. Кроме Щепетильного ряда были еще шапочный и свежерыбный ряды. В центре площади (на месте теперешнего Управления железной дороги) между собором и Никольской церковью (теперь снесенной, стоявшей рядом с Управлением жел. дор.) возвышался двухэтажный каменный дом, где помещались воеводская канцелярия и Низовая Соляная контора.

Между домом воеводской канцелярии и оградой Никольской церкви тянулись два ряда деревянных лавок, деревянные же лавки кольцом окружали Никольскую церковь, оставляя свободной только сторону, обращенную к Московской улице, по которой тянулась деревянная ограда¹⁰⁴. На углу против собора, против здания теперешнего музея, стоял деревянный домик саратовского коменданта Бошняка¹⁰⁵. Около Казанской церкви (теперь снесенной) на углу Челюскинской (тогда Казанской улицы) и Покровской (тогда Воздвиженской ул.) были каменные лавки. Часть площади, примыкавшая к Челюскинской улице, была издавна особенно густо заселена.

От площади шли главные улицы: Московская (Ленинская), Воздвиженская (Покровская) и параллельная ей Царицынская (Чернышевская).

Теснота и скученность построек, в массе своей деревянных, характерны для старого Саратова.

Старая площадь города—пространство, заключенное между _____ми,—стала тесной и некоторые дома, а также кузницы, еще отра- _____ прови. Щепетильном ряду были лавки с галантереей и мануфактурой.

в начале XVIII в. были вынесены за Московские ворота. В 1753 году воевода Казаринов приказал сломать мясной ряд, стоящий недалеко от пристани в 100 сажнях от Волги и построить новые мясные ряды „в степи за валом, за Московскими проезжими воротами, близ кузнечного ряду“. В этом же году Казаринов приезжал заваливать ров у проезжих Царицынских ворот, а с другой стороны города от Горной слободы, против его Казаринова дома, приказал он раскопать земляную крепость, т. е. вал и заравнять ров сажен на 50. В 1757 году, после пожара, уничтожившего большую часть города, предпринята была перепланировка города, которая предусматривала переселение части жителей за город, за вал. Есть сведения, что при воеводе Строеве от неширокого и неглубокого рва осталось одно воспоминание, а вал был почти совсем уничтожен и места отданы обывателям под стройку домов¹⁰⁶. Однако, после пожара 13 мая 1774 года места эти оставались порожними. Таким образом, когда в июле—августе 1774 года встал вопрос об обороне Саратова от Пугачева, саратовский комендант Бошняк предпринял восстановление вала на старом месте, по обе стороны Московских ворот. Значит, город попрежнему кончался на теперешней Октябрьской улице.

В 1775 году уже после разгрома Пугачева Екатериной II был утвержден доклад генерал-прокурора князя Вяземского об обнесении Саратова валом и рвом с Московской дороги „по той же самой линии, где прежде обнесен был около города старый вал“. Работу по возведению вала производили в 1778 году немцы-колонисты¹⁰⁷.

От городского вала вниз по Волге весь берег на значительную высоту был покрыт густым, большей частью дубовым лесом; там, где сейчас площадь Фрунзе, лес прерывался, образуя долину, а потом начинался опять и соединялся с лесом Увека. Предгорье Соколовой горы тоже было покрыто густым лесом, так что мужской монастырь (теперь первая школа), отделенный от города оврагом, стоял в лесу.

На склоне Соколовой горы была слободка пахотных солдат, на горах же первоначально была и немецкая слобода и „въезжие“—постоялые дворы для приезжающих в Саратов колонистов*. Вне черты города была канатная фабрика. При обработке леньки кострига выбрасывалась на улицу—отсюда название Кострижной улицы¹⁰⁸.

У подошвы Лысой горы была шелковая фабрика. Лепехин пишет, что для нее „расстоянием от города верст в 5 при подошве Лысых гор заведен обширный сад с тутовыми деревьями, которые „бьющими из гор ключами орошаются“¹⁰⁹.

На берегу Волги по ту сторону Глубучева оврага находились провиантские магазины конторы Опекунства Иностранных и ка-

* Позднее немецкая слободка была перенесена в город—Немецкая улица—теперь проспект Кирова.

зармы, где первоначально жили приехавшие иностранцы, до расселения по колониям. По берегу Волги от Московского до Бабушкина взвоза тянулись соляные и рыбные склады. Мост через Глубучев овраг был выше теперешнего Казанского моста. Частые пожары, при тесноте дворов, скученности построек и отсутствии в Саратове долгое время каких бы то ни было противопожарных мероприятий, были попрежнему бичом Саратова. Они производили страшные опустошения в городе. Сгорали не только деревянные дома, но и каменные церкви, потому что обычно они были окружены или лавками или вокруг них группировались жилые постройки¹¹⁰.

В 1754 году появилась в Саратове, в связи с указами Сената (1748, 1751 и 1753 годов), первая пожарная команда, но определено было, за „неважностью города“ иметь только одну заливную трубу. До проведения в жизнь этого мероприятия в ночь с 6 на 7 августа вспыхнул пожар, от которого сгорело не только множество обывательских домов, но и все „присутственные места“: Низовая Соляная контора и воеводская канцелярия с Воеводским двором, Магистрат и Духовное правление. Тогда заведено было, кроме большой заливной трубы, еще 20 малых. Однако, через 3 года в 1757 году Саратов снова почти весь выгорел. Пожар 1757 года вызвал к жизни уже упомянутую перепланировку города. В Указе Сената говорилось: „И в том городе Саратове на погорелых местах обывателям велеть строиться по силе указов и инструкций губернаторской и воеводской, чтобы улицы были с указанной широтой. А от имеющих в Саратове соляных магазинов кои.....состоят на нагорной стороне весьма близки к обывательским дворам и при нынешнем пожарном случае находились в крайней опасности, оставить от них порожнего места от ста до трехсот саженей“¹¹¹. Однако, и перепланировка не спасла Саратов от огня. В мае 1774 года снова вспыхнул пожар, так опустошивший город, что многие жители вынуждены были жить в палатках. Державин говорил в то время о Саратове, как „имеющем единственно наименование города“¹¹².

* * *

Ученые путешественники, посетившие Саратов в конце 60-х и начале 70-х годов, отмечали не только внешний рост Саратова, но и рост торгового его значения, связанный с выгодным положением его на торговых путях.

„Великий привоз из Астрахани и из нижних стран вверх в губернии кожами, салом, рыбою, солью и персидскими товарами, а сверху хлебом, дровами, каменною и деревянною посудю нагруженных из Астрахани пльвущих судов также, а особливо зимой, многих тысяч в неделю приходящих воез, которые соль и рыбу в сию губернию привозят, доставляют сему месту великое пропитание“, — так пишет о Саратове Паллас¹¹³.

Такими же чертами рисует характер привоза и вывоза товаров из Саратова саратовские купцы в наказе, поданном ими в комиссию по составлению проекта Нового Уложения.

„В рассуждении простирающейся по реке Волге водяной коммуникации привозятся в тот город Саратов из верховых городов хлеб, лес и другие российские и иностранные товары, а из низовых, яко то Астрахани и прочих тамошних городов имеется соленая рыба с ее припасы, а при том через Астрахань из Персии и из прочих азиатских жительство шелковые и другие подобные тому товары“¹¹⁴.

Соль и рыба имели первенствующее значение в торгово-промышленной деятельности Саратова.

„Соляная и рыбная пристани великое множество привлекают к себе народа, что служит немалой прибылью живущим в Саратове гражданам“, — отмечает Лепехин¹¹⁵.

Учреждение в Саратове Соляного Комиссарства вызвало приток сюда иногородних купцов, которые по нарядам Низовой Соляной конторы поставляли соль в различные города. Но соляными подрядами не брезговали и дворяне, даже титулованные. Среди соляных подрядчиков Саратовской Соляной конторы встречаются такие имена, как князя Гагарина, Голицыны, Трубецкой, Долгорукие. Чтобы не „унижать“ своего дворянского достоинства, они действовали через своих дворовых, приказчиков, иногда через тех же подрядчиков купцов.

В 60-х годах XVIII века в Саратове жили поверенные помещиков: Нарышкиной, Бестужевой, гр. Головина, гр. К. Г. Разумовского, кн. М. И. Долгорукова, гр. Салтыкова, гр. Шереметева, пом. Неелова, Шмелева, Матюшкина.

Бывали случаи, когда, участвуя в соляных подрядах, дворяне базовались в Саратове двором и домом. Так, по просьбе пензенского помещиков Ермолаева и Варыпаевой им были даны орожные места за городом по Московской и по Симбирской улицам. У соляного подрядчика капитана Гладкова до пожара 1757 года было 2 крепостных дворовых места в Саратове.

Но и местное саратовское купечество, жаловавшееся в своих казаках на конкуренцию иногородних купцов, принимало деятельное участие в соляных операциях. До 20 человек саратовского крупного купечества, преимущественно первостатейных, как Ив. Бабушкин, Ларион Прянишников, Трумпичков, Протопопов, Мих. Арсков и другие, наживали немалые капиталы на соляных подрядах. Рыбные откупа тоже были той же одной статьёй, в дележе которой саратовские купцы конкурировали с дворянами и иногородними. Необходимо, впрочем, заметить, что долгие связи многих иногородних купцов с Саратовом нередко кончались переходом их в саратовское купечество. Большой частью они пополняли ряды первостатейных.

В I половине XVIII века были даже случаи перехода в купечество из дворян. В это время саратовское дворянство не завязало еще тесных связей с землей, но вовлечено было в различные торгово-промышленные операции. Многие представители саратовского купечества II половины XVIII века, как Трумповы, Лежневы, Протопоповы, по первой ревизии числились дворянами, ибо происходили от тех детей боярских, которые в начале XVIII века служили по Саратову.

Так как во II половине XVIII века рыбные ловли в Саратовских водах уже оскудевали, то наблюдалась главным образом тяга к откупам в местах от Царицына до Астрахани. Среди рыбопромышленников мы встречаем саратовских дворян Шахматовых, из купцов те же имена первостатейных, что держали в своих руках соляные подряды: опять Ларион Прянишников, Петр Трумпичков, Иван Бабушкин. Крупнейшими рыбопромышленниками были Иван Лежнев, братья Квасниковы.

Рыба занимала первое место в торговле. Привезенная в Саратов рыба отпускалась отсюда „яко от порта во все Российское государство“. И здесь московские, коломенские, владимирские, курские купцы и поверенные штатсдамы Нарышкиной, кн. Голицыной, графа Шереметева конкурировали с первостатейными и второстатейными саратовскими купцами. Размеры этой торговли были не малые. У саратовской купчихи Бабушкиной сгорело во время пожара 13 мая 1774 года 33 рыбных амбара.

Немаловажное место в торговле Саратова занимал сбыт „щепетильного“ товара, т. е. мануфактуры и галантереи, который находился в руках той же группы саратовских и иногородных купцов.

¶ Одной из важнейших сторон торгово-промышленной деятельности саратовского купечества, которой также не брезговало и дворянство, была торговля скотом, промышленное скотоводство и связанное с ним хуторное хозяйство. В близкой калмыцкой степи можно было покупать и выменивать скот. Обширные земли на нагорной и луговой сторонах Волги обеспечивали хорошие пастбища и сенокосы¹¹⁶.

„В рассуждении повсегодного в летние времена обращения кочевого калмыцкого народа в здешних местах по луговой реке Волге стороне, из нас многие саратовские купцы по заобыкновенной из давних лет привычке, отъезжая в их калмыцкие улусы, а по случаям и сами те калмыки, кочуя близ города Саратова, продолжают торг, выменивая у тех калмык на товары и покупая на деньги лошадей и прочий рогатый и мелкий скот ... и по пригоне оный пока продан быть может содержим при построенных нами из давних лет хуторах или скотских дворах, пользуясь жалованною и действительно отведенною в прошлом 1701 году к тому городу Саратову на скотские выпуски и на табунные выгоны с лесы, сеными покосы и с прочими угодьями окружную землею“, — писали саратовские купцы в наказе¹¹⁷.

Доходной статьей для владельцев хуторов была продажа сена, особенно, если учесть, что в Саратов приезжало большое количество подводчиков, возивших соль и рыбу. Сотни стогов сена накашивалось в займищах по речкам Латрыку, Грязнухе, Вязовке, Курдюму, Чардыму, а на привольных степных пастбищах паслись стада скота и табуны лошадей. И здесь владельцами наиболее крупных земельных участков и покосов сена являлись все те же купцы Протопоповы, Трумпичковы, Квасниковы. „Имеются скотоводческие хутора и у помещиков“: Шахматова, Всеволожского и других¹¹⁸.

На хуторах саратовских помещиков и купцов работали крепостные, очень часто калмыки и башкиры, которых легко было выпастить в соседней степи и которые были удобны для купцов тем, что (согласно указу 1737 года, подтвержденному инструкцией 1743 года) разрешалось „калмыков и другие нации... всякому... покупать, крестить и у себя держать без всякого платежа подушных денег только с одной запиской в губернских и заводских канцеляриях“¹¹⁹.

Владея крепостными из калмыков и башкир, не положенными подушный оклад, саратовские купцы легко могли обойти и указ Сената от 14/III 1746 года, не только запрещавший купцам покупку людей с землей и без земли, но и предписывавший обратиться у них дворовых, купленных после первой ревизии. Широко пользовались саратовские владельцы хуторов и трудом крепостных, которые соглашались на любую самую мизерную оплату¹²⁰.

Пользовались владельцы хуторов (особенно во время сенаторского) и трудом временных наемных рабочих, крестьян, приехавших сюда на заработки из соседних с Саратовом уездов. Содержание „уметов“ (постоялых дворов) на больших дорогах было также одной из доходных статей саратовских дворян и купцов.

Фабрично-заводская промышленность Саратова в этот период еще только зарождалась. Имелась стоявшая вне черты города канатная фабрика или пеньковый амбар, где вились канаты, которые продавались не только в Саратове, но и отвозились на верховые волжские пристани и даже в Москву и в Петербург. В 1772 году дан был указ на имя купца Мещанинова об открытии за городом на степи еще одной канатной фабрики. Селитренный завод купца Федора Кобякова на Увекке к 1765 году пришел в упадок и совсем запустел. У подошвы Лысой горы была расположена шелковая фабрика колониста Вердье. В 60-х годах появилась в Саратове шляпная фабрика немца-колониста Франца Палиса. Обе эти фабрики сгорели во время пожара 1774 года и не возобновлялись. В эти же годы заведен был в Саратове французом Жаком Робино мыловаренный завод.

Помимо торгово-промышленной деятельности одним из немаловажных источников дохода саратовского первостатейного купечества было ростовщичество. Ссуды под векселя были чрезвычайно распространены в Саратове во II половине XVIII века. Зажиточные купцы ссужали не только свою братию купечество, но и дворян, и канцелярских служащих, и цеховых и бобылей, ставя, таким образом, в зависимое от себя положение разные группы саратовского населения¹²¹. Экономическое преобладание первостатейных купцов давало им в руки руководящую роль в управлении Саратовской посадской общиной. Члены магистрата (городского управления)—бургомистры*, ратманы, ведавшие сбором налогов и судом посадских, выби-

* Бургомистры, ратманы—должностные лица городского управления, избировавшиеся купечеством и мещанством.

рались исключительно из среды первостатейных, редко из второстатейных купцов.

Первостатейные пользовались всяческими льготами в отбывании посадских служб. Некоторые фабриканты, солепромышленники совсем освобождались от несения их. Кроме того, знатные, зажиточные купцы могли нанимать за себя других „достойных и беспорочных“ купцов, с обязанностью покрывать недоимки в случае, если таковые окажутся. Для этой замены посадки, вообще чрезвычайно ревниво и подозрительно относившиеся к пополнению купеческих рядов из крестьян, нередко принимали к себе неторгующих людей. Крестьяне же шли в посад, потому что посадское тягло было все же легче крестьянского. Зажиточные купцы пользовались льготами и в отношении отбывания общих повинностей: воинской, постоянной*, подводной. До 1766 года они пользовались правом нанимать за себя в рекруты, в этом году наем за себя в рекруты был воспрещен. С 1760 года посадская община получила право (наряду с помещиками) ссылать своих членов за плохое поведение в Сибирь, этих осужденных зачитывали за рекрут. Городские головы, бургомистры, ратманы освобождались от чрезвычайно обременительной постоянной повинности, что же касается посадских платежей, то несмотря на то, что основанием раскладки служила оценка „всей совокупности пожитков“, первостатейные через своих выборных бургомистров и ратманов всегда могли переложить большую часть их на малоимущие слои населения¹²². Так, небольшая группа дворян и купечества, сосредоточив в своих руках лучшие городские земли и все доходы торгово-промышленной деятельности города: соляных подрядов, рыбных откупов, хуторного хозяйства, ростовщических ссуд, держала в полной от себя зависимости основную массу саратовского населения.

Отбывание многочисленных посадских служб, как-то: целовальников**, счетчиков, голов при соляных магазинах, старост, подьячих, писцов у подушных сборов, у таможен, у оброчных казенных статей, бань, мелких рыбных ловель и т. д., падало на второстатейных и третьестатейных купцов и на цеховых. 60-е годы были временем усиления платежного гнета, связанного с усложнением административного аппарата и тяготами войн. Система откупов усугубляла тяжесть платежей¹²³. Если второстатейная группа саратовского купечества принимала участие в торгово-промышленной деятельности иногда самостоятельно, а иногда в роли приказчиков дворян и крупных купцов, то совсем иным было положение самой многочисленной группы саратовского купечества — группы третьестатейных. Большинство из них, „счисляясь купцами“, имели пропитание „от хлебопашества“, от „звериной ловли“ или питались от мастерства, занимаясь сапожным, шапочным, кузнечным и другими промыслами. Многие из них искали заработка на волжских

* Постоянная повинность—обязанность ставить напостой воинские команды.

** Целовальник—должностное лицо, ведавшее сборами с населения.

бных промыслах зажиточных купцов в качестве ловцов работников. Нередко приходилось им отрабатывать первостепенным за недоимку, попадали они за долги и в кабалу.

Что касается цеховых, то, несмотря на то, что число их к 3-й ревизии было довольно значительно и приток в эту группу был также довольно велик, большинство из них ремеслами не занималось, а либо также нанималось ловцами и работниками на рыбные ловли, либо „обращались на хуторах во потребление хлебопашества“, что вызвало даже перевод части цеховых в конце 60-х годов в крестьянство, часть же была переименована в купечество.

Значительную часть населения Саратова составляли бобыли и пахотные солдаты, которые находились в ведении Саратовской воеводской канцелярии. В конце 60-х годов число их значительно пополнялось за счет раскольников, возвращавшихся с-за рубежа, в связи с манифестом 1762 года, разрешавшим свободным за границу раскольникам возвращаться и селиться в пределах Российской империи. Основным занятием этих двух групп населения были земледелие, многие из них жили вне города ¹²⁴.

В наказе комиссий по составлению проекта Нового Уложения саратовские крестьяне жаловались на захват их земель помещиками и купцами и на обиды, которые им чинят.

„Хотя Саратовский округ по грамоте отведен был в 1701 году для граждан, но проживающие в городе Саратове служивые и отставные офицеры, городовые, дворяне, купцы и привилегированные служители завладели по рекам самыми удобными и секокосными местами и лесными угодьями, самовольно пересели на них своих крестьян и тем стеснили коренных жителей в такой степени, что для прокормления своего скота они вынуждены нанимать у них в своем же круге луга; сверх того запрещают им пользоваться лесом и причиняют разного рода обиды“ ¹²⁵. Иногда участки крестьянской земли переходили крупным владельцам хуторов за долги. Долговая кабала была одной из самых тяжелых сторон жизни маломощных слоев саратовского населения. Несостоятельность в уплате долга влекла за собой опись имущества должника и продажу его с торгов, а так как вырученной от продажи суммы очень часто не хватало для уплаты долга, ибо подчас должник „двора пажити кроме носильного платья“ никакого не имел, то он вынуждался по владенному указу в „заживы“, в работу кредитору или постороннему лицу. Половина заработка такого, попавшего в кабалу, человека шла на уплату долга, а другая половина на уплату податей. Зажива на десятки лет фактически означала полное закрепощение.

Несмотря на то, что еще в 1714 году отдача в зажив за долги была запрещена, она широко применялась в Саратове и в половине XVIII века. Один из наиболее крупных саратовских ростовщиков купец Ларион Прянишников имел целую сеть агентов—приказчиков, которых он рассылал в Москву, Астрахань, Сызрань, на Яик и другие места для поимки бежав-

ших от заживы должников, поручая приказчикам в случае нужды требовать для посылки воинской команды. В 1769 году в Саратове был даже случай, когда отданы были в заживу до 20-летнего возраста 15 человек детей умерших и немущих родителей—купцов 3-й статьи¹²⁶.

Выше уже отмечалось, что из многочисленных групп населения в Саратове было много „беглых“, работавших на судах, на рыбных промыслах, на хуторах. В 1742 году специально посланной сыскной командой найдено было в Саратове и его окрестностях до 5000 беглых.

В 1767 году в наказе комиссии по составлению проекта Нового Уложения дворяне соседних с Саратовом уездов снова хлопочут о посылке в те места сыскных команд. „От помещиков бегут люди и крестьяне и жительство имеют в разных уездах, а паче на Волге около Саратова...“, — пишут дворяне Инсарского уезда¹²⁷. На то же жалуются и пензенские дворяне: „Весьма многое число людей и крестьян, бегая, приставище и жительство имеют в лежащих по Волге городах: Саратове, Дмитриевске, Царицыне и Астрахани..., а особливо в построенных от разных жителей саратовских, дмитриевских и казачьих хуторах, называемых ими зимовья...“ Считаая, что если бы на хуторах не принимали беглых, то хутора и содержать бы было не кем, — пензенские дворяне предлагают „те хутора вовсе разорить“¹²⁸.

Получая пристанище и работу где-либо на Саратовском хуторе или рыбном промысле, беглый отдавал себя полностью во власть хозяина. В подлинно рабском положении находились и кулеческие дворовые из башкир и калмыков, работавшие на хуторах.

Таково было положение различных групп саратовского населения во II половине XVIII века. С одной стороны, небольшая группа дворян и крупного купечества, сосредоточившая в своих руках все нити торгово-промышленной деятельности города, все источники дохода, с другой, — масса саратовского населения, несшая на своих плечах всю тяжесть поборов и повинностей, опутанная долгами, попадавшая в тяжелую кабальную зависимость.

* * *

Росту и процветанию Саратова сильно способствовало развитие Эльтонского Соляного промысла, которое шло за счет жестокой эксплуатации подневольного труда украинских крестьян.

В 1746 году для обследования Эльтонского Соляного озера решения на месте вопроса об его эксплуатации был командирован Сенатом полковник Чемодуров, который и произвел обследование озера совместно с саратовским воеводой Дурасовым и командированным Сенатом подпоручиком Родионовым. Исследование привезенных образцов соли и соленой воды показало, что эльтонская соль, хотя и недостаточно чистая, по своей солености превосходит даже морскую соль, а потому по

нистке может быть употребляема. В следующем 1747 году и началась разработка эльтонской соли. Против Саратова и Камышина были построены соляные магазины, куда и свозилась соль. Первоначально возкой соли занимались саратовские и дмитриевские разных чинов люди. Во всем государстве велено было указами публиковать о вызове желающих поставлять соль. По указу... велено с Эльтонского озера ставить в казну соли бузуну* в города в Саратове и Дмитриевске, что по Камышинке, сумму не малую. Того ради ежели кто пожелает с того озера соль, брав возить и ставить в казну в вышеписанные города, то б для того немедленно явились в Саратове у Вас подполковника, а Вам с теми охочими людьми чинить договоры, и с тем о поставке той соли договоры учинены будут у оных соль-магазины принимать и за поставки выдавать станут без всякого удержания".

Указы эти вызвали большое оживление в крестьянской среде. Многие увидели в уходе на Эльтон возможность освободиться от тяжелой крепостной неволи и потянулись на Эльтон. Начались жалобы помещиков на бегство крестьян. Тогда правительство запретило принимать на Эльтон помещичьих крестьян. Между тем, добыча и вывоз соли быстро развивались.

Было вывезено соли:

В 1747 году— 13275 пудов
В 1748 " —881548 "

В 1749 году—1640976 пудов
В 1751 " —3253759 "

Одни саратовские и камышинские люди обслужить подвоз могли. Тогда правительство решило привлечь к возке соли раинских крестьян-чумаков. Первые чумаки появились в Саратове уже в 1747 году. Сначала украинцы приезжали на заработки только на сезон, весной, а глубокой осенью возвращались домой. Но длинная дорога съедала все выгоды заработка. Уже с 50-х годов украинцы начинают селиться по Соляному пункту. Появились украинские слободы: Покровская против Саратова (теперь Энгельс), Николаевская (против Камышина), Морье, Квасниковка, Котовая. Возчикам платили за доставку соли в Саратов 7 коп., а в Камышин—4 коп. (казенная жеодажная цена соли—25 коп.)¹²⁹.

При приеме соли возчиков обвешивали, при расплате обсчитывали.

Те крестьяне, у которых не было и пары волов, нанимались тяжелую работу—ломку соли. Посетивший Эльтон академик Лехин рисует тяжелые условия труда ломщиков. Соль ломают прямо со дна озера лешней, на которую напирала грудью, отали артелью, т. к. одному не под силу было отворачивать бы. Ломщикам приходилось работать в соленой воде, а к тому же, у многих не было сапог. Соленая вода разъедала кожу, образовывались раны, при отсутствии лечения раны были подчас смертельными. Ломщики также нередко калечи-

Бузун — крупная соль, добываемая в озерах.

лись при погрузке соляных глыб на лодки, т. к. погрузка производилась руками, а иногда приходилось перегружать на лодки, так как у берега было мелко. С лодок соль грузилась на телеги и складывалась на берегу, где большие глыбы разбивали на куски и поливали для очистки соленой водой (рапой).

Воздух на озере был чрезвычайно тяжелым, отсутствовала годная для питья вода. По берегу озера стояли бедные шалаши и землянки, где жили ломщики. Здесь же была команда казаков для охраны рабочих. Ломщики за свой тяжелый труд получали нищенскую плату. Возчики платили им от 20—50 коп. за воз, стараясь сохранить за собой побольше барыша.

Возчики, кроме возки, должны были заботиться о прокорме скота, что было особенно трудно в засушливый год, и о починке телег. Нередко на соляные караваны нападали калмыки, отнимали соль, захватывали оружие у охраны, а для охраны Низовая Соляная контора давала только одного солдата на 100 возов¹³⁰.

В 1763 году правительство, стараясь привлечь возможно большее количество возчиков для эльтонского соляного дела, освободило их на год от уплаты податей, а те, кто вновь будет селиться, освобождались на два года. Позднее (1794 г.) правительство приписало украинские села к Эльтонскому соляному промыслу. Разработка Эльтона, лежавшего в центре калмыцких кочевий, не только лишила калмыков права пользоваться солью из озера (им разрешено было вывозить соль в Саратов и Камышин на общих основаниях), но отодвинуло их кочевья еще дальше на юг.

Указом 1749 года калмыкам воспрещалось кочевать по Еруслану, Карамышу и другим ближайшим к Эльтону рекам. В ответ на это калмыки нападали на караваны с солью и соляные украинские слободы.

Со II половины XVIII века начинается усиленный захват помещиками и купцами рыбных промыслов на Нижней Волге (от Царицына до Астрахани). Калмыки вытесняются из Волжской дельты, им не только запрещалось ловить в захваченных водах рыбу, но и продавать выловленную в разрешенных местах рыбу на базарах. Их принуждали сдавать рыбу купеческим конторам, где цена была в 5—6 раз ниже рыночной.

Со II же половины XVIII века, когда начинается усиленная колонизация помещиками юго-восточных степей, калмыцкие кочевья оттесняются все дальше на юг.

В 60-х годах XVIII века уполномоченный по калмыцким делам при калмыцком наместнике писал: „По луговой стороне реки Волги, где прежде калмыки кочевали, от Самары до Царицына едва не все места заняты селениями и в близости оных калмык кочевать не допускают и происходят с обеих сторон непрерывные ссоры, грабежи и драки и захватывают друг у друга людей, скот, а иногда делается смертное убийство и в скоте утрата“¹³¹.

Калмыки оттеснялись все дальше в бесплодные степи.

С 40-х годов XVIII века русское правительство после смерти хана Дондок-Омбо пользуется распрями калмыцких феодалов, чтобы всецело подчинить себе ханов. Ханская власть ограни-

живается Советом представителей отдельных улусов, утверждаемым русским правительством.

В 1771 году хан Убаши принял решение откочевать в Джунгарию. Калмыки левого берега до 33000 кибиток ушли на восток, 5000 кибиток правобережных калмыков, задержанные половодьем, остались на месте. Бегство это было для калмыков чрезвычайно тяжелым. Из 300000 ушедших добрались до границ Китая только 15000. Остальные погибли в пути. Ханская власть у оставшихся калмыков была уничтожена, а калмыки потеряли свою независимость.

В целях возможно более быстрого освоения юго-восточных степей с их богатым черноземом и создания на луговой стороне (еще почти пустынной) форпоста против кочевников, правительство Екатерины II издает в 1763 году манифест, приглашавший иностранцев селиться на льготных условиях в пределах Российской империи. По этому вызову более 20000 выходцев из Франции, Швеции, а главным образом из Германии (где и без того тяжелое положение крестьян усугублялось разорением их от Семилетней войны) приехали и расселились по обоим берегам Волги в уездах Камышинском, Саратовском, Аткарском и Царицынском и в будущих уездах Николаевском и Новоузенском. Определено было отводить им по 30 десятин земли на семью. В то число полагалось: для пашни 15 десятин, сенокосной—5 дес., леса—5 дес., усадебной, огородной и выгонной—5 десятин. Правительство освобождало их на несколько лет от податей, давало ссуды на обзаведение хозяйством¹³².

Но, несмотря на „льготные“ условия, положение первых колонистов-иностранцев в Поволжье было чрезвычайно тяжелым. По отзывам самой конторы Опекунства Иностранных, учрежденной в 1766 году в Саратове для управления саратовскими колониями, к концу XVIII века колонии пришли в упадок. Из многочисленных жалоб колонистов на всякого рода злоупотребления и стеснения узнаем мы о том, как много приходилось терпеть колонистам от „вызывателей“. „Вызыватели“—это частные агенты, вербовавшие переселенцев за границу. Правительство давало „вызывателям“ деньги и на расходы по переселению и в качестве вознаграждения за труды. „Вызывателям“ предоставлялось право договариваться с колонистами о взаимных обязательствах по их собственной воле. Согласно условиям 17/XI 1764 года, заключенным правительством Екатерины, земля распределялась между колонистами по усмотрению „вызывателей“. „Вызыватель“ мог просить землю для вывезенных колонистов, если же земли не было, то мог использовать их на работу на отведенной ему земле. На земле колонистов „вызыватель“ пользовался правом охоты и рыбной ловли. Но и получив землю, колонисты оказывались в зависимости от „вызывателей“, должны были платить им „десятину“ с урожая, про- давать им продукты на льготных условиях. „Вызыватели“ ставили и административно-полицейскую власть над колонистами. Их руках были суд и расправа над колонистами, распоряже-

ние выданными им ссудами. Колонистов подвергали штрафам, арестам, телесным наказаниям шелепами (короткие треххвостные кнуты).

Но не лучше было положение и в „коронных“ колониях, в отличие от „вызывательских“, управлявшихся назначенными правительством чиновниками. Многие из колонистов были поселены на совершенно неудобных для земледелия землях, посевах их, особенно в Заволжье, страдали от засухи, колонии подвергались нападениям кочевников (казахов). Произвол и злоупотребления администрации колоний довершали разорение их. Колонисты в непривычном климате страдали от болезней. Бывали и такие случаи, когда помещики захватывали отведенную колонистам землю¹³³.

Уходя от тягот крепостничества у себя на родине, немцы попадали в такую же крепостническую обстановку в России. А во II половине XVIII века крепостническая обстановка особенно дает себя чувствовать в Саратовском Поволжье. В это время начинается усиленный захват помещиками земель „плодородной Саратовской степи“ на правом берегу Волги. Сотнями, десятками, отдельными семьями и в одиночку ведут помещики за собой крепостных и из ближайших Пензенского и Симбирского уездов и из таких отдаленных, как Нижегородский, Рязанский, Московский¹³⁴. Развитие помещичьего хозяйства, спрос на рабочие руки приводили к тому, что закрепощались ранее поселившиеся здесь государственные крестьяне, использовался труд беглых. Рабочих рук было мало, а плодородная земля сулила богатый урожай, барщина делалась все тяжелее. Крестьяне села Голицына, Аткарского уезда, жаловались: „Маяла эта барщина не только души тяглые, но и подростков и даже ребятишек 6—7 лет. Все работали да еще каждодневно. Для своей работы оставалось только ночка темная, да праздник воскресения христово“¹³⁵.

Такова была обстановка вокруг Саратова, когда волна крестьянского восстания под руководством Пугачева, захватившая едва ли не половину империи, докатилась до Поволжья.

ПУГАЧЕВ В САРАТОВЕ

В декабре 1772 года в контору дворцовых управительских дел села Малыковки * привели арестованного. Это был человек среднего роста, худощавый, широкоплечий. На вид ему казалось лет под 40. Лицо у него было смуглое, рябоватое с довольно правильными и приятными чертами, с черной бородкой клином, в которой пробивалась седина. В его живых черных глазах светились ум и лукавство ¹³⁶. Арестованному был учинен допрос. Его обвиняли (по показанию крестьянина Мечетной слободы** Филиппова) в том, что он, будучи на Яике, подговаривал яицких казаков бежать за Кубань.

На допросе арестованный показал, что он беглый донской казак Зимовейской станицы Емельян Иванов Пугачев, что яицких казаков он бежать не подговаривал, а только рассказывал о побеге Некрасова*** за Кубань. Тогда учинен был ему „пристрастный“ допрос: управитель приказал сечь его батогами, но и после этого Пугачев ни в чем не признался. На теле Пугачева были замечены знаки, как бы от кнута, что показалось подозрительным. Его продержали 3 дня в Малыковской конторе, а потом заковали в ручные ножные кандалы и отправили в Симбирскую провинциальную канцелярию, а оттуда в Казань.

На допросе у казанского губернатора Пугачев снова показал, что казаков он бежать не подговаривал. Он рассказал, что вышел из-за польского рубежа и сам приехал в Малыковку, чтобы явиться для определения к жительству на реке Иргизе в Симбирскую провинциальную канцелярию, но не мог этого сделать, потому что был арестован. О знаках на теле Пугачев объяснил, что не был наказан ни кнутом, ни плетью, но сек его на казачьей службе полковник за то, что упустил лошадь.

Казанский губернатор фон Брандт определил „учинить ему, Пугачеву, наказание кнутом и послать на вечное житье в Сибирь“. Пугачева посадили в Казанскую тюрьму. Но в тюрьме он оставаясь не долго. Пугачев был человек бывалый и из тюрьмы уходил не в первый раз ¹³⁷.

* Теперь г. Вольск.

** Теперь г. Пугачев.

*** Некрасов—один из сподвижников казач. атамана Булавина, руководителя крестьянского восстания 1767—1768 г.

Емельян Иванович Пугачев, сын донского казака, родился в Зимовейской станице. 17 лет Пугачев был взят на службу и сразу же отправлен на войну против Пруссии*. Пугачев в этом первом походе показал себя смелым и отважным. Но в этом же первом походе узнал Пугачев не только голод и холод, но и жестокость и несправедливость царской службы. За то, что во время ночной тревоги при внезапном нападении пруссаков на передовой казачий отряд, он упустил лошадь полковника Денисова, к которому был взят ординарцем, его жестоко били плетью.

После первого похода Пугачев не раз ходил с казачьими отрядами для поимки беглых. В 1764 году он принимал участие в разгроме раскольниковой слободы Ветки**. В 1768 году Пугачев снова пошел на войну с Турцией. Он участвовал во многих сражениях. За боевые отличия был произведен в хорунжие, но вернулся из похода больной. У него „гнили грудь и ноги“. В 1771 году казаков снова потребовали в поход. Пугачеву из-за болезни пришлось нанять за себя другого казака. Больному Пугачеву пришлось плохо, у него было уже трое малых детей, отставки ему не давали, предлагали лечь в лазарет, но он, зная армейское лечение, отказался. Подлечившись немного народными средствами, он решил поискать лучшей жизни—задумал бежать на Терек. Первая попытка бегства была неудачной. Его выдали родственники, с которыми он сговорился бежать. Пугачева арестовали, но он убежал и на этот раз добрался до Терека. Своим умом и жизненным опытом он приобрел популярность среди терских казаков. Казаки хотели выбрать его атаманом и послали ходатаем в станицу с прошением, но по дороге он был схвачен, посажен на гауптвахту и прикован цепью к стулу. Через 3 дня он бежал вместе с караульным солдатом. Пугачев пришел тайком в родную станицу, но здесь его снова поймали, заковали в колодки и повезли в Черкасск, а по дороге он снова убежал.

Выдавая себя за раскольника, с чужим паспортом добрался он до Стародубья—раскольниковьего центра у Польской границы и оттуда пробрался через границу в слободу Ветку. В это время правительство Екатерины II, чтобы привлечь в Россию беглецов из-за польского рубежа, приглашало их возвращаться на родину, обещая всяческие льготы и разрешение селиться там, где они хотят.

Пугачев прожил в Ветке 7 дней, снова перешел границу, объявил, что он родился в Польше, но хочет вернуться на родину и поселиться на Иргизе в дворцовой Малыковской волости. Ему выдали паспорт и он отправился в Малыковку. Проходя донскими станицами, Пугачев слышал рассказы о беглом крестьянине графа Воронцова Богомолове, который под именем Казина записался в Волжское казачье войско, а потом объявил

* Семилетняя война между Россией, Австрией и Францией, с одной стороны, и Пруссией и Англией, с другой, начавшаяся в 1756 году.

** Ветка—раскольниковий посад в Польше на берегу р. Сонец, построенный еще в XVII веке беглецами из России.

Емельян Пугачев.

себя императором Петром III. Казаки его приняли, хотели взять в Дубовку и объявить народу, но Богомолова арестовали и говорили к наказанию кнутом...

Приехав в Малыковку, Пугачев явился к управителю и предъявил паспорт. Управитель послал его записываться в Симбирск, но разрешил остаться на несколько дней, дать отдохнуть лошадям. Пугачев, воспользовавшись этим, отправился в Мечетную слободу к раскольничьему старцу Филарету, которому привез поклон от раскольников с Ветки, и себя выдал за раскольника. Из разговора с Филаретом Пугачев узнал о событиях на Яике, о том, что яицкие казаки подняли восстание, убили присланного генерала и что их ловят и сажают по тюрьмам. Пугачев сообщил Филарету, что хочет уговорить казаков уйти на Кубань. Филарет одобрил его план. Пугачев поехал на Яик. По дороге он рассказал о своем намерении повести казаков на Кубань везшему его крестьянину Семену Филиппову, последний подтвердил, что казаки с радостью за ним пойдут¹³⁸.

Обстановка на Яике была чрезвычайно напряженной. Среди казачества шла длительная классовая борьба между „войсковой стороной“ (рядовыми казаками) и „старшинской“. Последних поддерживало правительство и постепенно сводило на-нет все старые казачьи вольности. Борьба эта в 70-х годах XVIII века перешла в борьбу кровопролитную.

В 1772 году для расследования дела об отказе казаков выполнить царское повеление о посылке 500 яицких казаков из Кизляр и указа военной коллегии о наряде всего яицкого войска в погоню за бежавшими калмыками была назначена комиссия под начальством генерала Траубенберга. Видя неподчинение казаков, генерал пустил в ход пушки. Началось восстание казаков. Траубенберг был изрублен шашками. Жестокая кара ждала участников восстания. Был послан карательный отряд во главе с генералом Фрейманом. Казаки вышли ему навстречу в полном вооружении, с пушками, дали вооруженный отпор, но были оттеснены к Яицкому городку. Казачий круг был уничтожен. В тюрьмах Оренбурга не хватало мест, но волнение не улеглось. По затерянным в яицкой степи уметам*, и хуторам собирались казаки. Вот в такой обстановке появился Пугачев. Среди яицких казаков тоже ходили слухи о Петре III. Здесь в разговоре с казаком Пьяновым, у которого он остановился, Пугачев, обещая повести казаков в Турецкую область и снабдить их деньгами, назвал себя Петром III, рассказав фантастическую историю о своем чудесном спасении. Пьянов сообщил об этом еще 3 казакам, но решено было оповестить об этом казаков, когда все соберутся на багренье**. Пробыв на Яике неделю, Пугачев уехал в Малыковку. Но возчик его — Семен Филиппов, опасаясь оказаться соучастником в подговорах казаков к бегству, донес на него малыковскому управителю. Тогда-то Пугачев был арестован и попал в Казанскую тюрьму.

* Умет — постоянный двор.

** Багренье — один из способов зимней ловли на Урале длинными баграми.

В июне 1773 года малыковский управитель получил от казанского губернатора фон Брандта сообщение, что казак Емельян Пугачев бежал из Казанской тюрьмы вместе с караульным солдатом и другими заключенными. Было подозрение, что бежал он в пустынные места за Волгой, туда, где протекают реки Б. и М. Иргизы, а потому и поручалось малыковскому управителю искать там Пугачева.

„Как живущие на Иргизах раскольники всяких бродяг к себе приемлют, каковых посланными командами уже много переловлено, то и есть причина думать, что показанный Пугачев с его товарищами первое прибежище будут иметь в тех раскольничьих селениях. И сего ради вам управителю, секретным образом самому тотчас следовать на Иргизские селения всеми образы стараться разведывать, не укрываются ли там выше показанные беглые колодники и солдат и ежели сыщутся, то поймав, под крепким караулом пришлите ко мне“...

На Иргизах Пугачева не нашли, не нашли его ни на Донских дуторах, ни в Яицкого войска жилищах, где приказано было его искать Донской Воеводской канцелярии и Оренбургскому Губернатору Рейнсдорну. 18 сентября 1773 года в тот самый день, когда оренбургский губернатор подписывал рапорт о неотыскании беглого колодника, Пугачев во главе отряда Яицких казаков овладел Бударинским форпостом и подходил к Яицкому городку¹³⁹.

* * *

Ужасы крепостного права: шестидневная барщина, разорительные оброки, жестокие истязания крестьян помещиками, нередко кончавшиеся смертью, торговля крепостными оптом и в розницу, отдача в рекруты за малейшую провинность, право помещиков ссылать крестьян в Сибирь на каторгу (согласно указу 1765 г.), вечная каторга за всякую жалобу на помещика (указ 1767 года) — подняли в 1773 году на восстание десятки тысяч крепостных.

Восстание под руководством Пугачева было, как всякое крестьянское восстание феодально-крепостнической эпохи „...отражением стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета“.

„...говоря о Разине и Пугачеве, — указывает товарищ Сталин, — никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за „хорошего царя“. Ведь лозунг был их лозунг“. (И. Сталин. Беседа с немецким писателем Гиллем Людвигом. Изд. 1933 г., стр. 8—9). У Пугачева, выступившего под именем Петра III, не было ясной и продуманной программы. В своих манифестах Пугачев обещал крестьянам жалованья, вольность и свободой и вечно казаками, не требуя уплаты налогов, подушных и прочих денежных податей, отдачи земель, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями и соляными озерами без покупки и без обро-

... Пугачев призывал „ловить, казнить и вешать!“ дворян¹⁴⁰.

Его манифесты вселяли в сердца крестьян надежду на освобождение от ненавистного помещичьего гнета, вот почему их везде встречали с таким энтузиазмом. Все Приуралье и все Поволжье были охвачены огнем восстания. От Донских притоков до Тобола сотрясены были основы крепостнического государства.

„Зло велико, преужасно“, — писал из района восстания генерал Бибииков: „Не Пугачев важен, важно общее негодование“. И это общее негодование сплотило вокруг Пугачева и помещичьих крестьян и работавших в каторжных условиях крепостных, приписанных к заводам Урала, и жестоко угнетаемые царизмом народы Приуралья и Поволжья: калмыков, башкир, татар, удмуртов, мордву, чувашей.

Правительство, занятое

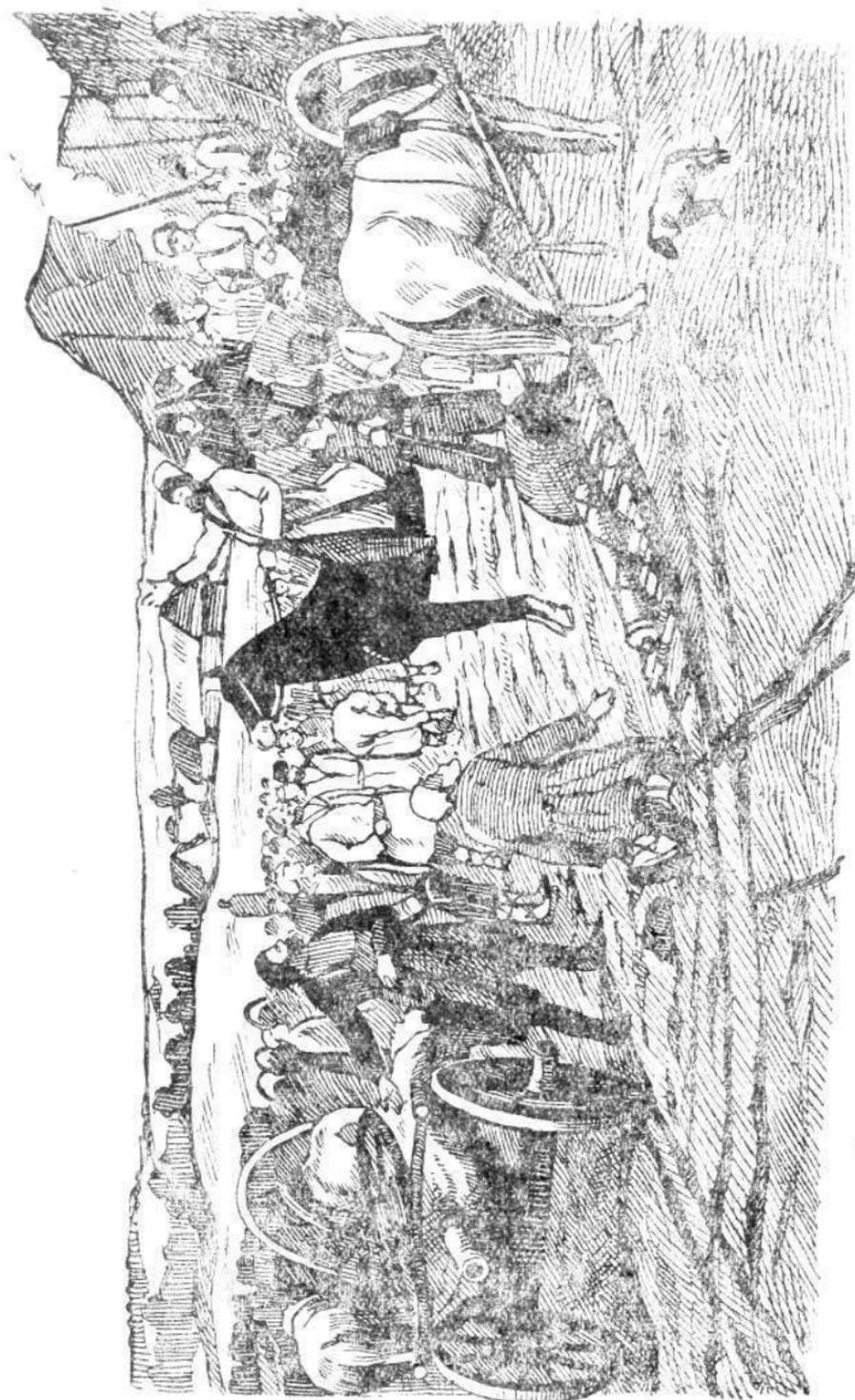

Печать Пугачева. Буквы на печати означают: „Большая государственная печать Петра III императора и самодержца всероссийского 1774 год.“

с 1768 года войной с Турцией, не смогло сразу мобилизовать большого количества войск для расправы с восстанием, начавшимся в сентябре 1773 года среди яицких казаков.

Поражение первых правительственных отрядов Кара и Чернышева дало возможность Пугачеву захватить всю Оренбургскую линию крепостей и начать правильную осаду Оренбурга, между тем, как его помощник яицкий казак Чика Зарубин и крепостной рабочий Белобородов осаждали Уфу и Екатеринбург. Самый деятельный сподвижник Пугачева Хлопуша, крепостной рабочий, побывавший на каторге, подосланный к Пугачеву из Оренбурга в целях разведки, но немедленно к нему перешедший, действовал в районе уральских заводов. Он поднимал на восстание крепостных, работавших на заводах, которые лили Пугачеву ружья и пушки.)

Крестьяне Оренбургской губернии отказывались поставлять рекрут и платить подати, жгли усадьбы. Помещики бежали в более безопасные места. Восстание перекинулось на Волгу: Бузулук и вся Самарская линия крепостей были в руках восставших. Дворяне Симбирского и Казанского уездов бежали из имений. Началось бегство из Казани. В самой Москве дворяне и фабричные выражали явное сочувствие Пугачеву. Угрожающий характер восстания заставил правительство принять решительные меры. Усмирять Пугачева посылают генерал-

Рабочие везут пушки Пугачёву. С картины художника Авидова XX века.

аншефа Бибикова, которого наделяют диктаторскими полномочиями над восставшим краем. Ему было поручено организовать для борьбы с восстанием казанское и симбирское дворянство, приведенное в состояние полной паники. В распоряжение Бибикова были даны регулярные войска, правда, в небольшом количестве, так как большая часть армии все еще была занята войной с Турцией.

У 22 марта 1774 г. Пугачев был разбит под крепостью Татищевой, а 24 марта Чика-Зарубин был разбит под Уфой. Это заставило Пугачева снять осаду Оренбурга и отступить в горную Башкирию. Но 9 апреля умирает Бибиков, правительственная армия бездействует, и воспользовавшись передышкой, Пугачев соединяется с башкирами, боровшимися под руководством вождя и певца башкирского народа Салавата Юлаева и в июне они выходят около г. Осы на Каму. По мере удаления от Яика яицкие казаки отстают от движения, зато башкиры, крепостные с уральских заводов составляют главные его силы. На Каме к нему примыкают удмурды, татары. Идя вдоль правого берега Камы, он берет Воткинский и Ижевский заводы, а 12 июля берет Казань. Правда, Казанскую крепость Пугачеву так и не удалось захватить, уже через сутки подошедший отряд Михельсона разбивает Пугачева и Пугачев вынужден оставить Казань, потеряв здесь всю артиллерию и большую часть войска. Но едва переходит он на правый берег Волги, как армия его вырастает со сказочной быстротой. Народы Поволжья, поволжские помещицы крестьяне пополняют ее ряды. Но нет времени их обучить, нечем вооружить, а из прежних его сподвижников искусных стрелков башкир, казаков, уральских рабочих, обученных и вооруженных, остались лишь основные кадры, да командный состав. Пугачев идет на Курмыш, дорога на Москву ему открыта. Это вызывает панику в правительственных и дворянских кругах, но Пугачев круто поворачивает на Алатырь, Саранск, Пензу, а затем на юг, на Саратов, Царицын и идет по району, охваченному массовым крестьянским движением. Возможность продолжения борьбы Пугачев видел в привлечении новых опытных сил донских, яицких казаков, он и шел к ним.

* * *

Еще в начале восстания, осенью 1773 года в Саратове и других понизовых городах получены были секретные известия о том, что беглый донской казак Емельян Пугачев, ложно назвавший себя императором Петром III, стал во главе злодейской возмутительной толпы яицких казаков. Им захвачено семь крепостей и он с артиллерией идет на Оренбург. Посланные ему навстречу войска частью перебиты, частью передались ему. Он намеревается идти по помещичьим жителям „преклоняя крестьян обнадеживанием дать им „волю“. Так как предполагалось, что восставшие будут пытаться соединиться с донскими казаками, то властям поволжских городов и поручалась охрана Поволжья. Чтобы пресечь восставшим сообщение с правой стороной Поволжья и перерезать воз-

возможность отступления на Дон, казанский губернатор фон Брандт приказал собрать до 500 человек нижних чинов, поселенных в Казанской губернии, и вооружить их чем только можно для охраны границ Оренбургской губернии по направлению к Волге. Во всех селениях, лежащих на границе Оренбургской губернии, велено было публиковать жителям, как им действовать в случае появления восставших.

„Обывателям в каждом жительство накрепко смотреть и недреманным оком наблюдать, чтобы оные злодеи ни под каким видом и нигде ни малейшего пристанища и места не имели, в рассуждении чего никого, а особливо казаков кроме проходных и приезжих из жительство в жительство обывателей так же и с указанными от присутственных мест и воинских команд письменными пропусками не пропускали бы, а всех таковых неизвестных людей и без письменных указных видов брать, а под караулом представлять в вышеписанные команды“¹⁴¹. Но те, кому поручалось „недреманным оком“ наблюдать за появлением восставших, с нетерпением ждали их прихода, чтобы соединиться с ними для борьбы против угнетателей.

По мере дальнейших успехов Пугачева, указы с театра военных действий поручали властям поволжских городов с часу на час ждать появления восставших. Правый и левый берега Волги, все почтовые и проселочные дороги в разных местах обставлены были наблюдательными „маяками“ с наверхенной на верхушках соломой, которую следовало зажигать для подачи сигналов. Казенные деньги из казначейств велено было отчас же вывезти в безопасные места. В помещичьих имениях велено было собрать помещиков и управляющих, а в государственных селениях сотников, старост и „лучших“ обывателей, которых и оповестить, чтобы они учредили дневные и ночные караулы при въездах в села и выездах, останавливали всякого приезжающего, особенно в казацком платье, а где появятся толпы бить их и представлять к подлежащим властям. Но караулить было некому, народ собирали силой¹⁴². Сенатский курьер Полубояринов, будучи послан в январе 1774 года в Саратов с депешами, пробыв там одни сутки с половиною, показывал, что „чернь“ говорит о находящемся под Оренбургом злодее, яко о настоящем Петре III“, который де не умер, но был 4 года в Петербурге, а после содержался в Казани и оттуда из-под караула ушел. Такие слухи, говорил он, простираются по дороге до Пензы, так что „крестьяне, как государевы, так и помещичьи отзываются что Петр III не умер и что имея его государем, освобождены от податей, почему и ныне если де не захотят, то ничего не дадут; а от него имеют уверения, что будут вольны и независимы ни от кого... Тепершнее же правление им несносно, ибо де большие бояре награждаются деревнями и деньгами, а им никакой нет льготы, а только большие тягости по причине войны, как то рекрутские поборы и разные подати, кои должны платить и государю и помещикам и что для перемены своего состояния пришло им мучиться в вод“. О воинских же командах, следующих для истреб-

ления Пугачева, говорят, что все это по-напрасну; все те солдаты лишь только придут, то будут ему служить, ведь и им житье не лучше крестьянского¹⁴³.

По всему Поволжью Бибиковым разсланы были распоряжения о том, чтобы распространяемые Пугачевым „подметные письма“ задерживались и публично сжигались палачами. По всей России разсланы были печатные объявления, которыми народ призывался к истреблению и сожжению „сих изменническим ядом наполненных писем“. Но это только еще больше привлекало к манифестам Пугачева внимание крестьян и без того ловивших всякие слухи о царе Петре III¹⁴⁴.

В марте 1774 года приехал в Малыковку подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка Г. Р. Державин, якобы для встречи идущих из Астрахани гусарских полков и закупки для них провианта. В действительности он имел секретное поручение от Бибикова—главнокомандующего по борьбе с восстанием (который был и председателем Секретной Комиссии)—вести наблюдение в Заволжье особенно по рекам Иргизу и Узеням, куда предполагали побежит Пугачев в случае поражения его под Оренбургом. Державину поручено было принимать меры к поимке Пугачева, обещая награды, разведывать о его действиях и намерениях и о состоянии его армии, для чего подсылать к нему надежных людей. Державину поручалось также убеждать колеблющихся в том, что Пугачев—самозванец. Державин послал на Яик 2-х лазутчиков, которые должны были оставаться в армии Пугачева, и обо всем ему доносить и двух других из малыковских крестьян для наблюдения на Иргизе и Узенях¹⁴⁵.

В начале апреля получено было известие о поражении Пугачева под крепостью Татищевой о том, что он снял осаду Оренбурга, ушел в Башкирию и намерен снова устремиться на Яик. Державин, имевший в своем распоряжении воинский отряд в 200 человек с 2 офицерами, 3 пушками * и 150 человек вооруженных им малыковских крестьян, намеревался идти на выручку Яика, но получил известие об освобождении Яика генералом Мансуровым. В то же время получено было им распоряжение от нового главнокомандующего князя Щербатова (назначенного после смерти Бибикова) расположить воинские части цепью от Малыковки до Иргиза и от Иргиза до Яика, чтобы закрыть течение Волги¹⁴⁶.

Команда Державина** производила поиски на Иргизе, а по Волге и Волошке учреждены были пикеты на лодках.

В начале мая появились в верховьях Иргиза отряды ставропольских калмыков, которые пытались пробраться в Башкирию для соединения с Пугачевым, но преследуемые посланным против них отрядом Муффеля бежали, чтобы укрыться в верховьях Иргиза. Державину было поручено оказать содействие Муффелю, но отряд его действовал так медленно и неискусно, что калмы-

* Отряд этот был прислан по его требованию из Саратова конторой Опекунства Иностранцев.

** В это время Державин получил в свое распоряжение из отряда, шедшего с Дона, полковника Денисова 200 донских казаков.

были разбиты без его помощи¹⁴⁷. Так как большинство ко-
ндования считало, что восстание ликвидировано, то Державин
оставалось только прикрывать колонии от отдельных
больших отрядов из армии Пугачева, которые по временам
являлись около Волги. 4 июня Державин писал казанскому
губернатору: „К восстановлению спокойствия в здешнем краю
теперь ничего не нужно. Слава богу, здесь, сколько я могу
метить, все тихо“¹⁴⁸. Однако, уже в середине июня он полу-
чил от Щербатова поручение восстановить все распоряжения,
принятые им около Малыковки. А в начале июля Щербатов и
Грандт сообщали, что Пугачев овладел Осой, стремится
как бы собирается пробраться к Иргизам. Державин поставил
по обоим берегам Волги пикеты по 35 человек, которые дол-
жны были день и ночь делать разъезды вверх по Волге дол-
жать „передовщиков“, которые посылались Пугачевым. По
сведениям было подтверждено приказание иметь крепкие караулы.
На Волге были приготовлены суда (дощаники), а для воору-
жения их взяты у малыковских жителей несколько фальконе-
тов*.

Однако 13 июля большой пожар, истребивший Малыковку,
исстроил все распоряжения Державина. В это же время кр-
посильнейший Попов донес ему, что украинцы Покровской слободы
мышлят пробраться на Узени, а оттуда в Башкирию для
соединения с Пугачевым. Из конторы Опекунства Иностранных
дел Державину „о некоторых беспокоящих мыслях коло-
дников“. Державин выехал в Саратов для расследования этих
слухов. Уезжая он распорядился в случае надобности воору-
жить народ против Пугачева, если же средства для обороны
покажутся недостаточными, то командам отступить к Саратову,
туда на приготовленных заранее лодках отвезти колодников,
дела¹⁴⁹. Из распоряжений Державина видно, как мало
он надеялся на то, что малыковские крестьяне будут сопротив-
ляться Пугачеву. Он рекомендовал жен и детей „первостатейных“
крестьян увезти в Саратов, чтобы будучи „сами верными“,
лучше старались уговаривать народ¹⁵⁰. Державин оставил в
Малыковке публикацию, которую приказал опубликовать только
в случае крайней нужды. В ней обещалась десяти тысячная на-
града тому, кто поймает Пугачева живым и 5000—кто привезет
его мертвым. 16 июля, уже в Саратове, Державин получил из-
вестие о разорении Пугачевым Казани и переправе его на
южную сторону Волги с целью пробраться на Дон и сооб-
щил об этом саратовскому коменданту Бошняку и управляю-
щему конторой Опекунства Иностранных Ладыженскому.
По вопросу об обороне Саратова 24 июля собрано было в
Опекунской конторе совещание со многими офицерами, куда
был приглашен и Державин.

На совещании этом было решено, ввиду того, что Саратов
не мог быть вполне укреплен за недостатком времени, команды
артиллерии, необходимо собрать в город все свободные

* Фальконет—малокалиберная пушка, стрелявшая свинцовыми ядрами.

воинские команды из колоний, раздав им патроны и пули и привести в исправное состояние пушки, снабдив их двойным комплектом зарядов. Для разведывания о войсках Пугачева учредить в разных местах разъезды из казаков; в случае приближения Пугачева встретить его в поле, не допуская до города. Для безопасного же отступления в случае неудачи и для предоставления жителям возможности укрыться решено было устроить земляное укрепление на самом берегу Волги за валом. Там же находились провиантские магазины, в которых хранилось до 20.000 четвертей муки. В этом укреплении решено было собрать семьи защитников и содержать колодников под охраной небольшого караула. Суда на Волге решено было затопить, чтобы не дать ими воспользоваться.

Для постройки укрепления комендант обещал в ближайшие дни прислать работников с инструментами. Державин вызвался отрядить из бывших в его распоряжении казаков 50 человек, а в случае приближения Пугачева отдать всю свою двухсотенную команду и вооружить до 1500 крестьян. После совещания Державин уехал в Малыковку¹⁵¹.

В Саратове было в это время около 400 артиллеристов, 270 казаков (волжских и саратовских) да человек 720 гарнизонных солдат. Пушек всего было 12, но вполне исправных только 4 (в том числе одна мортира*)¹⁵².

В рапорте Щербатову Державин, сообщая о количестве имеющихся в Саратове войск, писал: „Сим количеством людей можно было кажется в случае хорошее дело сделать. Впрочем, добавлял Державин, народ здесь от казанского несчастья в страшном колебании. Должно сказать, что если в страну сию пойдет злодей, то нет надежды никак за верность жителей поручиться. По народным слухам вижу, что всякий ждет ожидаемого им Петра Федоровича. Милосердие всемилостивейшей нашей государыни в грубых сих сердцах никак не действует. Я наистрожайше беру меры, но вряд ли что успеть можно будет. Нужно чтобы присланы были немедленно сюда те из винных, над которыми была бы совершена здесь смертная казнь. Авось либо ужаснутся нечаянного им страшного позорища“¹⁵³.

Между тем, на другой день после совещания комендант Бошняк получил от Щербатова известие о том, что Пугачев идет на Курмыш и что Саратову опасность не угрожает. Правда, в этот же день пришло известие из Пензы о том, что Пугачев в 50 верстах от Алатыря, но все же Бошняк, впредь до новых сообщений, решил укрепления не делать. Однако, когда получена была весть о том, что Пугачев взял Алатырь и идет на Саранск, он выслал для работы по стройке укрепления 40 человек. Работа подвигалась медленно (рабочие были большею частью женщины, с деревянными лопатами), 27 июля Ладыженский снова собрал в Опекунской конторе совещание с комендантом при участии местного купечества и членов низовой Со-

* Мортира—особый вид пушки с длинным дулом.

янной конторы, на котором купцы обещали вооружить 500 человек и дать рабочих для стройки укрепления.

Бошняк отказался строить укрепление около провиантских магазинов, как бесполезное, по его мнению, так как оно находится за городом в яме. Он предлагал возобновить прежний городской вал, обнести его снаружи рвом и палисадом, построить на нем батареи, а впереди рва накидать рогатки. Он утверждал, что как комендант не может оставить городские церкви и склады без охраны и предлагал перевезти провиант в город к задуманному им валу и лагерь также перевести на большую дорогу перед городом. Он требовал, чтобы, согласно приказу Астраханского губернатора Кречетникова, вверявшего ему все управление воинских дел, все воинские чины были отданы в его распоряжение. Ладыженский отказывался исполнять это требование, считая, что Опекунская контора у губернатора не под властью. Вернувшийся 30 июня в Саратов Державин, узнав, что укрепление не построено, явился 1 августа в магистрат, предлагал требовать, чтобы укрепление было безотлагательно построено, а с жителей взята подписка, что, кто обнаружит недостаточное усердие, будет немедленно скован и отправлен в Секретную Комиссию ¹⁵⁴.

Начались нескончаемые пререкания между начальниками: Бошняком, с одной стороны, Державиным и Ладыженским, с другой. Они писали друг другу язвительные письма, жаловались друг на друга высшему начальству. Державин заявлял, что полномочия, данные ему Бибиковым, обязывают всех беспрекословно подчиняться его приказаниям и грозил Бошняку арестом. Никто не хотел уступить первенства власти. Ладыженский продолжал строить укрепление на берегу. Бошняк отговаривал людей на возведение вала. К приезду Пугачева укрепление на берегу не было доведено до конца и успели возобновить только небольшую часть городского вала. Но не в этом была причина успехов Пугачева в Саратове, сочувствие саратовских низов решило судьбу города.

После того, как было получено известие о том, что Пугачев захватил Пензу и идет на Петровск, Державин писал в Петровскую воеводскую канцелярию, что в случае, если средств для обороны против Пугачева недостаточно, то вывезти в Саратов пушки, порох, ядра, денежную казну, канцелярские дела и воинскую команду. Но воевода Петровска Зимнинский при слухах приближении Пугачева бежал в Астрахань, а его секретарь Ковлев—в Саратов.

Воеводский товарищ Буткевич приказал вывезти из города артиллерию, а канцелярские дела сложить на подводы. Но городской сотник с „мирскими людьми“, а потом и воинская команда с офицерами остановили воза и сбросили с них клажу ¹⁵⁵. Из Петровской воеводской канцелярии писали Державину, чтобы немедленно командировано было из Саратова до 100 человек для вывоза денег и бумаг ¹⁵⁶. В Петровске началось бегство. Буткевич был арестован.

С вечера 3 августа Державин послал в Петровск отряд из 60 человек донских казаков под начальством есаула Фомина приказав им по станциям приготовить лошадей и утром выехал сам вместе с майором Гогелем. Верстах в 15 от Петровска встретившийся им курьер Бошняк сказал, что Пугачев верста за 30 от города. Державин хотел поспеть заклепать пушки и затопить порох, но, проехав еще верст 5, они узнали у встречного крестьянина, что Пугачев уже только в 5 верстах от Петровска. Гогель поехал догонять казаков и, догнав, послал 4 человек в Петровск узнать о Пугачеве. Из 4-х вернулись только двое, сказали, что были у Пугачева, что он уже занял город. Казаки заявили, что они все пойдут к императору Петру III. Казаки намеревались схватить офицера. Гогель с есаулом поскакали назад. „Спасайтесь“, — кричали они ожидавшему их Державину. Державину с офицерами едва удалось уйти от организованной за ними погони. Сам Пугачев, взяв у одного из казаков дротик, скакал за ним верст 10, рядом с другими всадниками. Слуга Державина (из польских конфедератов*), оставшийся в кибитке с его ружьями и пистолетами, был захвачен пугачевцами¹⁵⁷.

5 августа в 4 часа утра прискакал Державин из Петровска и сообщил об измене казаков и занятии Пугачевым Петровска.

Началась паника среди начальствующих лиц и имущих слоев населения Саратова. Дворяне и крупное купечество прятали сокровища и деньги, за домами рыли ямы, зарывали вещи в землю, прятали в земляные погреба¹⁵⁸. Другие искали спасения в бегстве, грузили имущество на суда, намереваясь спуститься вниз по Волге. Начальники присутственных мест торопились грузить на суда деньги и дела, но каждый больше думал о собственном имуществе. На одно из судов было погружено имущество Ладыженского—15.000 руб. и часть дел конторы Опекунства Иностранных, на другое—вещи главного судьи нязовой Соляной конторы Жукова, а потом уже дела и деньги. Погрузка продолжалась до следующего дня, когда Пугачев уже подступил к Саратову. В этот день на одном из судов убежал в Царицын и сам Ладыженский, а еще раньше в ночь с 5 на 6-е августа ускакал из Саратова и Державин, воспользовавшись полученным известием, что собранные им на помощь Саратову 500 человек** крестьян начали волноваться.

Ладыженский перед отъездом оставил распоряжение майору артиллерии Семанжу присоединить к себе волжских и оставшихся донских казаков и выступить против Пугачева, стараясь разбить его, не допуская до Саратова. В случае же неудачи, соединиться с отрядом полковника Бошняка и действовать по его указаниям.

* Конфедерат—участник вооруженного союза польской шляхты „конфедерации“.

** По другим сведениям 1500.

С вечера 5 августа Бошняк собрал солдат и казаков, вывел к валу и вывез 10 пушек. Он построил в боевом порядке трех воинских чинов по валу, по обеим сторонам Московских ворот. Казаков и саратовских жителей, кое-как вооруженных, протянул от правого фланга до буерака⁴.

Между тем, Семанж с отрядом в 300 рядовых и 27 офицеров, пройдя от города версты 2 в направлении к Петровску, оставился на ночевку. Вперед был выслан разъезд в 2 человека полжских казаков под начальством есаула Тарарина. Утром 6 августа Тарарин вернулся один к отряду Семанжа и объявил, что казаки передались Пугачеву. Тарарин едва ушел от погони, убитых 2-х человек. Семанж отступил к городу, объявил об измене казаков и встал вместе с Бошняком за валом. Они обложились рогатками и где удобно поставили пушки. Жители стали вдоль вала группами, в небольшом расстоянии одна от другой¹⁵⁹. В это время отряды Пугачева уже подходили к Саратову. Часть шла по Московской дороге, а другая направилась левее этой дороги на Соколовую гору. Казаки из отряда Семанжа, перешедшие к Пугачеву, сказали ему, что в Саратове команды артиллерийская и армейская небольшие, а казаки с ним драться не будут. Действительно казаки, посланные Бошняком для перехвата „передовиков“ Пугачева, вели разговоры с пугачевцами. Пугачевцы подъезжали к самому валу и разговаривали с казаками. Уже в это время из городского войска стали перебегать к Пугачеву. По совету бургомистра Протопопова был послан Пугачеву представителем купец Федор Кобяков, но едва Кобяков отъехал, как комендант приказал выстрелить из пушки. Обкружавшие коменданта выражали негодование. Особенно негодовали казаки. Ставив с лошади есаула Винокурова так, что он упал замертво, они все ушли к Пугачеву. Между тем, Кобяков вернулся с манифестом, в котором Пугачев обещал, что все купечество, бобыли и пахотные солдаты будут пожалованы, податей избавлены, а офицеры и дворяне все будут переведены. Кобяков передал манифест коменданту, но тот, разорвав топчя его ногами, приказал арестовать Кобякова.

Однако никто уже не слушал распоряжений коменданта. Пугачев установил на Соколовой горе 8 пушек и начал обстрел Саратова. При первых же выстрелах часть жителей с оружием бежала к Пугачеву. Купцы же бросились в город. Оборону продолжали только 300 человек артиллеристов да 170 батальонных солдат. Войска Пугачева окружали город. С криком бросились они с Соколовой горы и к Царицынским воротам. Находящийся на крайней батарее прапорщик Соснин с 12 канонирами* оставил батарею и кричал, чтобы открыли Царицынские ворота. Ворота отворили и пугачевцы хлынули в город, привезли пушки и стали обстреливать укрепление. Соснин с командой перебежал к Пугачеву. Артиллеристы под предлогом вылазки выдти из укрепления и вместе с офицерами побежали через ров с ружьями, унося с собой фитили и клинья из-под пушек. Бошняк при-

* Канонир — звание нижнего чина в артиллерии.

казал батальонному командиру майору Салманову отступить, но Салманов скомандовал „по рядам, налево“ и пошел со своим отрядом на Соколовую гору¹⁶⁰.

Бошняк, оставшись с 26 офицерами и 40 солдатами, отступил, отстреливаясь, по дороге к Царицыну и у деревни Несветаевки сел в лодку и уплыл в Царицын.

„Мы ретировались верст шест по реке Волге в займища, где прошли до реки Волги и, сев на суда, доехали до Царицына. Забранные же в ретираде две пушки и ящики за много бывшими в переходе буераками, лесом и кочкарниками остались в завладении у злодея“,—так рапортовал об отступлении майор Семанж¹⁶¹.

Пугачевцы овладели городом. Дома дворян, крупных купцов были разгромлены. 89 дворян были убиты. У помещиц Шахматовых взято имущества: у одной на 13.000, у другой—на 10.000 руб. Из представителей крупного купечества был побит до смерти ратман Казанцев. Ларион Прянишников был заколот, двор его разбит и имение без остатка разграблено. Убит купец Иван Квасников, „пажить* его разграблена, а с конского завода его, что в 20 верстах от Саратова, уведено 6 лошадей. Убиты купцы Волков, Поляков“¹⁶². Все это представители первостатейного купечества, те, чьи цепкие руки долгие годы держали в кабале саратовскую бедноту. Добровольный отказ купцов от сопротивления Пугачеву, отказ, внушенный им страхом, не спас их от расправы народа.

Из тюрем выпущены колодники. Открыты двери хлебных амбаров: 19.000 четвертей муки и овса было роздано жителям бесплатно.

В тот же вечер 6 августа Пугачев принимал присягу у жителей Саратова на площади у старого собора. На другой день приехал Пугачев снова к собору. Здесь под колокольной были спрятаны медные деньги, принадлежавшие Опекунской конторе. Пугачев приказал сложить их на воза. На площади Пугачев увидел отставного казака купца Уфимцева, у которого он еще будучи в Яике под Илецким городком в начале восстания купил 300 голов лошадей, которых Уфимцев гнал на продажу. Не имея денег для расплаты, Пугачев пообещал ему расплатиться с ним в Саратове. Теперь Пугачев благодарил купца и щедро с ним расплатился. Из денег, найденных под колокольной собора, Уфимцеву было выдано 3500 рублей**. В доме Уфимцева Пугачев обедал. На другой день Пугачев пожаловал Уфимцева полковником и назначил саратовским комендантом, сыновей же его пожаловал одного полковником, а другого есаулом. Уфимцевы оставались в армии Пугачева до последнего его погашения.

Купец Степан Грачев также назван был полковником, а Иван Фирсову, как бывшему в магистрате по письменным делам, приказано было составить список купцов от 15 до 40

* Пажи — имущество.

** По другим сведениям 2700 руб.

... которые бы могли служить Пугачеву. Было написано более 10 человек. Им приказано было брать у Уфимцева жалованье, потом садиться на лодки, чтобы пополнить армию Пугачева. Однако, из посаженных на лодки оказалось только 6 купцов, остальные были цеховые, украинцы и выпущенные из острога подники.

Пугачев жаловался, что у него много пеших казаков, а лошадей нет. Казаки пригнали ему 2 табуна лошадей.

В Саратове присоединились к Пугачеву 100 человек бурлаков, плывших по Волге и захвативших судно с деньгами и серебряной посудой. На судне было 6 девушек, дочерей дворян, убитых во время восстания. Пугачев деньги приказал брать, а девушек, не обижая, отправить в Царицын.

9 августа, захватив 5 пушек, Пугачев оставил Саратов и шел вниз по Волге ¹⁶³.

11 августа подошли к Саратову отряды Муффеля и Меллина, не решившись войти в город, остановились в 55 верстах и только, узнав, что Пугачев уже оставил Саратов, вошли в город. Началась жестокая расправа с участниками движения. И у Бора, и на Соколовой горе, и у кузниц стояли виселицы с висельниками. Горы неубранных трупов лежали на улицах и у Соколовой горы.

14 августа подошел к Саратову Михельсон, а за ним следом и Мансуров. Расправа продолжалась.

Было отдано распоряжение повешенных не трогать, а „оставить их на позор и наказание зараженным и колеблющимся разумом от рассеянных злохитрыми злодеями плевел, людям“. Тела убитых за участие в восстании привязывали к лошадиным станам, вытаскивали за город и бросали в буерак, прикрываясь ¹⁶⁴...

Пугачев, оставив Саратов, шел правой стороной Волги, вниз по реке, селениями немецких колонистов, многие из которых не только оказывали сопротивление, но добровольно присоединялись к нему. Другие отряды Пугачева действовали на луговой стороне, поддерживая восстания в колониях. Вербовка в армию Пугачева шла успешно. В Покровской слободе присоединились к его войскам до 700 украинцев. Из присоединившихся немцев-колонистов был организован целый полк, во главе которого встал бывший слуга Державина—гусар из польских конфедератов, перемещенный пугачевцами под Петровском. Пугачевцы распространяли в колониях объявления о вольности и о награждении колонистов, которые добровольно пойдут в армию Пугачева. Движение началось в Екатерининштадте, где захвачены были склады, разгромлены провиантские и соляные магазины, купеческие лавки. Движение распространялось из колонии в колонию, грабили дома комиссаров, расправлялись с ненавистными „агентами“.

В слотовской волости захвачено было до 20.000 рублей наличных денег и до 1000 кулей хлеба ¹⁶⁵.

Видя угрожающее положение в колониях генерал Мансуров опубликовал манифест, в котором призывал колонистов к

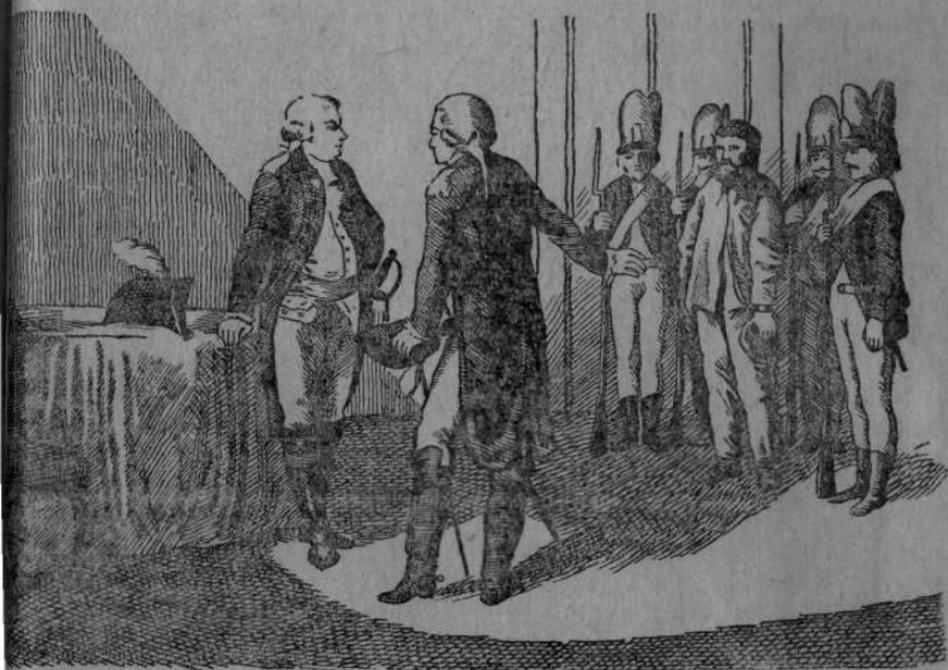
спокойствию, повиновению правительству и возвращению в свои жилища. „Те....которые окажутся еще покинувшими свою должность и свою присягу, яко изменники и преступники, наистрожайшей по законам казни ожидать должны,—говорилось в манифесте.—Вам, яко благоразумным европейцам уже известно, что именем покойного императора называемый, главный бунтовщик Емельян Пугачев ничто иное есть, как наисверпейший варвар, тиран и изверг человеческого рода, которого искоренения весь свет желать должен. Для того... обещаю я тому, который сего мятежника Пугачева доставит ко мне живьем в руки, дать 25 тысяч рублей, который искоренит его и представит ко мне мертвого, тот получит половину сей суммы“. Однако манифест не оказывал должного действия—колонисты не возвращались¹⁶⁶.

Державин по отъезде из Саратова, не имея возможности проехать охваченной восстанием нагорной стороной, переправился в Покровскую слободу, и за отсутствием лошадей, задержался 2 дня в колониях у комиссара колонии Шафгаузен Вильгельми. Здесь он едва не попал в руки пугачевцев, которыми были посланы нарочные с обещанием 10.000 рублей за его поимку. Державину, предупрежденному Вильгельми, едва удалось ускакать верхом в Сызрань¹⁶⁷.

Пугачев уже шел вниз по Волге, а отдельные отряды его продолжали действовать на правом берегу выше Саратова. 9 августа вспыхнуло восстание в Малыковке. Вместе с отрядом в 17 человек пугачевцев малыковские крестьяне расправились с казначеем Тишиным, захватили казну, выпустили колодников, открыли соляные амбары. Восстало с. Терса. Державину сообщали в Сызрань, что и в Рыбной Гродне, Воскресенском, Березняках, Усовке, Ольшанке, Чардыме и других селах ждут отрядов Пугачева. Державин, получив в свое распоряжение отряд гусар, учинил жестокую расправу в Малыковке. Главные руководители восстания были казнены, 200 человек пересечены плетью¹⁶⁸.

В это время Пугачев, стремительно спускаясь вниз по Волге, уходил от преследований отрядов Михельсона, Мишина, Муффеля, которые шли за ним по пятам. Армия Пугачева продолжала расти. Камышин без боя сдался Пугачеву.

По рекам Иловле, Медведице и Хопру отдельные отряды Пугачева проникали в землю донских казаков. Настроение по Дону было тревожное, но правительство вело деятельную агитацию. Выделен был особый отряд, чтобы не пропустить Пугачева на Дон. Обещана была 25-тысячная награда, золотая медаль и вечная память тому, кто поймает Пугачева. Донцы не поддержали Пугачева. Зато казаки всех станиц Волжского Казачьего войска к нему присоединялись. В станице Балыклейской, у реки Пролейки, Пугачев разбил сильный правительственный отряд и двинулся на Дубовку, где жители встретили его с хлебом, солью. По дороге из Дубовки 3000 калмыков пополнили ряды его армии. 19 августа Пугачев снова разбил правительственный отряд по реке Мечетной.

Поймка Пугачева в г. Уральске.
С гравюры Гейзера, сделанной с рисунка художника Шубе.

Однако попытка Пугачева 21 августа взять штурмом Царицын удалась. Правительство приняло экстренные меры. Защитникам Царицына было обещано полугодовое жалование, для обоения отпускали казенного вина сколько кто хочет. Царицынцы ждали второго штурма, но, получив сведения о приближении правительственных войск, Пугачев поспешил к Черному у. 24 августа Пугачев был разбит Михельсоном у Сальникова юда, он потерял 2000 убитыми, до 6000 было взято в плен. еследуемый Михельсоном с остатками армии, Пугачев на бачьих лодках и наскоро сооруженных плотах переправился луговую сторону. Здесь на реке Узене он был обезоружен и стован предавшими его казаками.¹⁶⁹ Неудачи, боязнь расавы, а главное выгоды, которые сулило предательство, собнили их. Манифестом графа П. И. Панина (нового главноандующего по борьбе с восстанием) было обещано 10.000 лей тому, кто доставит Пугачева живым и 5000 рублей за отвого, а кроме награды обещано было освобождение от ударственных податей, поборов и рекрутчины¹⁷⁰. Пугачев доставлен предателями на Яик, оттуда в Симбирск к Панипотом в Москву. Приговоренный „за все учиненные злония“ к смертной казни четвертованием, сложил Емельяннович голову на плахе в Москве на Болотной площади 10 яря 1775 года.

В местах восстания шла жестокая расправа. „При всех техениях, которые бунтовали, или хотя ослушными противу заного начальства оказывались, поставить и впредь не велеть

снимать по одной виселице, по одному колесу и по одному глаголю для вешания за ребро",—так говорилось в манифест Панина от 25 августа 1774 года¹⁷¹.

Отряды Мансурова, Меллина, Голицына расправлялись с безоружными, вешали участников движения, ловили беглых.

Царицын переполнился пленными из армии Пугачева. Каждый день здесь были казни, экзекуции, прогоняли сквозь строй.

Из Царицына пленных отправляли в места жительства, по 100—200 человек связывали канатами и гнали разными дорогами. Большая часть их пала в пути. Мертвых бросали по деревьям, по степям, по большим дорогам.

Из отправленных на таком канате из Царицына двух партий—одной в Петровск в 85 человек и другой в Саранск в 106 человек—в Петровск пришло только 3 живых человека, в Саранск—17 человек. Все остальные умерли в дороге. Сродственников умерших взыскивали путевые и прогонные издержки и не только кормовые, но и „канатные“ деньги.

Из 119 человек, отправленных из Царицына в Саратов, дорогой умерло 84 человека. Из отправленных затем до Саратова 311 человек—умерло в дороге 232. Вслед за этими гнались на канатах до Петровска 3 новых партии в 548 душ. Партия в 218 человек, отправленная из Саратова в Петровск на расстояние 80—90 верст пути, потеряла 58 человек¹⁷².

Зимовейская станция (родина Пугачева) была переведена на другое место. Яик „для забвения печального происшествия“ был по приказанию Екатерины переименован в Урал.

Волжские казаки были переселены на линию между Моздоком и Азовом.

Восстание Пугачева было разбито, ибо оно было таким же отражением стихийного возмущения угнетенных классов, как и предшествовавшие ему крестьянские восстания.

Попрежнему не было у крестьян классового руководителя, не было рабочего класса, который один может привести крестьян к победе.

„Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели“,—говорит товарищ Сталин. (И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Изд. 1933 г., стр. 9).

Но восстание Пугачева и другие крестьянские восстания не прошли бесплодно. Расшатывая основы крепостнического строя, они ускоряли его падение. Восстание Пугачева было одним из звеньев той цепи крестьянских восстаний, которые в конечном итоге привели к гибели крепостнический строй.

„Революция крепостных крестьян ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплуатации“. (И. Сталин. Речь на первом съезде колхозников-ударников. Вопросы ленинизма, 10-е изд., стр. 527).

* * *

Мероприятия правительства Екатерины II после разгрома Крестьянской войны 1773—1775 годов положили начало новому

впу в жизни Саратова. 7 ноября 1775 года было издано—„Учреждение для управления Губерний“, согласно которому территория Российской империи должна была быть разделена на 50 новых (взамен прежних 20) губерний, в основу которых была положена определенная численность населения: от 300 до 400 тысяч жителей.

Одной из вновь образованных губерний была Саратовская губерния, первоначально носившая название Саратовского наместничества. 11 января 1780 года последовал указ императрицы Екатерины II, гласивший: „Всемилоостивейше повелеваем нашему генерал-поручику Якоби, под руководством нашего генерала Саратовского, Астраханского, Азовского и Новороссийского генерала губернатора князя Потемкина в конце нынешнего или в начале будущего года по изданным от нас „Учреждениям для управления губерний“, равномерно и в Саратовском наместничестве, составя оное из девяти уездов, именно: Саратовского, Волынского, Вольского, Кузнецкого, Аткарского, Петровского, Сердобского, Балашовского и Камышинского. Вследствие чего порцовые села: Сосновый остров, Малыково, Нарышкино и Млашово, пахотных солдат селения: Еткару, Большую Сердобу строить городами под названием: Хвалынск, Вольск, Кузнецк, Млашов, Аткарск и Сердобск, город Дмитриевск именовать мышином...“¹⁷³.

Реформа 1775 года, отдав в руки дворян все губернские и административные органы управления, укрепила дворянскую диктатуру на местах. Новые административные учреждения во вновь открытой губернии и связанные с ними материальные возможности вызвали усиленный приток дворянства в Саратов. Современник пишет, что с образованием наместничества „Саратов из скромного города... переродился. Благородная публика в городе сделалась обильною, составившись из определенных чинов и дворянства и житейства оставшегося; семейства этих лиц ее умножали. Все это великолепно: торговля начала распространяться. Привоз товаров умножился. Цены на продукты повысились. Самое значительное возвышение цен было на экипажи: дешевле 500 рублей не было“¹⁷⁴.

Балы, банкеты, целым рядом которых ознаменовано было образование наместничества, стали обычным явлением в жизни саратовского дворянства. Но жизнь на широкую ногу требовала открытия новых источников дохода, между тем, как события — 1775 годов оставили след в хозяйстве многих дворян.

Обязности в новых учреждениях не только давали дворянам хорошее жалованье. Они давали в их руки распоряжение только значительными казенными средствами. И очень скоро они по рукам под заклад имений и были пущены в оборот только скромные капиталы Приказа Общественного призрения, прямо предназначавшиеся для банковских операций, но и большие суммы казенной палаты, отчисленные на „казенное строение и „квадратные сборы“, имевшие целью благоустройство города. Авторитетный пример показывали главные начальствующие лица. Генерал прокурор князь Вяземский (тогда саратовский

помещик) первый занял из строительной суммы 10.000 рублей. За ним губернский прокурор Чемесов, вице-губернатор Циплетев. Жена Циплетева на занятые деньги вела довольно широкие обороты живым товаром, покупая и продавая дворовых и крестьян. Губернатор Поливанов предпочитал действовать открыто и, получая большие суммы из строительного капитала (до 20.000 рублей), ссужал за „подходящие“ проценты более мелкими, но все же значительными (2—3—5 тыс. рублей) суммами других.

Комендант города Бошняк предпочитал пользоваться „квартальными“ суммами, находившимися в его непосредственном распоряжении¹⁷⁵.

Так в новых учреждениях дворяне поправляли свои денежные дела. С открытием губернии усилилась и тяга помещика на саратовский чернозем.

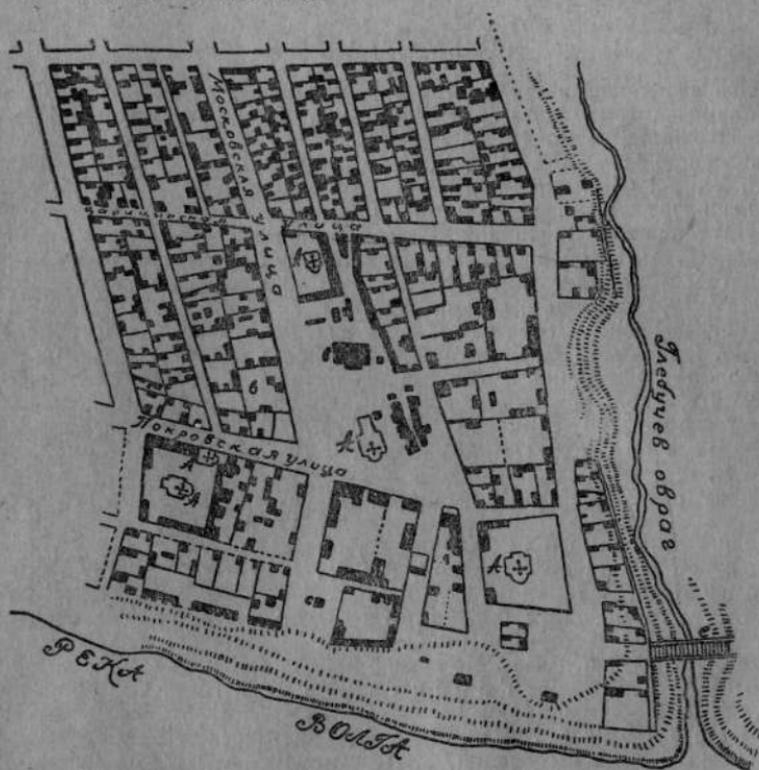
„В Саратовском наместничестве нынче мода земель просить. Прошу мне побольше и получше оной отвести“, — так пишет князь С. Ф. Голицын наместнику П. С. Потемкину. Еще более решительно пишет княгиня В. В. Голицына: „Если не останутся земли за нами, я с Вами более не знакома“.

Не всегда нужно было официальное ходатайство для получения земли. Достаточно было порой такого частного письма какой-либо знатной титулованной особы к наместнику, чтобы получить десятки и сотни тысяч десятин. Дворяне осаждали наместника письмами и ходатайствами об отводе земель. Правительство щедрою рукою „жалует“ десятки и сотни тысяч десятин плодородной саратовской степи. Наиболее крупные пожалования получили в этот период граф Зубов—89.802 десятины, граф Шереметев—38.185 десятин, генерал-поручик П. С. Потемкин—21.070 десятин. Жаловались не только пустующие земли, но и селения. В 1797 году уже при Павле I генерал Обольянинов получил в Камышинском уезде 2000 душ дворовых крестьян вместе с землей и угодьями. Селения, пожалованные ему, составляли целую волость; действительному тайному советнику Волкову тоже пожаловано 240 душ в том же уезде¹⁷⁶.

Дальнейшее развитие помещичьего хозяйства, рост числа крепостных приводят к развитию хлебной торговли Саратова. Еще в 1775 году Саратовский магистрат в ответе на вопрошанкеты Комиссии о коммерции по поводу главных торгов городских жителей ставит торговлю хлебом на первое место¹⁷⁷. Откочевка калмыков (1771 год), значительно подорвавшая торговлю скотом, пожар 1774 года, потрясения, связанные с событиями 1773—1775 годов, оставили свой след в экономической жизни Саратова, что отмечено в „Описании Саратовского Наместничества“. В нем говорится о саратовском купечестве, которое „не может из бедности довести себя в цветущее состояние“¹⁷⁸. О разорении 1774 года, от которого „не могут оправиться купцы“, говорит и „Топографическое и историческое описание Саратовской губернии“, составленное в начале XIX столетия. Но это же описание отмечает, что большая часть купечества всех городов Саратовской губ. „упражняется в хлебном торге и богатеет на винных откупах“¹⁷⁹. А статистик первых лет XIX века Герман

отмечает земледелие, как „первый источник богатства губернии“¹⁸⁰.

В конце XVIII века в связи с ростом помещичьей колонизации и развитием земледельческого хозяйства в крае, определяется и новая хозяйственная физиономия Саратова, с каковой он ходит и в новое столетие.

План центральной части Саратова конца XVIII века.
Из материалов Саратовского областного музея.

Саратов... „стоит на берегу величественной Волги, царицы рек, движущегося моря и владычествует над одной из пространнейших областей в государстве. В сей области находятся и многочисленные уезды, хлебопашцами, помещичьими крестьянами населенные, и плодородные широкими реками орошаемые степи, никем или еще мало кем обитаемые и степи безводные и солончаки; в ней Ельтонское озеро, снабжающее солью треть России; в ней иностранные колонии, в ней Ахтуба и развалины Сарая, в ней растут березы и виноград, произведения Севера и плоды Юга, в ней хлебопашество и торговля и судоходство и рыбные ловли и соляной промысел“¹⁸¹.

Так характеризует нам значение города современник на рубеже XVIII и XIX столетий.

ПРИМЕЧАНИЯ

Первая часть настоящей работы в сокращенном виде напечатана в саратовском альманахе „Литературный Саратов“ за 1939 год—Акимова. „Из истории нашего города“, стр. 161—186.

В настоящей книге главы I, II, IV, V написаны Т. М. Акимовой и главы III, VI, VII написаны А. М. Ардабацкой.

Хронологическая канва истории Саратовского Поволжья дана в „Саратовской Летописи“, составленной Духовниковым и Хованским, Сборник „Саратовский край“, вып. 1, а также „Летопись Саратовской губ.“ в журнале Министерства Внутренних дел 1841 г., кн. 2 и в Саратовских губернских ведомостях „Летопись города Саратова“ 1861 г. № 46—52 и 1862 г., 1—16.

Библиографию по истории гор. Саратова частично можно найти в примечании к кн. Оппоковой „Прошлое Саратовского края“ 1924 г. и в указателе С. Д. Соколова „Источники и пособия для изучения Саратовского края“. Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссии, т. 26, стр. 145 и Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссии, т. 29, стр. 177. Дополнение.

1. Г е р а к л и т о в. История Саратовского края в XVI—XVIII вв., Саратов, 1923 г., стр. 140.

Краснодубровский. Год основания Саратова. Труды С.У.А.К., т. IV, вып. 2, стр. 371.

2. Г е р а к л и т о в. Где был построен Саратов в 1590 г. Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссии, том 31, 1914 год, стр. 29. Там же см. и библиографию вопроса.

3. Цитируется по книге Г е р а к л и т о в а „История Саратовского края“, стр. 123.

4. П е р е т я т к о в и ч. Поволжье в XV—XVI вв. М. 1877 г.

5. Цитируется по книге Г е р а к л и т о в а „История Саратовского края“, стр. 133.

6. В е с е л о в с к и й. Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией, т. II, стр. 110.

7. Цитируется по кн. Г е р а к л и т о в а „История Саратовского края“, стр. 193.

8. Цитируется по книге Г е р а к л и т о в а „История Саратовского края“, стр. 195.

9. Т а м ж е, стр. 195.

10. Известия Отделения Русского языка и Словесности Академии Наук, т. XII, кн. I. Путешествие русского торгового гостя Котова.

11. Т а м ж е.

12. Смета военных сил московского государства 1693 г. Военно-исторический Вестник 1909 г. и 7—8, 1910 г.

13. А. Н. М и н х. Историко-Географический словарь Саратовской губернии, т. I, вып. 1. Саратов, 1898 год, стр. 1340. С м и р н о в. Окладная роспись пятины по г. Саратову 1634 г. Труды С. У. А. К., том 33, стр. II. Саратов 1916 год.

14. Цитируется по кн. Гераклитова „История Саратовского края“.

15. П. С м и р н о в. Окладная роспись пятины по городу Саратову 1634 г. Труды С.У.А.К., том 33, Саратов, 1916 г.

16. А д а м О л е а р и й. Описание путешествия в Московию, М. 1906 г. стр. 358.

17. Труды С. У. А. К., том IV, часть I, стр. 60—61.

Г о л о м б и е в с к и й. Некоторые сведения о саратовских монастырях, труды С.У.А.К., т. III, вып. 1, 1870 г.

18. Г о л о м б и е в с к и й. История Саратова в исследованиях местного любителя старины. Библиографические Записки, 1892 г., № 3.

- Шахматов. Исторические очерки г. Саратова и его округа. 1891 г.
- Голомбиевский. Грамоты по Саратову, хранящиеся в Московском архиве Министрства Юстиции, Труды С.У.А.К., т. I, вып. IV.
- Выписка Шахматова из дела о рыбных ловлях, пожалованных в 1658 г. Труды С.У.А.К., т. 20, 1890 г.
19. Царская жалованная грамота Троицкому Сергиеву монастырю. Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссии, т. IV, вып. 2, стр. 60—61.
20. Гераклитов. Саратовская мордва. Известия Н.-В. Института краеведения, том I, Саратов, 1926 г., стр. 137.
- Гераклитов. Мордовские зимницы. Известия Н.-В. Института Краеведения, т. II, 1927 г.
- Гераклитов. Мордовский Беляк. Известия Н.-В. Института краеведения, т. II, 1927 г. Там же и другие работы по истории мордвы.
21. Гераклитов. Саратовская мордва. Известия Н.-В. Института краеведения, том I, Саратов, 1926 г., стр. 142.
22. Гераклитов. Материалы для истории Саратовского Поволжья. Труды С.У.А.К., том 29, стр. 66, Саратов, 1912 г.
23. Голомбиевский. Материалы для истории г. Саратова (Записи книг Печатного Приказа 1650—1675), М., 1892 г.
24. С. И. Кедров. Выписка из дела о рыбных ловлях на Волге, пожалованных жителям г. Саратова в 1658 г. „Чем им сытым быть“. Труды С.У.А.К., том IV, вып. 4, стр. 1.
25. Голомбиевский. Материалы для истории г. Саратова (Записи книг Печатного Приказа 1650—1675), М., 1892 г.
26. Голомбиевский. Материалы для истории гор. Саратова (Записи книг Печатного Приказа 1650—1675), М., 1892 г.
27. Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровым. Летописи русской литературы и древностей, т. IV, отд. 2, стр. 76, М., 1826 г.
28. Гераклитов. Материалы для истории Саратовского Поволжья, Труды С.У.А.К., т. 29, стр. 70.
29. Минх. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Саратов, 1901 г., т. 1, вып. 3, стр. 809 и 1063 и 1064.
30. Песни и сказания о Разине и Пугачеве. 1935 г., стр. 54.
31. Соловьев. История России с древнейших времен, т. II, гл. 5, стр. 294.
32. Стрейс. Три путешествия, стр. 200.
33. Песни и сказания о Разине и Пугачеве. 1935 г., стр. 38.
34. То же, стр. 35.
35. Костомаров. Сочин., т. II. Бунт Стеньки Разина, стр. 431.
36. Акты исторические, т. IV, стр. 376.
37. Материалы для истории возмущения Степана Разина. Изд. Поповых, М., 1857, стр. 42.
38. Соловьев. История России с древнейших времен, т. II, глава V, стр. 303.
39. Хрестоматия по истории СССР. Лебедев, т. 1, М., 1937 г., стр. 350.
40. Материалы для истории возмущения С. Разина, стр. 239.
41. Соловьев, т. II, гл. 1, стр. 306—309.
42. Гераклитов. История Саратовского края, стр. 261—262.
43. Известия, касающиеся подробностей бунта, недавно поднятого в Московии Степаном Разиным. Неизвестный английский автор, изд. 1672 г.
44. Материалы для истории возмущения Степана Разина. Изд. 1857 г., стр. 239.
45. Дополнения к актам историческим, т. VI, стр. 72.
46. Гераклитов. История Саратовского края, стр. 221.
47. Е. А. Шахматова. К истории Саратовского края. Из Донских дел. Дело II, Труды С.У.А.К., т. IV, вып. 1, стр. 40.
48. Голомбиевский. Грамоты по Саратову, хранящиеся в московском архиве Министрства Юстиции, Труды С.У.А.К., т. 1, стр. 440.
49. Гераклитов. Столбцы исторического архива Саратовской Ученой Архивной Комиссии, Труды С.У.А.К., т. 25, стр. 71 (опись приданого боярской дочери).
50. Голомбиевский. Материалы для истории гор. Саратова, М., 1892 г.
51. Е. А. Шахматова. К истории Саратовского края. Из донских дел. Дело IV. Труды С.У.А.К., т. IV, вып. 1.

52. Гераклитов. К истории волжского транспорта в конце XVI
Труды Н.-Волжского об-ва Краеведения, том 34, вып. II, стр. 11, 13 и 14—1
53. Соловьев. История России с древнейших времен, т. XIII, гл. 1.
Цитируется по кн. Шахматова А. И. Истор. очерки Саратова, 189
стр. 102.
54. Труды С.У.А.К., т. IV, вып. 3, стр. 219—220.
55. Труды С.У.А.К., т. 26, Саратов 1910 г., стр. 34 (Владенные выль
на сенные покосы в Курдюмском займище 1635, 1689 и 1696 гг.).
56. Е. А. Шахматова. К истории Саратовского края, Дело V, Тру
С.У.А.К., т. 1.
57. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи
СПБ., 1788, ч. III.
58. Владимирцев Б. Я. Общественный строй монголов (Монгольски
кочевой феодализм), Ленинград, 1934 год.
- Небольсин. Очерки быта калмыков Хошаутовского улуса, СПЕ
1852 г.
- Пальмов. Этюды по истории приволжских калмыков в XVII-XVIII вв
Астрахань, 1926 г.—36 г.
- Перетяткович. Поволжье в XVII—начале XVIII вв.—Одесса, 1892 г
59. Гераклитов История Саратовск. края, стр. 287.
- Чекалин. Саратовское Поволжье с древнейших времен.
- Чекалин. Остатки древних земляных сооружений в пределах Кузнец
кого уезда. Саратовский сборник, т. II, Саратов, 1882 г., стр. 352.
- Яковлев. Засечная черта Московского государства в XVII в.
60. Голомбиевский. Петровский уезд по переписным книгам 1723—
25 гг.
- Труды С.У.А.К., т. II, стр. 259—269.
- А. Н. Минх. Аткарск. Историко-географический словарь Саратовской
губ., т. 1, вып. 1.
- Голомбиевский. Расписной список Петровска. Труды С.У.А.К.,
т. II, вып. 1, Саратов, 1889 г.
61. Н. С. Соколов. Документы к истории г. Петровска. Труды
С.У.А.К., т. I, вып. 4 и 5, Саратов, 1888 г.
62. Лукин, Очерк г. Петровска. Саратовский сборник, т. 1, Саратов,
1881, стр. 234.
63. Чаев. Ядринские акты. Проблемы источниковедения. Сборн. I, Л.
1933 г.
- Гераклитов. Материалы по истории мордвы, 1931 г.
- История Татарии в документах и материалах, М., 1937 г. Сборник стати-
стических сведений по Саратовской губернии, Хвалынский и Кузнецкий
уезды, Саратов, 1886 г.
- Голомбиевский. Материалы из истории колонизации Саратовской
губ. Труды С.У.А.К., т. III, вып. 1 и 2, 1890 г. (данные 1-й ревизии).
- Голомбиевский, Узинский стан Пензенского уезда. Завальный стан
Пензенского уезда по книгам 2-й ревизии. Труды С.У.А.К., т. IV, вып. 2,
Саратов, 1893 г.
- Харизоменов. Материалы по четвертному землевладению Саратов-
ской губ. Труды С.У.А.К., т. II, стр. 409.
64. Работы Гераклитова по колонизации мордвы (см. 20).
65. Предание записано в с. Казанла, Базарно-Карабулакского района. См.
статью Акимовой Чуваши с. Казанла, Вольского уезда, Саратовской губ. Труды
Ниже-Волжского Об-ва Краеведения, т. 34, в. 4, Саратов, 1926 г., стр. 23. Там
же см. работы по колонизации саратовских чувашей.
66. Голомбиевский. Опись дел, хранящихся в Московском архиве
Министерства Юстиции, Труды С.У.А.К., т. II, вып. 1, стр. 39.
- Харизоменов. Материалы по четвертному землевладению Саратовской
губ. Труды С.У.А.К., т. II, стр. 409.
- А. Н. Минх. Дело мордвы селений Захаркино и Славкино Петровского
уезда о земле 1703 г. 1797 г. Труды С.У.А.К., т. 24, стр. 98.
67. О помещичьей колонизации Саратовской губ. см. Е. П. Подьяпольская.
О поместном землевладении и колонизации в районе Аткарского уезда. Изве-
стия Н.-В. Института Краеведения, т. II, Саратов.
- Ю. А. Кузнецова. К истории колонизации Сердобского уезда. Труды
Н.-В. Об-ва Краеведения, т. 35, в. 1, Саратов, 1928.

Хованский. Помещики и крестьяне Саратовской губернии, сб. „Материалы по крепостному праву в Саратовской губ.“, 1911 г.

Гераклитов. История Саратовского края, стр. 303.

68. Пурлевский. Вотчина боярина Льва Кирилловича Нарышкина, Саратовский Листок, 1887 г., № 258, 4 декабря.

69. Владимиров. Первое столетие Вольска. „Саратовский сборник“, I, Саратов, 1881 г., стр. 17.

Владимиров. Первое столетие Хвалынска, „Саратовский сборник“, II, 1882 г., стр. 165.

70. Е. А. Шахматова. К истории Саратовского края. Из донских дел, дело VI, Труды С.У.А.К., т. IV, вып. I.

Журнал Тамбовской Ученой Архивной Комиссии, 1886 г. 18 августа, стр. 32.

Гераклитов. Материалы для истории Саратовского Поволжья, Труды С.У.А.К., т. 29, Саратов, 1912 г., стр. 76.

71. Перетяткович. Поволжье в XVII—начале XVIII вв. Одесса, 182 г.

Миссионерский сборник статей и заметок о калмыках и киргизах, кочующих в Астраханской губ., Астрахань, 1910 г.

72. Шахматов. Исторические очерки г. Саратова и его округа.

73. Гераклитов. Список Саратовских и царицынских воевод XVII в. Труды С.У.А.К., т. 30, Саратов, 1913 г., стр. 60—61. В статье „Из истории шего городка“, помещенной в альманахе „Литературный Саратов“ за 1939 г., Саратовский воевода Ляпунов неправильно назван Нестеровым.

74. Лебедев. Жалованные грамоты Саратову 1701 г., Труды С.У.А.К., IV, вып. 1, 1894 г.

75. А. Н. Минх. Историко-географический словарь Саратовской губ., I, вып. 1.

Д. Перри. Состояние России при нынешнем царе. Чтения в Об-ве истории и древностей Российских, 1871 г., кн. 1, стр. 3—4.

76. Леопольдов. Статистические описания Саратовской губернии, I, 1839 г., стр. 76.

77. Лебедев. Астраханское восстание 1705 года. Проблемы истории капиталистических обществ № 9—10, 1937 г.

78. Цитируется по книге Лебедева Булавинское восстание 1707—1708 гг. М.—Л., 1937 г.

79. Гераклитов. Материалы для истории Саратовского Поволжья, Труды С.У.А.К., т. 29, Саратов, 1912 г., стр. 82.

80. Булавинское восстание 1707—1708 гг. Сборник документов, 1935 г.

81. Полное собрание законов, т. IV, 2218; II. С. 3., т. V, 3119.

82. Е. Н. Кушева. Саратов 3-й четверти XVIII в., Труды Н.-В. Об-ва Краеведения, т. 35, вып. 2, Саратов, 1928 г., стр. 25.

83. Корнелий де-Бруин. Путешествие через Московию. Чтения Московского Об-ва истории и древностей Российских, 1873 г., стр. 234.

84. Труды С.У.А.К., т. IV, вып. 2, стр. 71.

85. Соколов. Саратовский Троицкий собор, Саратов, 1904 г.

86. Е. Н. Кушева. Саратов 3-ей четверти XVIII в., Труды Н.-В. Об-ва Краеведения, т. 35, вып. 5, 1928 г., стр. 2.

87. Труды С.У.А.К., т. IV, вып. 2, дело № 5 от 1715 г.

88. А. Гераклитов. Саратовские бобыли. Ученые записки Саратовского Университета, т. III, Саратов, 1925 г., стр. 75.

89. Ф. Н. Родин. К истории волжского бурлачества. Труды Н.-В. Об-ва Краеведения, т. 34, вып. 4, 1926 г.

Ф. Н. Родин. Опыт восстановления бурлацкой песни. Труды Н. В. Об-ва Краеведения, т. 35, в. 5, Саратов, 1928 г.

90. Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник, ИБ., 1910 г., стр. 674, 489.

Саратовский этнографический сборник, под ред. проф. Б. М. Соколова, Саратов, 1922 г. „На опушке леса парень Эрзя дрова рубил“, стр. 166 (аркелов. Саратовская мордва).

91. А. Н. Минх. К истории переселения малороссов в Саратовский край, Труды С.У.А.К., т. IV, вып. I.

А. Н. Минх. Историко-географический словарь.

Гераклитов. История Сар. края, стр. 325.

92. Акимов а Поволжские чумаки, Саратов, 1937 г.
93. Горизонтов. Самойловка, „Саратовские губернские Ведомости“ 1871 г., № 22.
94. Калмыцкий Хан Аюка, Труды Саратов. Уч. Арх. Комиссии, т. 25, Саратов, 1909 г., стр. 339.
95. Труды С.У.А.К., т. IV, вып. 2, стр. 73.
96. Полное собрание законов 1737 г., 10 том, № 7438.
97. Гераклитов. История Саратовского края, стр. 82.
98. Фирсов. Иородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. Казань, 1869.
- Кедров. Опись дел, принадлежащих архиву уездного казначейства в г. Петровске, Труды С.У.А.К., т. IV, вып. 1, стр. 14.
- Чекали н. История землевладения по четвертному праву в Саратовской губернии. Саратовский дневник 1886 г. Полное собрание законов № 349, 3 января 1718 г. (о приписке к казанским корабельным верфям чуваш и татар без платы.)
99. Наказ от жителей гор. Саратова. С.Р.И.О., т. 134, стр. 267.
100. Саратовский край. Саратов, 1893 г., вып. 1. Саратовская летопись, стр. 45.
101. Лепехин. Дневные Записки. Путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1795 г., стр. 360—361.
102. Фальк. Записки. Полное собрание ученых путешествий по России. Изд. Инст. Акад. Наук, т. VI, стр. 107—111.
103. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства в 1772 и 1773 г., СПб., 1788 г., стр. 258.
104. Гераклитов. Саратовские пожары 1800 и 1801 годов. Труды С.У.А.К., вып. 33, 1916 г., стр. 5—18.
105. Кропотов М. С. Разные заметки о старинах саратовских. Труды С.У.А.К., т. I, вып. 5, стр. 584.
106. Голомбиевский, А. А. Эпизод из прошлого г. Саратова. Труды С.У.А.К., т. II, вып. 2, 1889 год.
107. Гераклитов. Обзор пугачевских дел. Из Астраханского губ. Архива. Труды С.У.А.К., 1913 г., вып. 80, стр. 42.
108. Саратовский край. К истории топографии Саратова, стр. 108—115.
109. Лепехин. Цит. соч., стр. 360—361.
110. Юрьев. История Саратовского Крестовоздвиженского монастыря. Сар. 1902 г., стр. 35.
111. Гераклитов А. А. Мелочи из прошлого Саратовского края. Труды С.У.А.К., вып. 28, 1911 г., стр. 2—7.
112. Державин. Соч., т. V. Переписка, стр. 151.
113. Паллас. Цит. соч., стр. 245.
114. С.Р.И.О., т. 134, стр. 267.
115. Лепехин. Цит. соч., стр. 361.
116. Кушева Е. Н. Цит. соч., стр. 5—25.
117. С.Р.И.О., т. 134, стр. 270.
118. Кушева Е. Н. Цит. соч., стр. 25—27.
- Кушева. Хозяйство Саратовских дворян Шахматовых в XVIII веке. Изд. Академ. Наук. СССР 1929 г., стр. 601—602.
119. П.С.З, т. X, № 7438, т. XI, № 8836.
120. Кушева Е. Н. Цит. соч., стр. 27—28.
121. Кушева. Е. Н. Цит. соч., стр. 40—41.
122. Кизеветтер. Посадская община в России, стр. 330—346.
123. Кизеветтер. Цит. соч., стр. 367.
124. Кушева. Цит. соч., стр. 23—24.
125. Сб. Р.И.О., т. IV, стр. 113.
126. Кушева. Цит. соч., стр. 44—48.
127. Сб. Р.И.О., т. 68, стр. 425.
128. Сб. Р.И.О., т. 68, стр. 14.
129. Гераклитов. История Саратовского края в XVI—VIII веках, стр. 360—366.
130. Лепехин. Цит. соч.
131. Пальмов. Дела земельные, стр. 4.
132. Писаревский. Из истории Иностранной Колонизации в России в XVIII веке. Зап. Моск. Арх. Ин-та, т. X. М., 1909.
133. Клаус. Наши колонии, СПб., 1869 г.

134. Кузнецова Ю. А. О поместном землевладении и колонизации
районе Аткарского уезда, стр. 174—175.
135. Хованский. Материалы по крепостному праву, стр. 159.
136. Пушкин. История Пугачевского бунта, ч. 1. Примечание к главе VIII.
137. Красный архив, т. 69—70, стр. 178—179.
138. Дубровин. Пугачев и его „сообщники“, т. 1, стр. 159—160, СПб.,
4 г.
138. Красный архив, т. 69—70, стр. 165—176.
- Дубровин. Т. 1, стр. 132—154.
139. Дубровин. Т. 1, стр. 169—172.
140. Пугачевщина. Центрархив, т. 1, стр. 41.
141. Мордовцев. Пугачевщина. „Вестник Европы“, 1866, т. 1, стр. 327—
142. То же, стр. 334—335.
143. Пугачевщина. Центрархив, т. III, стр. 458.
144. Мордовцев. Указ соч., стр. 341.
145. Грот. Жизнь Державина по его сочинениям, письмам и историче-
ским документам, СПб., 1880 г., т. 1, стр. 112.
- Записки Державина. М. 1860 г., стр. 64—66.
- Грот. Деятельность и переписка Державина во время Пугачевского
бунта, СПб., 1861, стр. 19—22, Уч. зап. I отд. Академии Наук.
146. Державин. Сочинения, т. V, СПб., 1869 г., стр. 86.
147. Грот. Деятельность и переписка Державина, стр. 44.
148. Державин. Соч., т. V, стр. 109.
149. Грот. Жизнь Державина, т. 1, стр. 138—140. Деятельность и пере-
писка Державина, стр. 47—50.
150. Державин. Т. V, стр. 136.
151. Грот. Жизнь Державина, т. 1, стр. 156.
152. То же, стр. 167—168.
153. Державин, т. V, стр. 147.
154. Грот. Жизнь Державина, т. 1, стр. 157—160.
155. Пугачевщина, т. III, стр. 86—87.
156. Державин, т. V, стр. 159.
157. Пугачевщина. Центрархив, т. II, стр. 249.
- Красный архив, т. 69—70, стр. 217.
- Грот. Жизнь Державина, т. 1, стр. 165—167.
- Записки Державина, стр. 83—84.
158. Кушева Е. Н. Саратов 3-ей четверти XVIII в. Труды Н.-В. Об-ва
исследов., вып. 35, ч. 2, 1928, стр. 57.
159. Грот. Жизнь Державина, т. 1, стр. 170—172.
- Дубровин. Пугачев и его сообщники, т. III, стр. 203—205.
160. Пугачевщина, т. II, стр. 191—193, т. III, стр. 194—195.
- Грот. Жизнь Державина, т. 1, стр. 171—174, т. II, стр. 71—72.
- Дубровин. Указ сочин., т. III, стр. 208—211.
161. Державин. Соч., т. IX, стр. 76.
162. Кушева. Указ соч., стр. 56.
163. Красный архив, т. 69—70, стр. 218—219.
- Пугачевщина, т. III, стр. 197—200.
164. Мордовцев. Пугачевщина, стр. 30 (Архивн. дела Саратовского
губернского управления).
165. Пугачевщина. Центрархив, т. III, стр. 202—204.
- Пушкин. История Пугачевского бунта.
166. Державин. Сочинения, т. V, стр. 282—283.
167. Грот. Жизнь Державина, стр. 176.
- Записки Державина, стр. 85—87.
168. Державин. Т. V, стр. 182—183.
- Грот. Жизнь Державина, стр. 178.
169. Красный Архив, т. 69—70, стр. 220—224.
- Дубровин. Указ сочин., т. III, стр. 214—265.
170. Дубровин, Т. III, стр. 290.
171. Державин. Сочин., т. V, стр. 288.
172. Мордовцев. Пугачевщина. Архивн. дела гор. Петровска,
стр. 361.

173. Полное собрание законов, т. XX, № 14967.
174. Записки Мешкова (чиновник Саратовской и Пензенской гу-
в царствование Александра I и Николая I).
175. Любомиров П. Г. Род Радищевых. Литературный Архив, 1911 г.
стр. 331—332.
176. Хованский И. Материалы по крепостному праву, Саратов, 1911 г.
стр. 4, 5—8.
177. Кушева Е. Н. Саратов в 3-ей четверти XVIII века.
Труды Н.В.О.К. Вып. 35, ч. 2-я. С. 1928 г., стр. 58.
178. Описание Саратовского наместничества. (Рукопись). Ленинград
Рукописное отделение библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.
179. Топографическое и историческое описание Саратовской губернии.
Рукопись неизв. автора, 1805 г. Ленингр. Ист. Археограф. Ин-т.
180. Герман. Материалы для статистики Саратовской губернии. Стати-
стический журнал, 1806 г.
181. Вигель. Записки. „Русский вестник“, 1864 г., т. 49, стр. 243.

Т. М. Акимова и А. М. Ардабацкая

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ САРАТОВА

Саратовское областное государственное издательство. 1940 г.

Ответ. редактор *Н. Богданова*

Техн. редактор *П. Минеев*

Уполномоченный Обллита № А/353

Корректор *Л. Маранова*

Художник *А. Скворцов*

Сдано в набор 20/VI 1940 г. Подп. к печ. 2/VIII 1940 г. Инд. ЭК-3-в. Изд. № 49.
Тираж 10000. Учетн.-изд. л. 8,18. Печ. л. 7. Формат бум. 60×92¹/₁₆. Бум. л. 3¹/₂ л.
Знаков в бум. л. 94400.

Цена 2 р. 5 к. Переплет лидериновый 2 р. 25 к. Коленкоровый 1 р. 75 к.

Саратов. Типография Облместпрома. Зак. № 3030.

